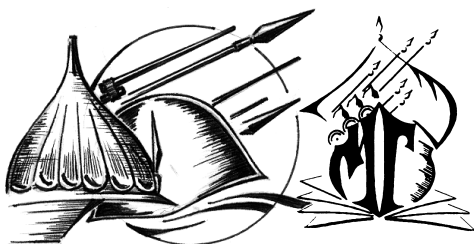

Россия, Русь! Храни себя, храни!

3
2022

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

К 100-летию «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

Виктор КИРЮШИН. Когда слово сближало	3
Анатолий АВРУТИН. Моя «Молодая гвардия»	6
Владимир ПРОНСКИЙ. Вместе с народом	9

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Андрей КАРПОВ. В этот момент истории	12
Владимир БОЛЬШАКОВ. Заново открыть Россию	47
Александр ГАПОНЕНКО. Невыученные уроки	106
Валерий КИРИЛЛОВ. А воз и ныне там	118

ПРОЗА

Михаил ГРИШИН. Рассказы	18
Сергей ПЫЛЁВ. Есть ли жизнь на антресолях? Рассказ	64
Василий ВОРОНОВ. Сны о Стамбуле. Рассказ	128
Юрий ШИПНЕВСКИЙ. За дамбой. Рассказ	149

ПОЭЗИЯ

Людмила ШИПАХИНА. На краю... Стихи	42
Валерий КРЕМЕР. Вода небесная светла. Стихи	94
Виктор САЗОНОВ. Река разлуки. Стихи	101

Олег ПОРТНЯГИН. От любви и печали. Стихи	162
Нина ПОПОВА. Я посадила сад... Стихи	170
Стихи поэтов Сызрани	193

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. Почему растет рейтинг Сталина ...	176
Александр ЦЕРКОВНЫЙ. Инструмент неолиберализма	181

УРОКИ ИСТОРИИ

Владимир АНИЩЕНКОВ. Последние дни Союза	185
--	-----

РУССКИЙ МИР

Андрей ЗЕЛИНСКИЙ. Над Украиной крылья Люцифера	205
--	-----

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Юрий УТКИН. Три возраста Сталина	212
---	-----

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Мария МОНОМЕНОВА. Беседа со священником	220
--	-----

ДОСЬЕ «МГ»

Евгений ПРОСКУРЯКОВ. История провала	225
---	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Лидия СЫЧЁВА. Кому служит таинственная кубышка?	233
Дмитрий МАМОНОВ. Электронный паспорт	237
Вячеслав МАКАРЦЕВ. Опасности принудительной вакцинации	242

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	245
--	-----

СИМВОЛ ВЕРЫ

Сергей КАРАМЫШЕВ. Люди осени	251
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЁВА. Литература как жизнь и судьба. К 100-летию журнала «Молодая гвардия»	259
---	-----

КОГДА СЛОВО СБЛИЖАЛО

Читатели моего возраста помнят небольшого формата книжки, которые продавались в киосках «Союзпечати». На обложке каждой из них, кроме имени автора и названия, была надпись «Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Вот этой самой «Библиотекой» я и стал руководить в 1986 году. А «сосватал» меня на это место поэт Владимир Иванович Фирсов. Что уж он там наговорил главному редактору журнала Анатолию Степановичу Иванову, мне неизвестно, но вскоре тот пригласил меня для беседы.

Признаюсь, разговор этот меня несколько насторожил. Иванов по характеру был человеком довольно закрытым, резковатым и я как-то засомневался: сработаемся ли?

Забегая вперёд, скажу, что отношения в конце концов сложились ровными, рабочими и никогда за эти рамки не выходили.

Думаю, будет правильным назвать и моих предшественников — Бориса Рябухина и Сергея Лыкошина. Лыкошин позднее руководил редакцией серии «Жизнь замечательных людей» книжного издательства «Молодая гвардия».

К 100-летию «МГ»

Что же представляла собой «Библиотека журнала «Молодая гвардия»?

По сути, это было целое издательство. Выходили 52 книжки в год во всех жанрах: проза, поэзия, критика, публицистика. Как правило, это были первые книги молодых авторов. Тираж поэтических сборников составлял 15 тысяч экземпляров, прозы — 75 тысяч. Сейчас это кажется фантастикой, но ведь было, было... Кстати, печатались наши книги в киевской типографии «Молодь». Несмотря на такие, кажущиеся ныне немыслимыми, тиражи, все книжки расходились. Никогда мы не получали возвратов или претензий по этому поводу со стороны «Союзпечати». Зато благодарных, заинтересованных писем от читателей приходило множество.

Поскольку жив был ещё Советский Союз и мы работали со всеми республиками, рукописи в редакцию шли непрерывным потоком. И не только на русском языке. Так что хватало работы и для переводчиков. Вот передо мной книжка Петра Федотюка «Ловец птичьих голосов». Перевод с украинского. В аннотации сказано: «Петр Федотюк родился в 1942 году в селе Литки на Житомирщине. По окончании средней школы работал на строительстве доменной печи в городе Жданове и целлюлозно-картонного комбината в Астрахани, в геодезической экспедиции в Каракумах. Закончил факультет журналистики Киевского университета. На украинском языке издал три сборника рассказов».

Где-то сейчас этот Пётр Федотюк? Да и собрат его, тоже украинец, Микола Лукив? Василе Неделеску был переведён с молдавского языка, Билал Лайпанов — с карачаевского, Альгимантас Каминкас — с литовского, Армен Шекоян — с армянского...

Так с помощью «Библиотеки» национальные писатели выходили к широкому читателю, вливались в общесоюзный литературный процесс. Это было время, когда литература сближала, а не разделяла.

Отношение к рукописям было совершенно иное, чем ныне, когда даже отвечать автору не считается обязательным. Нужно было выдерживать сроки рассмотрения. Каждая рукопись непременно рецензировалась, автор получал мотивированный ответ. Блестящие рецензии писал, к примеру, поэт Станислав Золотцев. Нередко, даже вопреки правилам, мы передавали их авторам книг, потому что это была неплохая школа.

Недовольных отказами тоже хватало. Писали жалобы во все инстанции, вплоть до ЦК КПСС. Создавались комис-

сии, шли проверки. Заканчивались они ничем, но время отнимали и нервы нам мотали.

Был и такой случай. Однажды в редакцию пришёл молодой автор с рукописью детектива. В разговоре стал намекать, что он сын высокопоставленного дипломата, мог бы оказать покровительство... В покровительстве я не нуждался, а детектив оказался слабым и мы его вернули. Каково же было наше удивление, когда несостоявшийся автор замелькал на экране в качестве обвиняемого в шпионаже. Уж и не знаю, курьёзный это случай или серьёзный.

А больше всё же помнится хорошее. Редакторы в отделе были квалифицированные, нередко сами пишущие. Такими я запомнил поэтов Анатолия Вершинского и Игоря Жеглова. Игорь, к сожалению, уже умер, а с Анатолием Николаевичем мы поддерживаем связь. Редактировал он в основном поэтические книги и научную фантастику, к которой имел пристрастие.

Назову и остальных. Илья Митрофанов к тому времени опубликовал в «Знамени» свою повесть «Цыганское счастье», вызвавшую многочисленные положительные отклики. Был он спокойным, толковым парнем, до Литинститута поработавшим и виноградарем, и плотником. К сожалению, жизнь его оборвалась трагически: в Перedelкине сбил пьяный автомобилист.

Женская часть нашей команды редакторов — это Лариса Левина, Надежда Петрунина, Ольга Русецкая, Ирина Шевелёва, Марина Маркова.

Хотя «Библиотека» была структурным подразделением редакции журнала, мы всё же обладали самостоятельностью. Сами отбирали рукописи, сами планировали выход книг. И главный редактор, и его замы редко вмешивались в нашу работу. Помню лишь, что по прямому указанию Анатолия Иванова в серии был издан Олжас Сулейменов. Ни к молодым, ни к начинающим отнести его было нельзя, но уж во всяком случае сборник его серию не испортил.

Конечно, я далёк от мысли, что все выпущенные нами книги были высокого художественного уровня, но за многие и многие имена и издания не стыдно и сегодня. Среди прозаиков это Ярослав Шипов, Вячеслав Дёгтев, Константин Ковалёв-Случевский, Владимир Карпец, Пётр Паламарчук, Александр Бушков, Лола Звонарёва, Леонид Крохалёв, Татьяна Жарикова...

Среди поэтов — Владимир Тыцких, Юрий Щербаков, Ирина Семёнова, Валерий Латынин, Сергей Хомутов, Анатолий Пшеничный, Валерий Хатюшин, Наталья Сидорина...

По-разному сложились их литературные и личные судьбы, но до сих пор, встречаясь с литераторами моего поколения, нередко слышу: «А у меня ведь первая книжка вышла в «Библиотеке «Молодой гвардии». Что ж, значит, не напрасен был наш труд.

Иногда ловлю себя на мысли: вот бы возродить что-то подобное той «Библиотеке»! И понимаю, что в нынешних условиях это в принципе невозможно. Дело даже не в деньгах: изменился мир, средства коммуникации, человеческие приоритеты, атмосфера в обществе да и сам читатель, накрепко привязанный к интернету. Видимо, всему своё время.

Прекрасно, что жив и в строю сам журнал «Молодая гвардия», отмечающий ныне столетний юбилей. Журнал с ярко выраженной общественной позицией, авторитетным авторским активом. Хочется пожелать нынешней его редакции мужества и терпения, яркого творчества и долголетия.

Виктор КИРЮШИН, поэт, секретарь правления Союза писателей России

МОЯ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Словосочетание «Молодая гвардия» некогда вошло в мою жизнь сразу в двух ипостасях. В те далёкие годы, когда я только пошёл в школу, имена героев-молодогвардейцев знали практически все. Мои ровесники с придыханием повторяли эти имена: Олег Кошевой, Сергей Тюленин, Иван Земнухов, Ульяна Громова, Любовь Шевцова... Мы срывались с уроков, чтобы в очередной раз посмотреть одноименный фильм, втайне надеясь, что, может быть, именно сейчас случится чудо, и герои не погибнут...

Для нашей семьи было вполне естественным, что среди многочисленных изданий, которые выписывал папа-парторг, — «Правды», «Советской Белоруссии», дорожной газеты «Сталинский призыв», позднее ставшей «Железнодорожником Белоруссии», в котором я, много лет спустя, впервые напечатал свои стихи, журналов «Коммунист» и «Политинформатор и

агитатор», была и «Молодая гвардия». Именно её первым делом равнодушная к политическим проблемам книжница-мама извлекала из стопки, принесенной почтальоном тётей Наташей, и, вздохнув: «Единственное, что здесь не макулатура...», начинала немедленно листать. Отец, сам тайком писавший стихи, которые, правда, никому, кроме мамы, не показывал, невольно вздрагивал: «Тише ты... Про газеты... Журнал прочитаешь, мне самое интересное покажи...» После чего пил крепкий настой желудёвого кофе и, дождавшись, пока мы с матерью отправимся спать, садился конспектировать при скудном свете старенькой настольной лампы труды классиков марксизма-ленинизма для очередных политзанятий...

Сам я читать начал рано, классу к пятому по несколько раз перелопатил всё, что было любовно собрано родителями на единственной этажерке, — тома Чехова, Лермонтова, Гаршина, Серафимовича... Даже биографию Сталина проштудировал. В школьной библиотеке набирал охапку книг, невольно отмечая, что творения расхваленных советских писателей по уровню заметно уступали классике. Брал домой «Жатву» Галины Николаевой или «Цемент» Федора Гладкова и, почувствовав сводящую скулы скуку, относил их обратно...

Совсем иное впечатление производила «Молодая гвардия». Там не печатали каких-то скандальных экспериментаторов, не пытались, пусть и исподволь, как в некоторых других изданиях, сеять в душах сомнения, коварно подтачивать государственность. В журнале были свои устои и свои правила, невольно вызывавшие к себе уважение. Если проза, то настоящая, сочная, русская. Если стихи, то без привычных советских штампов... Я не зря вспомнил героев-молодогвардейцев — была в публикациях журнала послевоенной поры, кто бы его ни редактировал, некая стоическая верность корням и истокам, русскому началу отечественной духовности.

А когда я узнал, что «Молодая гвардия» — старейший из существующих литературных журналов страны и что там некогда печатались Есенин и Шолохов, этого было достаточно, чтобы окончательно и навсегда влюбиться в издание.

Влюбиться-то влюбился, но даже в самых радужных мечтах и представить себе не мог, что когда-нибудь и мои стихи появятся на страницах этого журнала. Очень долго не отваживался что-то туда предложить. Мой путь из не очень-то жалующего русское слово литературного Минска к российскому читателю отнюдь не был усеян розами. Благо, всегда находились люди, бравшие на себя смелость поддержать доселе малоизвестного автора. Но время шло, меня уже опубликовали «Нева», «Смена», даже «Наш современник», а вот

публикация в «Молодой гвардии» всё еще оставалась далекой мечтой...

Однажды на заседании редколлегии редактируемого мной журнала «Немига литературная», который в те давние времена еще не добавил к своему названию слово «новая», кто-то предложил обратиться к молодогвардейцам с предложением обменяться публикациями — благо, к тому времени нечто подобное нам, к обоюдной радости авторов, уже удавалось осуществить с несколькими, правда, менее именитыми изданиями. Я составил подборку из произведений пяти-шести наиболее одаренных местных поэтов и по электронной почте отправил в Москву. Спустя какое-то время пришел ответ, из которого следовало, что сотрудничать с «Немигой...» в «МГ» согласны, но по своему уровню для публикации из присланного подходят только мои стихи... Так вместо коллективной подборки родилась моя личная, а спустя несколько недель после выхода номера почта принесла бандероль с двумя экземплярами заветного журнала. В качестве обратного адреса значились координаты заместителя главного редактора «МГ» Валерия Хатюшина, возможностью познакомиться с которым я моментально воспользовался... Валерий уже тогда был достаточно известным поэтом, философская лирика которого восхищала многих. Но многих бесхребетных литературных деятелей отталкивала его гражданская позиция, за которую поэту нередко мстили замалчиванием и не печатаньем.

Так или иначе, но наше знакомство, затем переросшее не только в творческую, но и в личную дружбу, состоялось. А когда, спустя какое-то время, Валерий сам возглавил «Молодую гвардию», я и вовсе при его поддержке стал постоянным автором журнала. Это на моих глазах Валерий Хатюшин отчаянно спасал от гибели неожиданно брошенный на произвол судьбы предыдущим главным редактором журнал, боролся за каждого подписчика и за каждого достойного автора, не позволяя себе никаких поблажек и окольных путей. В то время, когда некоторые его коллеги запросто продавали часть журнальной площади богатым графomanам в обмен на возможность продолжить выходить в свет, В. Хатюшин никакими своими принципами поступаться не стал — на зубах, но оттащил журнал от края пропасти, сохранил годами формировавшийся костяк авторов. И на сегодняшний день «Молодую гвардию» с полнейшим основанием можно назвать совестью отечественной словесности. Потому что с его страниц веет правдой...

В наше вирусное время не так часто, как хотелось бы, удаётся встретиться с Валерием Васильевичем лично. Чаше при-

ходится довольствоваться телефонными звонками и электронной почтой. Зато каждая встреча остается в памяти навсегда — я рад, что Валерий побывал у меня дома, что я познакомил его со своей женой Зоей, рад был обняться, когда он пришел в ЦДЛ на мой творческий вечер и замечательно там выступил.

Настоящую литературу создают только крупные личности. Настоящий литературный журнал только тогда останется действительно настоящим, когда его возглавляет большой писатель с сильной волей и крепким характером. В этом плане «Молодой гвардии» исключительно повезло. Поэтому-то и забрезжил на горизонте столетний юбилей издания, которое, явив миру почти век назад Есенина и Шолохова, продолжает открывать всё лучшее, что есть сегодня в русской литературе.

Анатолий АВРУТИН, поэт, лауреат Национальной литературной премии Беларуси и Большой литературной премии России, г. Минск

ВМЕСТЕ С НАРОДОМ

Литературная жизнь моя, довольно рано начавшаяся, развивалась ни шатко, ни валко, сдружившись же с романтическим настроением послеармейской молодости, даже забросил сочинительство. Правда, к тридцати годам, когда у сверстников выходили книжки, вдруг взялся за «ум», понимая, сколько времени было упущено. В ту пору меня интересовало всё, что связано с книгами. В юношестве, конечно, увлекала приключенческая литература, позже — русская классика в разные её периоды, а в журналы начал заглядывать, когда стал понимать, что и современных авторов необходимо знать. Знакомство с их творчеством разжигало лю-

бопытство, желание работать. Да и как можно было разми- нуться с произведениями земляка Б. Можаява, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина, В. Личутина — все «деревенщики» и родственные души. Очарованный их творчеством, находил собственные сюжеты рассказов. Тогда же начал роман «Провинция слёз» и надолго погрузился в него. Из-за этого ли- тературная жизнь проходила мимо, да я и не особенно нуждал- ся в ней, хотя литобъединения посещал. Побывав несколько раз в ресторане ЦДЛа, наслушавшись писательского трёпа, впредь не особенно стремился к общению за рюмкой чая — было жаль времени, растраниженного достаточно. Только когда вышла первая книга и была завершена первая книга романа, вспомнил о журналах по-настоящему. Кажется, про- шёл все «толстяки», ни в одном не зацепился, но не особо и расстраивался — некогда было заниматься суетой, а продол- жал работать над второй, а потом и третьей книгой трилогии. Поэтому, хорошенько «созрев», в «толстяках» начал печататься лишь после пятидесяти. Хорошо это или плохо? Отве- та нет. Зато имел значительный запас произведений, с кото- рыми, когда изменилось редакторское отношение, мог смело явиться к читателям.

Одним из первых журналов оказалась «Молодая гвардия», где в сентябрьском номере за 2001 год появился рассказ «За- клевали». Не избалованный вниманием, обрадовался пуб- ликации и соседству под одной обложкой с прозаиком Сер- геем Ворониным, творчество которого давно знал и любил, и это соседство помогло понять, что мои рассказы что-то зна- чат. С той поры двадцать лет меня привечают в этом издании, ставшем любимым. Опубликовано несколько романов и по- вестей, множество рассказов. А главное, за это время срод- нился с близкими по настроению и мировоззрению людьми, редакция стала мне вторым домом, куда всегда могу прийти и поговорить о наболевшем, обсудить публикации. И пусть за эти годы редакция журнала сократилась до предела, а вся жизнь в нём теперь держится практически на одном че- ловеке — главном редакторе. Поэтому всегда хочется чем-то помочь ему, чтобы он чувствовал поддержку, знал, что его ра- бота не остаётся незамеченной и неоценённой. Ведь такое внимание прибавляет сил для служения литературе и отста- ванию идеалов, о которых часто забывают в современном мире капитализма, неожиданно захватившего население стра- ны, а ветеранам есть с чем сравнить прежнюю жизнь с ны- нешней. Им зачастую тошно смотреть на происходящее вок- руг. Ведь как объяснить молодёжи, что не потребительство составляет основу жизни, а многое иное, о чём, подчас, забы-

вают в высоких кабинетах, проявляя ненужную и необоснованную «креативность» и «оптимизацию», но проводят её кособоко, с неудобствами для населения, забывая, что человек силён своей неповторимостью.

Вот поэтому разухабистость современной жизни, её острые углы и крутые повороты и являются предметом исследования современных авторов, отображающих её в художественных произведениях. И если у автора горят глаза, если Господь наградил умением разглядеть болевые точки в обществе, то его всегда встретят в редакции и вынесут на суд читателей неравнодушные мысли, заставляющие задуматься и помочь найти правильное решение по тому или иному вопросу. И журнал «Молодая гвардия» всегда поддержит единомышленников в этом благом деле.

В нынешнем году журнал отмечает славную дату — 100 лет вместе с народом! Поэтому с лёгкой и благодарной душой поздравляю с этим замечательным событием всех, кто служит ему, и вспоминаю тех, кто служил в течение века.

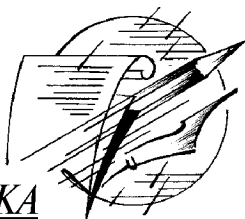
Владимир ПРОНСКИЙ, прозаик, секретарь Союза писателей России

В ЭТОТ МОМЕНТ ИСТОРИИ

Наверное, сегодня каждый чувствует, что жизнь прервала своё ординарное течение. Происходит нечто, выходящее за рамки былого исторического опыта. Мир меняется, и когда нам говорят, что он уже не будет прежним, в это веришь, хотя всё внутри стонет и сопротивляется такому выводу.

Но что именно с нами случилось? Как правильно обозначить тот момент, который нам в настоящее время приходится переживать? По всей видимости, суть происходящего можно определить как фазовый переход к цифровому обществу.

Под фазовым переходом обычно понимается резкое изменение свойств системы, в результате чего она переходит в иное состояние. Примерно это мы сейчас и наблюдаем. Результатом идущих изменений должно стать возникновение общества нового типа, принципиальная новизна которого заключается не столько в том, что выстраивается цифровая среда, всё больше затягивающая в себя человека, столько в том, что сама социальность теперь реализуется через цифровые технологии. «Цифра» отныне — не внешний инструмент, не средство, привлекаемое для работы, развлечения, обу-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

чения или познания, она превратилась в неотторжимую социальную ткань, обеспечивающую само существование общества.

Ускорение событий, которое сегодня столь ощутимо, вызвано тем, что замещение традиционной социальной ткани на цифровую достигло, так сказать, центральной нервной системы — системы управления. Прямо на наших глазах управление социумом перестраивается с опосредованных методов, когда проводником принятых решений являются люди, на непосредственные, цифровые, предполагающие, что ничто человеческое уже не может повлиять на достигаемый результат. Подобно тому, как мы, управляя машиной и перещёлкнув тумблер или нажав на кнопку, сразу же получаем нужное действие. Точно так же с помощью новых технологий можно добиваться автоматического изменения поведения людей. Возможности человека определяются его правом доступа, которое регулируется через QR-код.

Система QR-кодов экономит массу управленческой энергии. Если она будет повсеместно внедрена, отпадёт необходимость обосновывать решения и специально мотивировать людей к их исполнению. Каждому можно будет персонально настроить параметры социальной активности — что-то разрешить, что-то отключить, и в любой момент поменять эти настройки. Контроль тоже предельно упростится. Наконец-то люди превратятся в идеальный объект управления, станут лишь функциональной насадкой на том конце провода, по которому будет бежать электронный сигнал.

Развитие цифровых систем являлось необходимой предпосылкой для перехода к цифровому обществу, но само по себе оно не вызвало бы фазовый переход. Кроме технологических ограничений, существовали ещё и этические. Превращение человека в автоматическую деталь должно было стать этически возможным. Для этого требовался серьёзный повод. Необходимо было найти такой этический императив, категоричность которого превзошла бы неприемлемость лишения человека права на самостоятельную жизнь. И такой императив нашёлся: общество приняло мысль, что само продолжение жизни важнее всех личных прав.

В 2021 году была памятная дата — 200 лет со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского. И вот на информационных панелях в московском метро замелькала цитата: «Надо любить жизнь больше, чем смысл жизни». И подписано: «Ф.М. Достоевский». На самом деле именно вот этой фразы у Достоевского нет. Если заглянуть в роман «Братья Карамазовы», то там есть такой диалог:

«...Я хочу в Европу съездить, Алеша, отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вот что! Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними, в то же время убеждённый всем сердцем моим, что всё это давно уже кладбище и никак не более. И не от отчаяния буду плакать, а лишь просто потому, что буду счастлив пролитыми слезами моими. Собственным умилением упьюсь. Клейкие весенние листочки, голубое небо люблю я, вот что! Тут не ум, не логика, тут нутром, тут чревом любишь, первые свои молодые силы любишь... Понимаешь ты что-нибудь в моей ахинее, Алешка, аль нет? — засмеялся вдруг Иван.

— Слишком понимаю, Иван: нутром и чревом хочется любить — прекрасно ты это сказал, и рад я ужасно за то, что тебе так жить хочется, — воскликнул Алеша. — Я думаю, что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить.

— Жизнь полюбить больше, чем смысл ее?

— Непременно так, полюбить прежде логики, как ты говоришь, непременно, чтобы прежде логики, и тогда только я и смысл пойму. Вот что мне давно уже мерещится. Половина твоего дела сделана, Иван, и приобретена: ты жить любишь. Теперь надо постараться тебе о второй твоей половине, и ты спасён.

— Уж ты и спасаешь, да я и не погибал, может быть! А в чем она вторая твоя половина?

— В том, что надо воскресить твоих мертвецов, которые может быть никогда и не умирали».

Приходится давать длинную цитату, чтобы показать, как автор раскручивает свою мысль, выражая её через наложенные взглядов столь разных характеров, как у Ивана и Алёши. Любой смысл в жизни возникает лишь после того, как ты полюбишь саму жизнь, поймёшь, что она — ценность, а не мусор какой-нибудь, дар человеку от Бога, которым надо правильно распорядиться. Сердце должно открыться раньше, чем включится холодная логика, рацию. Вот о чём цитата, а её порезали, составив фразочку, которая, по сути, отрицает любые смыслы, кроме простого продления бытия.

«Надо любить жизнь больше, чем смысл жизни» — в этом вся философия текущего момента. Этика, построенная на такой философии, при первой же угрозе для жизни позволяет отказаться от любых ценностей, так как они считаются вторичными.

И вот мы видим, как страх перед смертью, возведённый в высшую добродетель, даёт благословение на установление системы цифрового управления. Введение QR-кодов позволяет сильную этическую поддержку, позволяющую преодолеть моральные возражения.

Без пандемии фазового перехода не было бы, но ошибочно связывать возникающее общество исключительно с санитарной мотивацией. Это лишь побудительный мотив или повод — пришедшийся кстати до такой степени, что начинаешь задумываться, действительно ли он случаен. Однако новая система настолько удобна для тех, кто получает возможность жать на кнопки, что они будут её поддерживать уже независимо от внешних обстоятельств.

Если говорить о новизне формирующегося социального устройства, стоит разобраться, за счёт чего эта новизна обеспечивается, или, другими словами, что отрицает новое общество. Приходится признать, что фазовый переход осуществляется за счёт отбрасывания христианства.

В истории человечества уже был период, когда люди рассматривались инструментально, выполняя роль функционального периферического устройства. Это эпоха рабства. Аристотель писал: «Раб есть часть господина, как бы некоторая, отдельно от него существующая, одушевлённая часть его тела». Древнеримский экономист Марк Теренций Варрон классифицировал: «Существуют три вида орудий: которые не говорят — рабочие животные, бессловесные — телеги и которые говорят — рабы».

Христианство привнесло в мир представление о фундаментальном, исходном равенстве людей. Это стало частью благой вести: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3: 28). Во Христе устраняются все различия. Все люди — братья, каждый, кому ты можешь помочь, — твой ближний. И когда христианство распространилось по миру, рабство не устояло и истаяло.

Мы сегодня могли бы дополнить перечень, заданный апостолом Павлом, сказав, что там, где христианство, где Православная Церковь, там, где всё и во всём Христос, «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного» (Кол. 3: 11), ни вакцинированного, ни невакцинированного, ни «ваксер», ни «антиваксер». Когда Господь призывает благотворить ненавидящим и молиться за обижающих, «да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мат. 5: 45).

ведных» (Мф. 5: 45), сложно представить, чтобы Он потом сказал: «...только различайте тех, у которых есть QR-код, от тех, у которых его нет».

Вся эта социальная механика, когда по какому-то принципу одни люди объявляются достойными получения благ, а другие подвергаются депривации, не совместима с христианским учением, и то, что она утверждается как новая норма, свидетельствует, что мир переступил через своё прошлое христианство. Это знак смены эпох. Мы уже давно говорим об ослаблении веры и утрате христианских ценностей, но только сейчас сделан финальный шаг. С введением системы QR-кодов начинается эпоха откровенно антихристианского мира.

И нашей Православной Церкви придётся всё же как-то реагировать на внедрение QR-сегрегации. Отмолчаться, как будто ничего особенного не происходит, не получится. Не дадут. Рано или поздно начнётся принуждение к принятию общей системы. Первая пристрелка уже началась. Так, 9 ноября прошлого года на брифинге, который проводил заместитель главы Свердловской области Павел Креков, его спросили, «планируется ли отнести к зонам COVID-free православные и католические храмы, мечети, синагогу?». Словечко COVID-free в современном новоязе (чуть ли не прямо по Оруэллу) используется для обозначения закрытых зон, куда можно попасть только по QR-коду. Чиновник ответил, что у нас религиозные организации отделены от государства. «Это то решение, которое должно приниматься руководством наших конфессий. Мы рекомендуем это сделать, а то, что касается конкретных выводов, — это уже зона ответственности всех наших конфессий», — сказал он. Пока так, на уровне рекомендаций. Можно ожидать, что давление будет возрастать. От Церкви неизбежно станут требовать «более ответственного» поведения, особенно когда всё вокруг будет переведено на QR-регуляцию.

На самом деле уже отказ пускать в общественный транспорт без QR-кодов является косвенным запретом на посещение храмов — ведь туда как-то надо добраться, не у всех храм в шаговой доступности, а у многих нет личного автотранспорта. Но это ущемление прав верующих — первая ласточка. Антихристианская сущность новой эпохи не позволит мириться с существованием параллельного мира, в котором любят всех и все находятся в единстве, независимо от персонального статуса. Церковь попытаются сломать.

То, что Церковь пока молчит, добавляет прыти реформаторам реальности. Противник выглядит слабым. Возможно,

ещё не пришло осознание того, что, в отличие от вакцинации, QR-маркировка относится не к области персонального выбора, а является вызовом основам христианства. Впустить QR-сегрегацию в Церковь означает отступить от Христа.

Но Господь наш — Камень преткновения. Строители нового мира Его отвергли, отбросили вон, но вполне возможно, что они ещё споткнутся. Если Церковь не дрогнет и устоит под давлением, простой факт наличия публичного пространства, где QR-кодов нет и, более того, где они немислимы, обличит неправду происходящего. Ложь расползётся, как гнилая ткань, фазовый переход прервётся и социум останется человеческой общностью, не превратившись в социальный автомат.

РАССКАЗЫ

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНИНА

Снится деду Никишке, будто вернулся он с войны, идёт по деревне, увлажнившимися глазами родные места ласкает; крытые соломой хаты, сиротливо глядевшие на улицу мертвенно черневшими окнами, запустевшие участки земли с чахлыми ростками хлеба, обильно смоченные вдовьими слезами. Кривые и страшные борозды вылегли словно морщины на лице старого человека. Оттого и больно деду Никишке, больно вот тут — под левым соском, где на пыльной, вылинявшей от соленого пота гимнастерке висит медаль «За отвагу».

А в ограде, провожая его глазами, молчаливо стоят бабы. Сопливые детишки испуганно жмутся к взрослым, цепко держась непромытыми ручонками за юбки и бросая исподлобные не по-детски серьёзные взгляды на чужака. Матери их, недоласканные, стосковавшиеся за войну по своим мужьям, низко кланяются ему в пояс по старинке, касаясь огрубевшими, скрюченными от непосильной работы пальцами матушки земли.

И дивно становится молодому Никишке от подобного внимания к себе — парень он собой невидный,

ПРОЗА

ростом не вышел, да к тому же еще и худой, в чем душа держится. (До седых волос дожил, а Никишкой так и остался.)

Пряча растроганные глаза за кривой дрожащей улыбкой, он тянет из-за плеча трофейную гармошку, которую на память прихватил из самого города Берлина. Первые робкие звуки колыхнули мертвую тишину пыльных улиц. Но вот голос гармошки в умелых руках окреп, взметнулся ввысь, и будто весь мир вокруг раздвинулся... Над деревней, над соломенными крышами покосившихся хат, над дворами, заросшими будьяльями полыни и крапивы-старюки, величаво звучит брагурный марш «Прощание славянки». И нет уже будто самого Никишки, а есть простой русский солдат, совершивший великое дело... Широко шагая, он по-хозяйски ступает по своей земле. Не важно, что у него над голенищами стоптанных вчистую кирзовых сапог с густым слоем дорожной пыли не по росту великовато болтаются пухлые галифе.

Прижимая к сердцу гармошку, Никишка с каким-то ожесточением давил на клавиши, словно навсегда хотел отыграть за тех парней, которым более не ходить под горячим солнцем, не ступать босыми ногами по шелковистой траве, и не им будет надоедливо куковать кукушка, суля долгую счастливую жизнь.

Слёзы застилают ему глаза, колючий ком застревает в горле. И вдруг прямо перед собой Никишка увидал мать. Простоволосая, с развивающимися на ветру седыми космами, она бежала навстречу. Безобразно разеваая рот, голосила словно по мёртвому:

— Сы-ну-у-ушка!

В руках у Никишки на высокой ноте запнулась гармонь и, выроненная из ослабевших пальцев, издала протяжный щемящий звук.

— Мама! — крикнул он.

...В курятнике протрубил зарю петух, и дед Никишка проснулся. Уроненная во сне старческая слеза шекотала щеку. Он с выхрипом вздохнул и, как бывало в детстве, попробовал обмануть сон — притворяясь, прикрыл обесцвеченные, выветленные годами глаза. Но сон не шел. Последнее время с дедом творилось что-то такое, от чего на душе у него было неладно, больно, как тогда, в далеком сорок пятом. Одолеваемый бессонницей, он до света ворочался, тяжело вздыхал, невидимо пялясь в темноту. Летом было еще терпимо, а вот зимой...

В зимние длинные ночи, когда деревню сковывала голубеющая стужа, он накидывал старенький пропахший овчиной полушубок и в валенках на босу ногу выходил во двор. В сты-

лом воздухе разливался мёртвенный неживой свет луны. Отбрасывая косую изломистую тень, он долго и неподвижно стоял посреди двора — маленький одинокий победитель, несуразно выглядывший в своем допотопном тронутом молью полубубке. Под жуткий вой рыскавших за околицей волков и мысли его были нерадостны, тоскливы, впору самому на четвереньки встать и завывать по-волчьи.

«При Лёньке-орденоносце зажили было чуток, а он возьми и упокойся. А рази такая огромная страна без управы может? Откуда он, чёрт меченый, и взялся со своей перестройкой? Замутил водицу-то, ох и замутил, чертяка. Страну как норовистого коня на дыбы поднял, аж удила зазвенели на весь белый свет. А сам-то наездником никудышным оказался, так и полетел с него кверху тормашками... Никчёмный человечиска оказался, бесполезный... По своей наивности думали, что алконавт хоть путевым окажется, усмирит вздыбившегося коняку, запряжет в телегу, всех чинно рассадит, да и повезет всем табором на праздник... на праздник жизни. Сдуру ему даже и подсобили... А оно вон как вышло... Этих самых пособников у него оказалось как... вшей в загашнике у нищего... Всей сучьей сворой так и навалились... А на дыбах рази устоишь долго? Вот коняка-то и скovyрнулся с копыт. А на лежу что ж... На лежу делай с ним что хочешь... как... как с пьяной гулящей девкой... Хошь шпунай ее сердешную, хошь измыляйся в свое удовольствие... И шпунали, и измылялись, кто во что горазд. Не постеснялись, ироды, раздели догола, аж срамоту теперь прикрыть нечем, так и лежит кверху пузом, манит нечистых на руку проходимцев, которым... которым аж миллиарды народные отваливаются. Спрашивается, за что ж воевали тогда, за что молодые ребята свои головы сложили? За что, спрашиваю?» — с надрывом вопрошал дед Никишка невидимого собеседника и плакал, вытирая рукавом слёзы. Обида, как все обиды, была горькой.

И лишь мороз, леденящий и без того медленно бегущую по жилам кровь, заставлял уходить со двора. Он возвращался на свою половину, ложился навзничь и отрешенно глядел в потолок, будто искал и не мог найти там ответа. Сквозь переплёты рамы в комнату точила голубой свет далекая луна, делая похожим его на покойника: обтянутые кожей скулы, заострённый нос, пугающе ввалившиеся глазницы с залегшими в них глубокими тенями.

Тяжко деду Никишке в такие минуты бывает, так тяжело, что впору руки на себя наложить; получалось так, что вся жизнь собаке под хвост пошла.

...Нынче же словно брызнули в его лицо живительной влагой; губы морщились в сдерживаемую улыбку, дрожали не плотно прикрытые веки. Хитрил старый, притворяясь спящим, потому как боялся расплескать переполнявшую его радость. В первый раз за всё время после развала Советского Союза вспомнили и о нём.

Вчерашнее письмо с синим штампом районной администрации наделало в доме немало переполоху — дед Никишка распечатывал его с опаской, зная по своему многолетнему опыту, что ничего хорошего такие известия и в былые годы не приносили, а ныне и подавно — того гляди со своего двора попросят.

Подслеповато взглядываясь в казённую бумагу, долго по слогам читал, с трудом ворочая непослушными губами:

«Уважаемый Никита Афанасьевич, сообщаем о выделении Вам малолитражного автомобиля «Ока». Убедительная просьба явиться в районный Дом культуры для торжественного вручения Вам ключей от автомобиля».

Много перевидал он на своем веку официальных бумаг, они даже пахли иначе, строго и недоступно, но такой получать еще не приходилось. Шамкая беззубым ртом, он еще раз недоверчиво перечитал письмо. Предательски дрожавшие пальцы выдавали его душевную сумятицу. Он поднял напивавшиеся мутной влагой глаза и невидяще уставился вдаль, туда, где за выгоном сходились земля и небо.

Неотрывно глядя в одну точку, старик растроганно шептал сквозь перехватившее горло удушье:

— Не забыли... Не забыли... Вспомнили и о моих заслугах перед Родиной. Знать, не зря я проливал свою кровушку...

Его маленькая, высохшая от старости седая голова на тонкой морщинистой шее мелко подрагивала. Прыгали, не находя себе места, бесцветные губы. Сочные краски, некогда присутствовавшие в его лице, год от года блёкли и вконец слиняли, сделав теперь лицо неживым, коричневым, будто вылепленным из суглинка.

Весь последующий вечер дед Никишка не расставался с письмом. Не один раз он надоедливо приставал к внуку:

— Слышь, Петяшка, ну-ка прочти, как там прописано-то?

— Дед, ты уже со своим письмом заколебал, — сопротивлялся долговязый оболтус, собиравшийся по осени в армию. — Была бы тачка как тачка. «Бумер» или там, например, «Мерин», а то так себе... коробчонка... Ветром с дороги сдувает.

— Сам ты как... коробчонка, — обижался дед и ревностно отбирал письмо. Бережно прижимая белый листок черными заскорузлыми ладонями к груди, огорченный уходил, впол-

голоса ругаясь: — Мерина ему подавай. Ишь ты, деятель какой нашелся.

Внук виновато оправдывался:

— А чего я такого сказал-то?

...Вылёживаться далее не хватило терпения. Дед Никишка молодецки сиганул с постели и, осушив раненую ногу, болезненно сморщился. Переживая боль, на себя усмехнулся:

— Козел старый, а всё туда же.

Прихрамывая, в одном исподнем белье вышел во двор. Белесый туман пластался над лугом. С бузины, росшей возле сарая, капала обильная роса. Из леса глухо, словно по воде, доносился голос кукушки.

Глаза деда по-молодому загорелись. Украдкой оглянувшись, он спросил:

— Кукушка, кукушка, сколько мне осталось жить?

— Ку-ку! — охотно отозвалась кукушка.

Дед Никишка приложил к заволосатевшему уху ладонь, весь подался вперед.

— Раз, — начал он отсчет своей жизни.

Но все испортила сноха, вышедшая на порог с подойником. Глядя на маленького, худого в исподней рубахе до колен свекра, застывшего посреди двора в нелепой позе, сказала с досадой:

— Батя, и чего тебе не спится?

Застигнутый врасплох, дед Никишка растерянно замигал оголёнными светлыми глазами. Потоптавшись на месте, буд-то сразу хотел перейти на рысь, соврал:

— До ветру выходил я...

— Простынешь ведь, зайди в дом.

— Небось! — отмахнулся дед Никишка, овладев собой после минутного смущения.

— Батя, ты сроду как маленький, — упрекнула сноха. — Ить, чисто дитя неразумное.

— Ну-но, — предостерег надтреснутым голоском дед Никишка.

Качая головой и вздыхая, сноха прошла мимо. В такт ее неторопливым шагам с убаюкивающей мерностью скрипел подойник.

Провожая глазами покачивающуюся спину, дед Никишка в который раз подумал, мол, хорошая все-таки у него сноха, работающая да желанная. А эх как выхолостила её жизнь. С тех пор как муж подался в Москву на заработки и второй год от него нет ни слуху, ни духу, заметно сдала она. Была баба справная, гладкая, что твоя кобылица, теперь от горя исхудала — в чём душа держится. А ходит — глядеть больно:

некогда гордо посаженная голова понуро опущена, костистые плечи по-стариковски ссутулены, будто давит на них непосильная тяжесть, которую уже и сил нет нести далее и от которой нет никакой возможности избавиться. Так оно всё и есть: если бы не сноха, пропали бы совсем...

Дед Никишка подозрительно зашмыгал носом и, крикнув, опять нацелил морщинистое ухо в сторону леса. Но сколько ни напрягал слух, больше так и не услышал голоса равнодушной к его желаниям птицы.

— Улетела, — опечалился старый и долго затуманившись глазами глядел в ту сторону.

И дождался бы, обязательно дождался, но тут совсем нехотати протяжно скрипнула дверь коровника, и дед Никишка, поддерживая сползающие подштанники, резво затрусил к дому.

Внук спал навзничь, широко разбросав руки. Дед Никишка с минуту прислушивался к густому переливчатому храпу, затем позвал:

— Петяшка! Слышь, Петяшка! Вставать пора.

— Дед, — спросонок буркнул внук, — тебе чего?

— Нонче за машиной едем. Аль запомнил?

— Рано еще.

— Самое пора.

— Рано.

— А я велю подыматься, — рассердился дед Никишка. — Ать-два!

Внук, разбитый крепким рассветным сном, с большой неохотой поднялся. Шурша босыми ступнями по половичку, долго просовывал ногу в брючину, сиплым со сна голосом отговариваясь:

— Тоже мне... желаннички нашлись... Даже поспать... перед армией... как следует не дадут.

Дед Никишка, уходя, только рукой махнул — мол, что спросить с оболтуса. На своей половине из сундучка он бережно выложил старую солдатскую форму: гимнастерку, галифе, неумело зашитые в том месте, куда ударила пуля, пилотку, сапоги. Вот уже шестьдесят лет сохранявшееся по старинке обмундирование безнадежно провоняло едким запахом нафталина, запахом, родней которого для старика не было. Он даже завещал похоронить себя в военной форме, которую надев, становился опять похожим на того лопоухого паренька с пожелтевшей фронтовой карточки, навечно приклеенной им изнутри крышки.

Смаргивая слезливую муть, дед Никишка рукавом потёр потускневшую медаль, вышел к внуку. Силясь выпятить ис-

сохшую, вогнутую до самых позвонков грудь, поднес прыгающую руку к пилотке.

— Гвардии... рядовой Фоломеев... — по-служивски доложился старый вояка, — готов для отправки за машиной.

Внук поглядел на деда сонными глазами, сказал, зевая:

— Дед, ты чего... вырядился, как этот самый... как какой-нибудь клоун... В район ведь едем... Соображать надо...

Дрожа от негодования, дед Никишка затопал ногами, выкрикнул фальцетом:

— Цыц, поганец! До слёз мне обидно слышать от тебя такое. Вырос... дуралей... а ума не вынес.

И сорвав голос, сухо закашлялся, вылупляя покрасневшие в прожилках глаза.

— Да ладно тебе, дед, чего ты? — забасил великовозрастный детина. — Пошутил я...

Дед Никишка помял пальцами горло, мучительно ощеряя розовую кайму съеденных десен, уронил:

— Э-эх, ты-и-и...

И такая боль была в его словах-стоне, что у внука аж мороз по коже, понял он: нет, не за себя обиделся дед, а за то более значимое, которое олицетворял он, нарядившись солдатом той страшной войны.

Внук неловко обнял мослаковатые плечи, крепко прижал к своей тугой мускулистой груди маленькое, высохшее в былинку тело, сказал любовно:

— Ты же герой у меня, дед!

Мимо лесов, щетинившихся пахучими смолистыми соснами, мимо полей, некогда радовавших глаза золотистыми разливами хлебов, а теперь гнетущих своей запущенностью, где бурьян-старюка вымахал в человеческий рост, тянется пыльная дорога к железнодорожной станции, а от станции — напрямик к районному центру. За долгую свою жизнь дед Никишка не одну «тышу» верст намерил по ней. Было время — до света уходил и обыдёнкой возвращался, волоча усталые, натертые до кровавых пузырей ноги. Трясся в телеге, запряженной старой полуослепшей кобылёнкой, к колхозной работе уже не пригодной, а вот для таких поездок как бы еще и годной. Да и всё лучше, чем отправить ее на живодёрню — жалко ведь безответную скотинку, так жалко, что сердце кровью обливается, глядя на нее, сердешную. Так было, коли назад оглянуться.

Ныне опять довелось ехать по дороге деду Никишке, но теперь не абы как, а на своём автомобиле. Из него даже знакомые места гляделись по-иному; на обочине кучерявился придорожник, цвела белым пастушья сумка, а за мелкорос-

лым самосевным подлеском не было видно заброшенных полей. И если бы не ветер, который приносил с той стороны горькие полынные запахи, напоминавшие о другом времени, можно было подумать, что там, как встарь, колышется налитый силой хлебный колос.

Дед Никишка, хмельной от радости и выпитой стопки, всю дорогу донимал внука рассказом о том, как его самолично поздравлял губернатор. Кровица, подогретая водкой, чуть румянила его сухие впалые щеки.

— Посадили нас за столы, а исть команды не дают. Вроде как ждут кое-кого. Тут за дверьми голоса... Вскорости входит кумпания, а попереди всех мужчина собой тушистый... многокровный. И хуть все они при галстуках, сразу видно, что этот из них самый главный. Повёл он глазами этак по сторонам и, увидевши меня во фронтовом обличье, сразу ко мне подошел... Хуть там и сидел один по офицерскому чину — полковник, всё же он безо всяких вниманий попервости остался. Очень почтенно пожал мою руку и речь говорит: мол, вот такие простые солдаты, как этот... ветеран... И называет меня по имени-отчеству... — При этих словах дед Никишка приосанился, хотел даже расправить усы, но, вспомнив, что у него их нет, изменив движение руки, звучно высморкался и, смахнув содержимое за окно, продолжил: — ...И выиграла войну. За что им великая слава и всенародная любовь. И еще всякие там почтенные и другие совестливые слова говорил... До-олго говорил. А потом, руку мне пожавши очень крепко, отдал ключи. Затосковала тут у меня душа, засвербило в середке — вспомнились погибшие друзья-товарищи, которым не ходить боле по земле нашей развеселой... И тогда я ему от имени всех стариков, на войне воевавших, но пока живых и в могилу категорично не согласных, и говорю: — Мы от ворага нашу страну и народ защитили. Это верно, это все мировые державы подтвердят. А теперь черед за вами наступил, как вы есть власть... Прислониться нам, старикам, акромья своего государства, не к кому... Так уж вы будьте разлюбезны пригреть нашу старость... «Пригреем!» — твердо пообещал он и этак по-свойски приобнял меня и по спине слегка похлопал. «Пригреем!» — вдругорядь пообещал. Вот таковские мы!

Запрокидывая голову, дед Никишка беззубо смеётся, вокруг глаз лучистые морщины, и внуку кажется, что дед будто десяток лет сбросил со своих плеч. Искоса насмешливым глазом глядя на деда, он думает: «Как мало, оказывается, надо старикам — лишь бы помнили о них, не забывали заслуги. Их потешили, развели как лохов, они и рады».

За поворотом завиднелись первые дома в дымчатой зелени садов.

Дед Никишка смахнул выступившие от смеха слезинки и, указывая зачерствелым пальцем перед собой, сказал:

— Ты, Петяшка, в свою улицу враз не заворачивай... Ты через верхи... через верхи проедь.

Внук деду всегда готов услужить, догадываясь об истинном желании деда: все-таки не совсем уж без понятия. Он придавливает газ и лихо несется дальше. Возле дома бабки Федулихи дед приказывает остановиться. Сама Федулиха на огороде полет картошку. Ее согбенная спина в чёрной кофте медленно двигается по борозде, так медленно, что у деда Никишки не хватает терпения дожидаться, когда она доползет до этого края, и он кричит, надрываясь:

— Митривна-а! Митривна-а! Слышь, старая карга! Клуша глухая. Митривна-а, ну-ка поди-и.

Федулиха с трудом разгибает затекшую спину, долго изпод ладони вглядывается, наконец призывает в нем своего и с сердцем отзывается:

— Аль это ты, Микитка?

— Я, кто же еще!

— А раз ты, чего ж орёшь как оглашенный. Вот стоит, орёт и орёт. Поди, я еще не глухая.

Внук, уронив голову на баранку, хохочет, остановиться не может, сквозь всхлипы смеха едва проталкивает:

— Ну прикол, никакого кина не надо.

Опираясь на тяпку, Федулиха ковыляет по огороду, тонет босыми ногами в податливой земле.

— Аль случилось что?

Улыбаясь глазами, дед Никишка с намёком говорит:

— Пока тебя дождешься — случится.

— О-ох, старый греховник, — качает головой догадливая бабка Федулиха и, привычно шурясь, уж больно внимательно приглядывается к дедовой военной форме, так внимательно, что своим крючковатым носом почти касается медали, как будто принюхивается, не доверяя подслеповатым глазам. — Это по какому такому случаю ты вырядился, как на парад?

Дед Никишка стоит, по-ухарски отставив ногу, и с готовностью отвечает:

— Да вот машину мне губернатор подарил, — и, помолчав, считает нужным добавить: — За заслуги перед отечеством.

— Гля-а-ди-икось! — дивится нараспев Федулиха. — Знать, там... наверху-то... помнят о тебе.

— А-то нет! — торжествующе говорит дед Никишка и, считая разговор завершённым, спохватывается. — Некогда мне тут с тобой лясы точить. Поехал я...

— А чего приезжал-то?

Стоя в ограде, Федулиха с недоумением провожает глазами клубившуюся за машиной пыль, потом, пожав плечами, возвращается на огород. Но что-то тревожит ее, какой-то червячок точит душу, и бабка Федулиха, оставив в недополотой борозде тяпку, на сколько позволяет старость, чтобы не рассыпаться по дороге, спешит к соседке, которая только что вышла из дома и последние сплетни не слыхала.

— Нюрашка, слышь, Нюрашка! — еще издалека голосит Федулиха. — Какой у нас случай приключился. Дед Никишка машину получил. Это как!

Нюрашка замирает посреди своего двора, всплескивает руками:

— Ай правда?!

Так с легкой руки соседок-пересудок неожиданная весть в считанные минуты разносится по деревне, нарушив привычный уклад крестьянской жизни. словно разворошенный большой муравейник, будет теперь перекипать жизнь сельчан, питаясь всяческими кривотолками и домыслами, пока через пару недель не улягутся страсти и деревня опять не войдет в размеренный ритм пресной обыденности.

Маленькая юркая «Ока» тем временем подъезжает к магазину.

Деду Никишке, которого смолodu не допросишься сходить в сельмаг и которого последний раз здесь видели не менее как двадцать лет назад, сегодня вдруг загорелось непременно в нем побывать. Он с важным видом ступает на порог и ненадолго пропадает за дверью, а когда опять появляется, следом за ним прут в распахнутую дверь любопытные покупатели. Даже разряженная в прах продавщица, снискавшая на деревне славу женщины, прошедшей огонь, воду и медные трубы, не устояла перед простой человеческой слабостью — прилипла изнутри к окну, сплюснув нос о стекло.

Но и этого куража деду показалось недостаточно, и они с внуком еще битых полдня колесили по деревне, распугивая кур и сигналив знакомым. Высунув голову, дед Никишка улыбался, сузив от ветра глаза.

К дому подъехали, когда село солнце, прогнали стадо и белёная пыль, поднятая копытами, улеглась на придорожной траве.

Вечер мазался лиловыми сумерками. В лугах скрипел коростель. На пруду отчаянно кричали лягушки. В лесу монотонно, словно заводная, куковала кукушка. А в кустах цве-

тущей сирени шелкал соловей. В сарае упруго вызванивали о подойник струйки парного молока, и голос снохи ласково уговаривал: «Стой, Зорька, стой, миленькая». От привычных для деревенского слуха звуков дед Никишка почему-то особенно сегодня испытывает удивительное наслаждение.

— Слышь, Петяшка, — говорит он дрогнувшим голосом, — принеси мою гармонь.

Внук, который не припомнит, когда дед последний раз брал в руки гармонь, посмеиваясь, приносит.

— Дед, ну ты сегодня ва-а-ще... в ударе.

Дед Никишка присаживается на пороге, долго умащивает на острых коленях гармонь, перебирает лады. Но с годами руки не так послушны, и не так проворны пальцы, оттого и голос гармошки не взметнулся, как бывало, ввысь, а поднимается плавно, словно белый дым в тихую погоду, и будто сама природа замирает, прислушиваясь. Над российскими просторами величаво плывет щемящий душу марш «Прощание славянки». И нет уже как бы самого деда Никишки, а есть простой русский мужик поилец-кормилец земли русской...

Избоченив седую голову, слушает дед Никишка звуки, которые выходят из-под его зачерствелых пальцев, и мутные слезы капают на веселые расписные меха.

Привалившись к двери, застыла сноха, забыто держа подойник. Муки выпавших на ее долю страданий теньями пробегают по лицу.

У ограды собрались вездесущие соседки. Ровесница деда Никишки бабка Матрёна, скорбно приложив уголок несвежего платка к глазам, говорит, дрожа губами:

— Помню, от так он, сердешный, играл, когда с войны возвратился.

А наутро случилось самое страшное, что может случиться в жизни человека.

Намаявшись за день, дед Никишка впервые за последний десяток лет уснул спокойным безмятежным сном. Потому как во сне он чуть приметно улыбался и по-детски причмокивал непослушными губами; снилось деду Никишке что-то доброе, что еще хранила его одряхлевшая память.

Звонкая до этого тишина сразу пришла в движение, когда в дедову половину несмело боком вошел внук. Потоптавшись у кровати, он срывающимся голосом сказал, тревожа чуткий старческий сон:

— Дед, ты только не волнуйся... Дед... а дед... не волнуйся...

На коричневых обшлюявленных губах деда медленно линяла улыбка. Чувствуя, как на него надвигается что-то ужас-

ное, дед Никишка с трудом поднялся и, дрожа маленьким щуплым тельцем, вышел из дома.

Внук шел сзади и как заклинание всё повторял:

— Дед, ты только не волнуйся. Дед, ты только не волнуйся...

На улице занимался голубой рассвет. Перед крыльцом, уныло скособочившись на одну сторону, сиротливо стояла разбитая машина.

Держась за резные балясины, дед Никишка ступил на скрипучие половицы и, чувствуя, что не в силах идти, тяжело опустился на порог. Страшно кривя лицо, он розовыми деснами кусал зачерствелые губы, бледнея всё больше и больше.

— Дед, да ладно тебе, — мучительно улыбаясь, уговаривал внук. — Это же машина, железяка. Через пару лет другую дадут. Дед, плюнь ты на нее... Дед... Я не специально...

Дед Никишка поглядел на внука невидящим взглядом, хотел что-то сказать, но вдруг покачнулся и медленно завалился набок, разрывая ворот исподней рубахи. Ужасный хрип вырвался из его горла, и голова на тонкой морщинистой шее безвольно свесилась на сторону.

— Деда, ты чего? — не своим голосом заорал внук, немилосердно тряся худенькие плечи. — Де-е-еда-а!

Но дед Никишка его уже не слышал. С развевающимся седым пушком на голове, в белых портах он вольготно ступал босыми ногами по ромашковому тёплому лугу туда, где в колышущемся мареве молча стояла группа безусых парней, солдат Великой Отечественной войны. Они ждали его.

Когда случается бывать на сельском кладбище, всегда захожу на могилку к деду Никишке. На ней скромная солдатская пирамидка с красной звездой и потускневшая фотография лопухого паренька с медалью на груди «За отвагу». Всё, как он хотел.

НА УЗЛОВОЙ СТАНЦИИ

Узловая станция с высоты птичьего полёта напоминала большой муравейник с множеством уходящих от него тропинок. Только тут вместо тропинок на многие километры тянулись железнодорожные пути. Жизнь на станции не замирала ни на минуту: гудели маневровые тепловозы, по громкой связи общались работники, милый женский голос по радио объявлял о прибытии и отходе товарных и скорых поездов в разные концы необъятной страны. Здесь ежедневно происходили грустные расставания, радостные, а порой и неожиданные встречи.

Родион Ефимович слыл на работе неисправимым романтиком, поэтому неудивительно, что узловую станцию он сравнил с полевой ромашкой, где вместо лепестков-лучиков были уходящие вдаль рельсы. Он возвращался из командировки, а в этом старинном уютном городке с красивой архитектурой девятнадцатого века у него случилась пересадка. До нужного ему поезда по времени было ещё далеко. Он походил по городу, поглазлел на достопримечательности и теперь, уставший, сидел на лавочке в привокзальном парке.

Стояла ранняя осень, жёлтая листва на берёзах ярко горела на солнце. Время от времени с деревьев тихо падали золотые листья, шурша под ногами у прохожих. Свежий воздух, прихваченный первыми лёгкими заморозками, пронзительно чист и крепок.

Родион Ефимович был одет в длинный плащ, модная шляпа, купленная по случаю в Германии, где они однажды успели побывать с женой, лежала на коленях. Вытянув ноги в дорогах жёлтых туфлях, локтем прижимая к себе кожаный портфель, он подставил осеннему солнцу крупное, чисто выбритое лицо. В этом отношении он был педант, по утрам всегда тщательно брился, не желая выглядеть в свои пятьдесят восемь неряшливо.

Услышав характерный звук колёсиков дорожной сумки, Родион Ефимович приоткрыл глаза: на скамейку неподалёку села невысокая хрупкая женщина в коротком оранжевом плащике. Из-под вязаного цветного берета кокетливо сдвинутого на бочок, выглядывал локон светлых волос. Берет украшала большая брошь в виде ромашки. Она ярко блестела, один из солнечных зайчиков, ослепив на секунду, коснулся его глаз. Родион Ефимович едва приметно улыбнулся и принял украдкой из-под прикрытых век с интересом наблюдать за незнакомкой.

Мельком взглянув на него, женщина покопалась в миниатюрной дамской сумочке, которая висела у неё через плечо, вынула крошечное зеркальце, губную помаду и, округлив прелестный ротик буквой «о», стала аккуратно подкрашивать свои и без того сочные губки. У женщины было довольно привлекательное ухоженное лицо, и вот так сходу определить её возраст было затруднительно. Но судя по мелким горьким морщинкам вокруг рта и возле глаз, скорее всего она была ненамного моложе самого Родиона Ефимовича.

Прошло совсем мало времени, и мужчине вдруг показалось, что в её привычке держать голову слегка откинув назад, а в плавных движениях, в неторопливых жестах, было что-то неувлимо знакомое. Родион Ефимович заволновал-

ся, торопливо переложил шляпу с колен на портфель и подошёл к женщине.

— Сударыня, — обратился он, умоляюще приложив ладони к груди, — прошу прощения за свою бестактность, но не могли бы назвать своё имя?

— Нет, не могу, — спокойно, но довольно категорично ответила женщина, окинув его изумлённым взглядом. — Разве я давала вам повод для знакомства?

— Ради бога не сердитесь, — не мог успокоиться Родион Ефимович, — просто, глядя на вас, мне показалось, что вы похожи на одну девочку из моего детства, вот я и подумал, а вдруг вы — это она.

Женщина мягко улыбнулась, и на её щеках образовались две милые ямочки.

— Ну что ж, — сказала она милостиво, — думаю, это веская причина узнать моё имя. Дина, Дина Леонидовна.

— Дина! — радостно вскричал Родион Ефимович. — Диночка! А меня ты не узнаёшь? — Он быстро повернул лицо в одну сторону, в другую, энергично тряхнул головой, убирая со лба тронутый сединой чуб. — Ну же, — торопил он, с надеждой заглядывая в её глаза, — ну!

Мужчина увидел, как у незнакомки дрогнули брови, глаза удивлённо распахнулись. Но полной уверенности ещё не было, что она угадала в этом солидном господине того шалопутного мальчишку из прошлой жизни, поэтому спросила всё же с недоверием:

— Родя?

— Родя! — несказанно обрадовался мужчина. — Ну конечно, Родя!

Женщина, не сводя с него тёмных глаз, медленно поднялась со скамейки. Какое-то время они ненасытно смотрели в глаза друг другу, затем одновременно подались навстречу и обнялись. Дина заплакала, уткнувшись лицом мужчине в грудь. Он гладил её по вздрагивающим плечам, бормотал что-то незначительное, было заметно, что Родион Ефимович сдерживался из последних сил, чтобы самому не расплакаться. В какую-то минуту она отслонилась, быстро обежала мокрыми глазами его лицо, с чувством ударила кулачками в его грудь и засмеялась. С её ресничек сорвались прозрачные слезинки, скатились по щекам, оставляя блестящий след.

— Неужели действительно это ты? — всё ещё не могла она поверить в произошедшее чудо. — Столько лет прошло. Как будто это было в другой жизни. — Дина Леонидовна ладошкой смахнула слезинку с одной стороны лица и опять засме-

ялась. — Родя, какой ты стал! Прямо настоящий артист! А может, ты и правда артист?

— Из погорелого театра, — весело ответил Родион Ефимович.

На душе у него стало до того хорошо, что он не знал, как выразить своё нежданное счастье, и вдруг, отступив назад, ловко выбил ногами чечётку. Со стороны, должно быть, это выглядело очень забавно: высокий, уже в возрасте мужчина выплясывающий перед хрупкой женщиной. А потом, что стало ещё более неожиданным, он опустился на одно колено и склонил голову.

— Родя встань! — испуганно вскрикнула Дина Леонидовна, глядя на него восхищёнными глазами и подала руку.

Мужчина осторожно принял нахолодавшую ладошку и приник к ней горячими губами.

— Несносный мальчишка! — захотела женщина, но руку не убрала.

Мимо проходили люди, они улыбались и оглядывались почти до самого выхода из парка.

— Так и будем стоять? — весело поинтересовалась Дина Леонидовна. — Или всё же присядем?

Родион Ефимович проворно поднялся на ноги, увлёл женщину на скамью. Скоро он уже знал, что Дина Леонидовна на узловой станции оказалась случайно: возвращалась от дочери из другого города, билетов на прямой рейс в южном направлении не было, вот и пришлось добираться с пересадкой.

— А знаете что, Диночка, — оживился Родион Ефимович, — пока я в одиночестве бродил по городу, заметил одно замечательное кафе. Мы можем посидеть там и мило поболтать. Надеюсь, у тебя поезд не скоро?

— Не скоро, — эхом отозвалась она.

Они оставили тележку в камере хранения и, обнявшись, медленно двинулись по узкой улочке. Старинная мостовая была засыпана багряными кленовыми листьями. С резных балкончиков вторых этажей кое-где свисали фиолетовые, лиловые, розовые вьюнки, вспыхивая на солнце радужным светом.

Мимо, едва не сбив, на новеньких велосипедах лихо промчались мальчишка и девчонка. Они заразительно хохотали и непрерывно звонили, чтобы пешеходы уступали им дорогу.

— А помнишь, как ты меня учил кататься на своём велосипеде? — спросила женщина — Это было в тот год, когда мы только познакомились. Велосипед был взрослый, и надо было уметь крутить педали из-под рамки. А потом я поехала одна и всё равно упала, а ты дул на мою разбитую до крови колен-

ку, чтобы мне не было больно, а потом облизал подорожник и приложил его к ране, чтобы унять кровь. А потом просил прощения у моей бабушки, хотя и не был виноват.

— Я очень боялся тогда, что твоя бабушка рассердится и отправит тебя домой, и мы больше никогда не увидимся. А я уже успел тебя полюбить...

— Я это поняла, ещё когда мы играли в прятки. Мы сидели с тобой в смородине за колодцем, и ты в первый раз поцеловал меня. Мне было так стыдно... и приятно.

— Мне тоже понравилось, — ответил он с улыбкой, привлёк спутницу к себе и поцеловал в щёку. — Это было примерно так.

— А потом ты признался мне в любви, — зарделась от смущения женщина.

— Но это было не сразу, — поправил он. — Это случилось в твой второй или третий приезд на каникулы. Тогда я украл у сестры какую-то книгу о любви, и проштудировал её от корки до корки, чтобы узнать, как это делают женихи.

— Я помню. Ты тогда сказал: «Сеньора, вся моя никчёмная жизнь принадлежит вам, можете ей распоряжаться, как вам будет угодно».

— Я так сказал?

— Да, ты так сказал. И всё время дрался с мальчишками, которые заглядывались на меня, храбро защищал мою честь и достоинство. Ты был моим ангелом-хранителем.

Они подошли к кафе. Дни стояли ещё довольно тёплые, и столики располагались на улице, прямо на тротуаре. От дождя посетителей защищал широкий красный тент. За столиком у фасадного окна сидели две молодые пары. Они были заняты собой и на новых посетителей не обратили внимания. В вазах из толстого искристого стекла помещались розовые и белые флоксы.

— Похоже на парижское уличное кафе, — сказала Дина Леонидовна. — Мы однажды с мужем были там в отпуске.

— Отлично! — воскликнул Родион Ефимович. — Тогда будем пить французское вино, закусывать ароматным сыром и говорить о нас.

Он помог женщине разместиться за столом, а сам, напевая: «Ах, Парыж, Парыж», отправился разыскивать хозяина заведения. Им оказался толстый и шутливый грек с аккуратными усиками. На нём был белый застиранный фартук, о который он поминутно вытирал волосатые руки. Отдалённо он чем-то и вправду напоминал француза.

— Замечательный выбор! — обрадовался грек и скоро вернулся с заказом, держа перед собой поднос. Семена коротки-

ми ножками, он ловко лавировал между столами, что с его-то фигурой было просто поразительно. Хитро блеснув из-под кустистых бровей тёмными, как янтарь глазами, он с достоинством кивнул кучерявой головой: — Хорошего отдыха, господа! — И ушёл, что-то весело мурлыча себе под вислый нос.

Музыка, до этого игравшая нечто стремительное, цыганское, на какой-то момент стихла и вдруг из динамиков полилась совсем другая мелодия с другими словами.

*В старом парке пахнет хвойной тишиной,
И качаются на ветках облака.
Сколько времени не виделись с тобой,
Может год, а может целые века...*

— Он всё про нас понял, — грустно заметила женщина, — этот старый мудрый грек.

— Что ж, не будем разочаровывать, — согласился с ней Родион Ефимович, отставил бокал с красным вином и поднялся из-за стола. — Мадемузель, вашу ручку.

Они кружили в медленном танце, глядя друг на друга влюблёнными глазами. Грек стоял у окна, держа в руках чистый фужер, продолжал забывчиво тереть его полотенцем, и неотрывно смотрел на них. В его глазах была светлая печаль.

— А помнишь, как мы сбежали с тобой в соседнее село в клуб на танцы? — оживился Родион Ефимович, волнительно вглядываясь в её лицо. — Мы тогда всю деревню переполошили!

— Это было после пятого класса, — ответила, кивнув, женщина. — Моя бабушка тогда чуть с ума не сошла, пропала её любимая городская внучка. Глубокая ночь на дворе, а меня всё нет.

— Потом бабушки не стало, — с сожалением сказал он. — И ты перестала ездить.

— Но это ничего не изменило в наших отношениях. Я писала тебе письма.

— Я даже помню, как ты их подписывала, — мягко улыбнулся мужчина. — «Навек твоя Диночка».

— Это правда, потому что я никогда тебя не обманывала. — Она открыто поглядела в его глаза. — А вот ты, уйдя в армию, перестал писать.

— Я писал, — возразил он.

— Всего лишь два коротеньких письма, — уточнила она.

— Я не мог написать больше, — поморщился он, и она увидела в его глазах непереносимую боль. — Нас отправили в Афганистан, мы были первые, и это была военная тайна. А потом меня ранило, и я долго лечился в госпитале.

— А я решила, что ты меня разлюбил, — её влажные от вина губы задрожали, в глазах появились слёзы. — Я тогда очень сильно обиделась на тебя и вышла замуж за курсанта военного училища. А потом мы переехали в другой город, на место его службы и у меня началась другая жизнь.

Какое-то время они молча двигались под музыку, должно быть, думая каждый о своём. Первой нарушила затянувшееся молчание Дина Леонидовна, взглянув на свои часики с позолотой, подаренные мужем на её пятидесятилетие.

— Мне пора, проводишь?

Её слова застали мужчину врасплох, хоть он и знал, что этот момент неминуемо наступит. Они встретились глазами, и такая в них была вселенская печаль от предстоящей разлуки и от неразделённой любви, что они поняли друг друга без слов. Родион Ефимович быстро расплатился, оставив деньги на столе под недопитым бокалом, и они ушли. Крошечная гостиница находилась в двух шагах.

Когда они, спустя некоторое время, вышли на пустой перрон, красно-серый электровоз с новенькими двухэтажными вагонами стоял на путях, готовый отправиться по маршруту. Вдверях, как часовые, застыли проводницы с жёлтыми флажками.

— Мой вагон, — глухо сказала Дина Леонидовна, остановившись у одного из них, затем резко обернулась к мужчине, глядя снизу вверх, произнесла дрогнувшим голосом: — Вот и всё.

— Минуточку! — неожиданно воскликнул Родион Ефимович и побежал назад, где находился цветочный киоск. Там он влетел внутрь, выхватил из большой вазы с водой все розы, которые в ней находились, и выскочил наружу со словами: — Я оплачу, не переживайте! Но чуть позже!

Дина Леонидовна уже стояла на площадке отходившего вагона, когда мужчина вновь появился на перроне, держа в охапку огромный букет цветов, неловко придерживая портфель кончиками пальцев.

За ним бежала молоденькая продавщица в лёгком халатике. Одна босоножка у неё всё время слетала с ноги, она останавливалась, быстро надевала и опять устремлялась вперёд. Когда босоножка слетела в очередной раз, девушка даже не обратила на это внимания и побежала дальше, припадая на босую ногу.

— Мужчина, — кричала она, и её голос гулко разносился по всему вокзалу, — я сейчас полицию вызову! Уже вызываю! Они денег стоят!

Родион Ефимович на миг приостановился, кое-как изловчившись, вынул из кармана плаща бумажник, бросил на пыльный перрон.

— Возьмите сколько вам надо! — крикнул он и надал ход, потому что поезд уже набирал скорость.

Пассажиры, прикинув к окнам, с волнением наблюдали за бегущими по перрону мужчиной с цветами. Даже проводница переживала и в нарушение всех инструкции не закрывала дверь тамбура. Родион Ефимович догнал вагон в самый последний момент, когда перестук колёсных пар почти уже слился в один непрекращающийся звук. Выронив портфель, мужчина ловко закинул букет на площадку и отстал от поезда.

— Прощай, Родя! — вскрикнула раненой птицей женщина.

— Проща-а-ай, — ответил он, сложив ладони рупором, чтобы вышло громче, — Дина-а-а!

Он так её и запомнил: мокрое от слёз бледное лицо в проёме распахнутой двери.

— Женщина, — обратилась к необычной пассажирке проводница, аккуратно собрав розы и протянув ей, — пройдите в купе с вашими цветами.

В купе Дина Леонидовна села у окна, прижимая букет к груди, совсем не обращая внимания на выступившие на ладони капельки крови. Касаясь щеками упругих лепестков, она с наслаждением вдыхала чуть заметный будоражащий память аромат. А ведь ещё немного — и она призналась бы Родиону, что давно живёт одна — муж погиб в военном конфликте. Но знать ему это незачем, у него своя жизнь и своя жена, которую, по всему видно, очень любит. Иначе бы так хорошо о ней не отзывался.

Вошла проводница, принесла трёхлитровую стеклянную банку с водой.

— Давайте ваши цветы, — сказала девушка, а когда уходила, с затаённым вздохом тихонько произнесла: — Какой мужчина!

Родион Ефимович стоял на перроне до тех пор, пока из виду не пропал последний вагон. И хоть он по-прежнему сильно любил Диану, обменяться номерами своих телефонов даже не обмолвился, чтобы случайно не стать причиной раздора в её счастливой семье. Для него достаточно того, что теперь он знает, что живёт она у тёплого моря, муж военный и за неё можно быть спокойным. Ну а то, что у него самого жена скончалась от продолжительной болезни, он как-нибудь переживёт.

НЮРАША

О приближении Нюраши наши сельчане узнавали задолго до её появления: беззаботно гонявшие до этого по улицам собаки, все разом вдруг оголтело влзлаивали и неслись сломя

голову за околицу. Нюраша отбивалась от злобствующей своры изгрызенной клюкой и добродушно ворчала:

— Пошли, пошли отсель!

Собаки её почему-то недолюбливали. Должно быть, их пугал её чересчур дремучий сгорбленный вид. Старушка вечно ходила в чёрном одеянии: просторные боты звучно шаркали по земле, широкий подол длинной юбки путался в ногах, мотались обвислые рукава кофты, низко надвинутый на глаза платок придавал её исхудавшему землистому лицу суровый вид. Всё на ней было чёрным, а если иногда и серым, то от дорожной пыли. Даже холщёвый мешок со скудными запасами за её плечами — и тот тёмного цвета.

Нюраша была нищенкой, бродила по окрестным деревням и просила милостыню. Когда она появилась в наших краях, никто уже и не помнил. Мнения сельчан также разнились и о возрасте — кто-то говорил, что пришлой старушке нет и семидесяти, другие уверяли, что как минимум восемь десятков. Но все сходились в одном — много.

— Ишь разбрехались! — сердилась Нюраша, продолжая обороняться от наседавших собак. — Как не сход земли.

На её счастье поблизости всегда кто-нибудь находился и разгонял собак. Они быстро теряли к безобидной старушке интерес и возвращались к своим делам.

— Спаси Бог, — уважительно кланялась Нюраша своему нечаянному заступнику, будь он хоть взрослый или сопливый мальчишка, и семенила дальше, вглубь деревенской улочки по едва приметной тропинке, заросшей подорожником и пастушьей сумкой.

В нашем селе Нюраша почему-то любила останавливаться у моих родителей. Наверное, потому что помнила ещё своего деда по маминой линии Василия. Он был невысокого роста, но кражистый, весь какой-то основательный. Дед жил зажиточно: имел добротный дом под железной крышей, кирпичную ригу, двух лошадей, четыре коровы, сеялку, борону и другой необходимый в личном хозяйстве инвентарь. Дед Василий истово верил в Бога, был церковным старостой и привечал у себя всех убогих и сирых.

О характере деда Василия красноречиво говорит такой факт: после раскулачивания, когда он сам уже жил в землянке со своим многочисленным семейством, — а детей у него было девятнадцать человек, правда, выжили только восемь, — дед как-то добродушно заявил своей жене, моей бабушке:

— Ты Иринушка, не переживай, время сейчас такое наступило басурманское. Вот немного уляжется, войдёт жизнь

в колею, накрою стол и приглашу всех своих обидчиков потчевать.

— Лихоманка тебя, старого дурака, забирает, — всплеснула руками бабушка, несказанно поражённая его словами, и печально покачала головой: — Богатей какой нашёлся.

Но дед Василий за все годы своим принципам ни разу не изменил, за это и пострадал по навету завистливого односельчанина — в 37-м году наивного старика расстреляли как врага народа.

Нюраша, переступив порог нашего дома, первым делом поворачивалась лицом в красный угол, где висела старинная икона в позолоченном окладе, и размашисто крестилась.

— Господи Иисусе Христе сыне Божий, — с чувством произносила старушка, — помилуй мя грешную и хозяев гостеприимного дома! — И лишь после этого она обращалась к маме, которая, побросав свои дела на огороде, прибежала, чтобы встретить несчастую гостью: — Ну, здравствуй Полноюшка!

Они душевно обнимались и троекратно расцеловывались. Маме тогда было, думаю, лет сорок, папа на девять лет моложе, мне годика четыре-пять. Я был поздний и единственный ребёнок.

— Минюшка, — наконец замечала меня Нюраша и беззубо улыбалась; её некогда голубые глаза, а теперь от возраста вылинявшие до белёсого цвета становились вдруг ясными, словно оживали, — ну-ка неси решето, ччас будем пландывать.

Я быстро приносил из чулана большое крепкое решето, ставил на сундук. И тут начиналось самое интересное: Нюраша стелила в решето чистое полотенце, развязывала свой таинственный мешок и вываливала содержимое. Чего только здесь не было: ванильные сухари, баранки с маком, сдобные пышки, блины и блинчики, ватрушки с земляникой, с малиной, с повидлом, с творогом, мёд в крошечной стеклянной баночке, подтаявшие леденцы, с налипшими на них хлебными крошками, печенье, калачи. От такого богатства у меня разбегались глаза.

— Минюшка, — благожелательно угощала Нюраша, — выбирай чего твоей безгрешной душеньке угодно. Пландывай, мой ангелочек.

И ангелочек, который с трепетом ждал этого момента, начинал «пландывать»: основательно усаживался возле решета, свешивал босые ноги с сундука и быстро-быстро грыз зачерствелые гостинцы крепкими зубами, будто мышонок. Голодным я, конечно, никогда не был, мне просто безумно весело было вот так сидеть и слушать неторопливый душевный разговор Нюраши.

— Ты, Полюнюшка, доделывай свои дела, ступай, милая, ступай, — выпроваживала она маму в огород, — а мы тут с Минюшкой сами справимся. Правда, мой ангелочек?

Я радостно кивал, продолжая беззаботно болтать ногами и грызть очередной вкусный пряник.

— Сегодня постный день, — вразумляла меня Нюраша, — скоромную пищу вкушать грех, я своей картошечкой-то и обойдусь.

И Нюраша, благословясь, начинала самостоятельно хозяйничать: разжигала керосинку, потом разворачивала засаленную тряпицу, которую доставала из своего мешка, и вываливала из неё мятую картошку в глубокую скворчащую сковороду. Нюраша всегда придерживалась своего особого ритуала: когда картошка разогревалась, она принималась заглубевшими тёмными ладонями тщательно её приминать, делая плотной горкой.

— Минюшка, — радушно приглашала она, выставляя закопчённую сковороду на обеденный стол, — располагайся, как у себя дома. Будем сейчас с тобой пландывать.

Не знаю, в чём была причина, но её картошку я почему-то есть гребовал и постоянно отказывался, мотая головой так отчаянно, что она могла оторваться.

— А вот матеря твоя, — с чувством выговаривала мне Нюраша, — в твоём возрасте бывала посговорчивей. — Обижаться старуха не умела, и скоро уже рассказывала очередную поучительную историю из своей долгой жизни: — Ночевала я как-то по осени в доме твоего деда Василия, Царствие ему Небесное. Хороший был человек, приветливый. И был там ещё один мужчина, хоронился от непогоды. Собой-то видный, а вот душонка у него тёмная, незрелая, он всё старался доказать Василию, что Бога на самом деле нет и быть не может. Яростно он с ним спорил, а твой дед только посмеивался в ответ. За окном шёл проливной дождь, гремел гром, а у нас тепло, лампа горит. А потом так шарахнуло, что чуть стёкла не повывлетали, аж дом затрясся, и такая яркая молния ослепила, ну прямо конец света наступил. И вижу я, как этот суетливый человечек тайком крестится в уголочке и испуганно бормочет: «Господи спаси, Господи спаси!» Нет, Минюшка, без Бога человеку не до порога, — старуха протяжно вздохнула и, чуть помедлив, признавалась: — Мне бы свой домик, хоть малюсенький, хоть землянку самую завалиющую, я бы вбила гвоздь в стену и знала, что он мой. — При этом у неё даже голос менялся, становился каким-то певучим, нежным.

Видно Нюраша всю свою нелёгкую странствующую жизнь мечтала о собственном домике. А я вот мечтал о бабушке.

Моя родная бабушка Параня по папиной линии умерла года два назад, я её почти не помнил. Мне очень хотелось, чтобы у меня была своя бабушка, и однажды даже попросил папу оставить у нас жить Ньюрашу.

— Бог с вами, — отмахнулась довольная Ньюраша. — Штой-то я вас буду стеснять, чай я ещё в силах и сама управиться.

Папа у меня был высокий, широкоплечий, с весёлым и добродушным характером. В его присутствии Ньюраша почему-то чувствовала себя неловко. Должно быть, оттого что знала его не так хорошо, как маму, которая, можно сказать, выросла у неё на глазах.

После полудня становилось невыносимо жарко, духота обволакивала всё живое: горячий воздух млея над лугами, никли травы, редкие облака неподвижно висели высоко в небе. Даже птицы куда-то все прятались, и лишь невидимый жаворонок лил с небес свою радостную песнь.

С огорода возвращалась уставшая мама — поленькая, невысокого росточка, но на удивление ладная, словно девочка. Лёгкий сарафан с выцветшими ромашками по полю изумительно шёл к её светлому лицу, как и белая косынка, завязанная на затылке. Она наскоро споласкивала руки в кадучке со стелившейся на солнце водой и начинала заниматься Ньюрашей: долго купала в корыте в сенцах, тщательно расчёсывала гребнем её хоть и жиденькие, но длинные спутанные волосы, потом стирала старенькую пыльную от дальних дорог одежду, чинила, гладила чугуном утюгом.

Вечером с работы приходил папа, мылся в саду под умывальником, и мы садились по-семейному ужинать. За столом Ньюраша всё больше помалкивала, с наслаждением отхлёбывая из блюдца душистый чай из мяты и чабреца. Старушка любила это делать по-старинному, вприкуску, когда кусковой сахар в чашке не растворяют, а держат во рту.

Беспокойная Ньюраша надолго у нас не задерживалась, наутро опять уходила странствовать. Я шёл её провожать до околицы, крепко держась за широкую юбку. Там она меня обнимала, целовала в светлую тёплую маковку и, благословясь, торопко уходила по пыльной дороге. Плотая слёзы, я долго смотрел вслед тёмной сгорбленной фигурке с мешком за спиной и с клюкой в руке.

Ньюраша пропала неожиданно. Однажды я случайно услышал, как мама говорила папе:

— Толя, дошёл слух, что бедную Ньюрашу загрызли то ли собаки, то ли волки в Чёртовой пади, когда она лесом шла на Мажарские Выселки. Вот горе-то какое.

Я стремглав убежал в огород, упал, как подкошенный, в картофельную борозду, уткнулся лицом в землю и заплакал. Я не верил, что собаки так могли поступить с безобидной старушкой. Покусать, это ещё ладно, но чтобы съесть, такого ни в жизнь не могло быть. А вот злые кровожадные волки могли сделать с ней всё что угодно. На то они и волки. А я, на беду, тем летом как раз только что успел дочитать сказку о красной шапочке.

Моё горе было настолько безутешным, что явственно увидел, как хищники безжалостно разрывали худенькое невосомое тело на мелкие кусочки, и временами даже терял сознание. Потом сытые довольные волки разбежались и остались от бедной Нюраши одни только обгрызенные косточки на лесной дорожке. Я заплакал пуше прежнего.

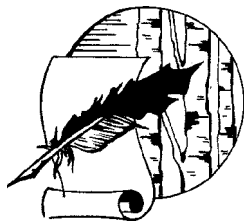
Когда уже подрос, мама открыла мне страшную тайну.

— Сыночек, — сказала она дрогнувшим голосом, — помнишь бабушку Нюрашу? Так вот она была не обычная нищенка, а самая настоящая монашенка. Она жила в Мамонтовой пустыни в монастыре, откуда их оттуда в революцию не разогнали. Другие монашки, у кого были хоть какие родственники, вернулись к своим. А бедной Нюраше притулиться было не к кому, вот она и стала странствовать.

Этой весной я был в Мамонтовой пустыни. Золотые маковки восстановленных церквей было видно за десятки километров. По территории монастыря ходили скромные монахини. Редкие паломники рассматривали крытый соломой невзрачный домик за таловым плетнём, где по легенде дожила свой век последняя монашка. Мне очень хотелось верить, что это была моя Нюраша.

Когда я уезжал, прошёл быстрый майский дождик, оживив травы и бесконечную синеву высокого неба. Над Святым озером коромыслом висели сразу две радуги, яркие, сочные, словно выписанные с любовью нежными акварельными красками великим художником.

г. Тамбов

Людмила ЩИПАХИНА
(1933 — 2021)

НА КРАЮ...

ДОМА — ЛУЧШЕ

А в этом отдаленье странном,
Когда меня меж вами нет,
В прекрасном далеке туманном
Я рифмы возвожу в сюжет...

Без отклика и без ответа
Стою порою на краю...
И всё-таки в трудах поэта
Есть упоенье, как в бою!

Нет, не холодная учёность
Возвысит души на века!
Кто там толкует про никчёмность
Рифмованного языка?

Кто там мечтает на Россию
Немую глухоту наслать?
Всем понимающим — спасибо
И убеждённым — исполать.

А над ущербностью прогресса,
Не веря пламенным речам,
Посланница и поэтесса
Пускай поплачет по ночам...

О НАС, НЕЛЮБИМЫХ

Как мачеха — теперь литература.
К душевным откровениям не добра.
И смотрит день презрительно и хмуро
На доблестных служителей пера.

Слова святые — уплывают в вечность...
От груза бед — весомее строка.
А всяческая теле-шоу-нечисть
Глядит на нас, безумцев, свысока.

Но зависть к нам давно им чрево точит.
Томит. И утешает лже-стихом...
Проплаченные километры строчек
На графоманском торжище лихом.

И видим, как у власти на подмостках
Теснятся толпы корифеев их —
Лауреатов сходок русофобских
И номинантов ценностей чужих.

Пусть мы бесправны в этом мире новом,
Но дар священный мы не продаём.
Не лжём, рифмуя. Не торгуем словом
И гимны олигархам не поём.

Не признаны. Судьбой не обогреты.
Не лгавшие ни нынче, ни вчера,
Друзья мои, российские поэты,
Последние апостолы добра.

РОССИЯ

I
И опять... Как в первый день творенья...
Веря в совесть, поклонившись Богу,
Босиком, в платке долготерпенья
Ты одна выходишь на дорогу.

А в пути запутанном и длинном
Боль потерь переполняет лоно...
И твоим заслуженным сединам
Уж никто не жалуется поклона...

Праведница! Грешница! Разиня!
Добрая в душе, а не со страху...
Милая, пресветлая Россия,
Не отдай последнюю рубаху!

II
Крепка любовь и память о былом...
Опомнились мужи её и дети.
Не уничтожил ни распад, ни слом
Её надежду, равную победе!

Россия копит главные слова...
Страхнёт проклятья аспидного груза!
Она — святая, грозная вдова
Погибшего Советского Союза.

ПОЭЗИЯ

Любовь вселенская и грусть,
И счастье — на границе боли...
И всё ж вовек не отрекусь
От этой жертвенной неволи.

Любой неистовый прогресс
Не повернёт сознание к свету.
Слова спускаются с небес
И предназначены — поэту.

Не властны ни хула, ни лесть
Над ним, в тщеславье вовлекая...
За что ему такая честь
И привилегия такая?

Каким владеет он ключом?
Чем вечно грудь его теснима?
Не спрашивайте ни о чём.
Поэзия — необъяснима...

СЕГОДНЯ

Грешна и напрасна тоска о былом
Во времени кратком и гулком,
Где тени событий подбитым крылом
Летят по земным закоулкам.

Сегодня — бесценен твой день и велик.
И вечность дарует свободу.
Сегодня — твой шанс. Твой божественный миг.
Явление родному народу.

Сегодня святой благодатью дыши,
Ведомый таинственной силой..
Сегодня — единое слово скажи...
Сегодня — спаси и помилуй!

Сегодня — смахни надоевшую тень,
Не сникни, как лист прошлогодний...
Сегодня — твой праздник. Сегодня твой день!
И жизнь твоя — только сегодня!..

ОНИ...

Мошенники, выродки наций,
Захватчики корпораций,
В мозгах их — гешефт и глянец...
Хитрые и проворные.
Их дети — давно забугорные,
Каждый второй — иностранец...

Нет и сомнений спорных.
Всё — на счетах офшорных!
Там и столпились гурьбой...
А Родина — это просто
Нефте-газовый остров.
Но с золотой трубой.

Советники, да чиновники,
Скрытые уголовники,
Вся инвалютная ржа...
Сказано было ранее,
Даже в Святом Писании:
«Где сокровища ваши,
Там и ваша душа...»

ЧИНУШИ

Ах, чинуши, ваши дети
У народа на примете...
Чьей рукой они ведомы?

Все сегодня — замы, помы...
И за дальним, за бугром
Есть у них — и стол, и дом.

Ах, чинуши, ваши жёны
Бизнесменством заряжены.
Все с талантом небывалым.
Все владеют капиталом.
Тоже выются у корыта.
Всё, конечно, шито-крыто.

Ах, чинуши, ваши шлюхи
Распускают всюду слухи
Про богатые подарки,
Бриллианты, иномарки...
Щедрость ваша — безгранична.
Всё в ажуре, всё отлично!

Ах, чинуши, ваши души
Всё же вечно алчность душит.
Не закроет вас забрало.
Всё вам — мало, мало, мало...
Мало срока и тюрьмы.
Позаботимся и мы.

* * *

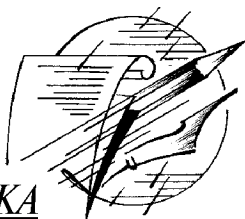
У нас страна — не захоlustье.
Не трусьте, русские, не трусьте.
На гребне каверзных событий,
Терпите, русские, терпите.
В прогноз конца и скорой смерти
Не верьте, русские, не верьте.
В ряды невидимые стройтесь.
Не бойтесь, русские, не бойтесь.
От сна и ужаса очнитесь
Молитесь, русские, молитесь.
И вновь — доспехи надевайте.
Вставайте, русские, вставайте!

ЗАНОВО ОТКРЫТЬ РОССИЮ

Конечно, Россия за последние годы сумела восстановить свой статус великой державы и свой авторитет в мировом сообществе. С ней вынуждены считаться даже самые ее заклятые враги. Но и Российская империя была настолько мощной, что Император Николай II записал в своем дневнике вскоре после вступления на престол: «Я схожу с ума, когда думаю о перспективах России, мы станем самым великим народом, самым великим государством, всё в мире будет делаться с нашего разрешения». Не прошло и 15 лет после этой записи, как Российская Империя перестала существовать: в ходе красного террора и сословного геноцида ее правящий класс был уничтожен под корень, а сам Николай II со своей семьей погиб в подвале ЧК в Екатеринбурге.

У Советского Союза была куда более внушительная военная мощь, чем у царской России, и никто не мог себе представить, что крепкие ноги этого колоса превратятся в глиняные, и он рухнет в одночасье.

У этих двух трагедий России есть одно общее: русский народ перестал поддерживать власть, потому что разуверился

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

в ее честности, правоте и компетентности, в ее способности и желании защитить его жизненные интересы, осознал, что власть коррумпирована и почитает народ за бессловесное быдло. Вот тогда народ и отвернулся от этой власти и не стал ее поддерживать, защищать и спасать от неминуемой гибели.

А это только сыграло на руку внутреннему врагу, который использовал народное недовольство, чтобы взорвать Россию изнутри. Об этом недавно предупредил власть министр обороны РФ Сергей Шойгу, заявив во всеуслышание: «Есть более страшная часть, она в последнее время приобретает или приобрела уже основную опасность для любой страны. Это внутренние угрозы. Всё это связано с тем, что постепенно разлагается общество», — сказал он, добавив, что этот пагубный для страны процесс происходит последние десятилетия. Шойгу обратил внимание на то, что действия внутреннего врага координируются из-за рубежа. По его словам, в Риге, Таллинне и Варшаве созданы центры стратегии пропаганд — в них создается информационное оружие, которое внедряется и распространяется по нашей стране. По данным, представленным МИД России послу США в Москве, отмечены факты прямого американского вмешательства в последние выборы в нашей стране.

Исторический опыт подсказывает нам, что внутренний враг в своей антироссийской деятельности использует прежде всего те факты, которые объективно подтверждают злоупотребление властью в России, манипуляции на выборах, нарушение прав граждан, коррупцию и некомпетентность госаппарата, отставание от развитых иностранных государств. Так стимулируется массовое недовольство властью и существующим строем, а действующая в подполье «пятая колонна» обретает легитимность и начинает открыто вести борьбу за власть под личиной политической оппозиции. После выборов в Госдуму 2021 года Россия вплотную подошла именно к этому этапу. Почему так произошло?

Россия сегодня в своих отношениях с внешним миром по исторической инерции повторяет парадигму советской внешней политики той поры, когда СССР всё еще был той великой державой, которая стояла во главе социалистического содружества и вела за собой чуть ли не все страны третьего мира. С таким могуществом несравним даже имперский статус Российской империи, восстановить который мечтают наши патриотические силы. Это, однако, заведомо провально без той радикальной чистки российских Авгиевых конюшен, которую жизненно необходимо провести, прежде чем

заново открыться миру. Для того чтобы устоять и выжить в войне цивилизаций, России сегодня не до помощи третьему миру, не до распространения своего влияния на всех параллелях и меридианах и уж тем более не до спасения прогневших на корню «дружественных режимов» и поддержки псевдосоюзников, всегда готовых воткнуть ей нож в спину. Спасать ей нужно саму себя.

Попытки Москвы задружиться со всеми без разбора и тем самым застолбить свое влияние в глобальных масштабах от Науру до островов Зеленого Мыса выглядят сейчас, на мой взгляд, по меньшей мере недалеким. В условиях пандемии большинство стран мира, включая Соединенные Штаты и Евросоюз, до предела сократили контакты с зарубежьем. Даже встречи на высшем уровне чаще проходят в онлайн-режиме, чем в непосредственном общении. Но только ли в усердно мутирующем коронавирусе дело?

Нет, конечно. Главная причина глобальной нестабильности и стремления к политической самоизоляции заключается в том, что мутирует миропорядок, установленный после Второй мировой войны и радикально изменившийся в пользу Запада после распада СССР и мирового социалистического содружества. Сложившийся к концу XX века однополярный мир продержался недолго. России, Китаю и Индии удалось сломать этот навязанный человечеству статус-кво и перейти из «ревизионистских», т.е. соперничающих, по квалификации американского политолога Оранского, держав в мировые лидеры. Это вынуждены были признать два последних президента США — сначала Дональд Трамп, публично отказавшийся «силой навязывать американский вариант демократии кому бы то ни было», а затем де-факто — Джо Байден, критиковавший за это Трампа, поспешно выведя войска США из Афганистана. Это не что иное, как позорное историческое фиаско Америки и признание конца однополярного мира.

Эта новая реальность заставляет даже «ревизионистские государства», те, что стремятся занять место США в качестве доминирующей державы, признать бесперспективность и опасность таких попыток и больше уделять внимания внутренним проблемам. Однако Россию в последнее время активно подталкивают к глобальному соревнованию. Так, в недавних передачах Владимира Соловьева, члена руководства Российского еврейского конгресса (РЕК), прозвучали прогнозы о скором коллапсе Соединенных Штатов одновременно со всем «коллективным Западом» и призывы к экспансии Русского мира на все человечество. С этим в пе-

редачах Соловьева выступает не только его сотоварищ по руководству РЕК Сатановский, но и лидер ЛДПР Жириновский-Эдельштейн, как и бывший генерал израильской разведки «Натив» Яков Кедми, а также главный редактор телеканала RT Маргарита Симоньян. С чего бы так взволновали этих господ судьбы Русского мира?

Конечно, человек любой национальности в России и в русском зарубежье имеет полное право высказать публично свое мнение в дебатах на эту тему. И всё же возникает вопрос: почему именно сейчас, когда Россия только-только начала набирать силу, ее принялись номинировать на роль доминирующей державы, причем в основном нерусские люди? Или эти господа не знают, что охотникам лучше всего удается подбить птицу на взлете?

В условиях многополярности современного мира и продолжающейся борьбы за главенство в нём России необходимо было бы заняться не фанфаронскими претензиями на глобальное лидерство, а прежде всего укреплением собственной безопасности и внутренней стабильности, которая невозможна — признаем это — без значительного повышения уровня жизни в стране, базовой составляющей национального согласия и патриотизма. А после развала СССР в России воцарилось чудовищное социальное неравенство, ставшее для русского народа подлинным бедствием и национальным позором. Враги России целенаправленно оскверняют ее святыни и фальсифицируют ее историю, попирают ее традиции и веру, увы, при попустительстве власти.

«Криминальная, коррумпированная, далекая от народа, чужая, бюрократичная, непоследовательная, недальновидная, слабая, беспомощная, паразитическая. Такие характеристики (по убывающей) дали нынешней власти россияне в ходе опроса социологами “Левада-центра”» («Московский комсомолец». 6.08.2019).

В наше время фактор отсталости России по многим параметрам уже не прикрыть псевдопатриотической риторикой. Не случайно все наши стратегические и идеологические противники используют для обработки российских граждан и дискредитации руководства России в первую очередь те показатели, которые свидетельствуют о непростительной отсталости нашей страны. Тем более непростительной, что по своим природным богатствам, которые по Конституции России принадлежат народу, а на деле переданы олигархам, она превосходит все остальные страны мира. Посмотрим на эту унижительную для русского народа статистику.

По данным Всемирного банка (ВБ), Россия занимает шестое место в мире по валовому национальному доходу, но лишь 97-е — по доходам на душу населения. Соотношение доходов десяти процентов наиболее богатых россиян к такому же числу самых бедных уже превышает 16 раз, а с учетом скрытых доходов расхождение может достигать от 28 до 36 раз. Такие данные привел в своем докладе на Генеральном совете Федерации независимых профсоюзов России председатель ФНПР Михаил Шмаков. Разрыв продолжает расти. Вместе с тем предельно допустимый для национальной безопасности уровень дифференциации доходов, по данным директора Института социально-политических исследований РАН Г.В. Осипова, составляет 10 раз, т.е. в современной России он превышен почти втрое. Для сравнения, в Чехии он равен 5,1 раза, в наиболее развитых странах в целом — 8,1, в США — 16,9 раза.

Россия по уровню жизни в 2021 году находилась на 90-м месте среди 142 стран мира — между Гватемалой и Лаосом. По экономическим показателям наша великая держава остается на 95-м месте, свободе предпринимательства — на 88-м месте, по уровню коррупции и эффективности управления страной — на 99-м месте (это один из самых высоких показателей), по уровню безопасности — на 92-м месте, по качеству образования — на 35-м месте среди стран мира.

В лидерах по номинальному душевому ВВП в 2020 году были развитые страны Европы. Это — карликовый Люксембург (117 тыс. долл.), Швейцария (87 тыс. долл.), северные страны: Норвегия, Ирландия и Исландия, Нидерланды, Дания, Швеция и Финляндия. Высокие места в рейтинге занимают США (63 тыс. долл.), Канада и Австралия, Израиль, города-государства Сингапур и Гонконг, ближневосточный нефтеэкспортер Катар и крупнейшая экономика Европы — Германия. Россия занимает одно из последних мест.

При пересчете ВВП по паритету покупательной способности (ППС) группа лидеров не сильно меняется. К ним добавляются нефтеэкспортеры — ОАЭ и Бруней, Макао (район Китая со свободной экономической зоной) и Тайвань. Душевой номинальный ВВП России в 2020 году около 10 тыс. долл. (65-е место), что немного ниже среднемирового показателя (11 тыс. долл.), хотя еще в 2013 году он составлял 16 тыс. долл. и был на 45% выше мирового уровня. На это повлияли девальвация рубля, экономические проблемы и геополитическая напряженность.

Характер экспорта и импорта России показателен, если исключить поставки вооружений только для развивающихся

ся и безнадежно отсталых стран. Мизерную долю составляет высокотехнологическая продукция, огромную — экспорт нефти, газа, леса, цветных и других металлов. Россия по итогам 2020 года заняла по уровню продовольственной безопасности 24-е место среди 113 стран, отстав даже от Белоруссии. Экспорт всей продукции АПК в 2018 году составил 24,1 млрд. долл., импорт — 28,1 млрд. долларов. С вычетом зерновых и масличных культур объем экспорта резко уменьшается до 12,9 млрд. долл., импорт без учета этих категорий равняется 26,9 млрд. долларов. А при царе-батюшке Россия всю Европу кормила!

По уровню пенсионного обеспечения Россия позади планеты всей. В большой пенсионный рейтинг, где первое место заняла Исландия, Россия даже не попала, так как пенсионная система РФ признана одной из худших в мире.

Пенсионная реформа с повышением пенсионного возраста лишила миллионы людей шанса выйти на заслуженный отдых. Пенсионерам и так платят весьма скромно, и пенсии в России выглядят нищенскими по сравнению с материальным обеспечением пенсионеров на Западе. Среднегодовой размер страховой пенсии в 2022 году составит 18 521 рубль, в 2023-м — 19 477 рублей, в 2024-м — 20 469 рублей. Если представить, что пожилой человек живет на одну только пенсию (а у многих пенсии не превышают 10 тыс. рублей), то указанные суммы — это, по мнению экспертов, даже не уровень жизни, а уровень выживания. Да и у работающих россиян дела обстоят не лучшим образом: около 67% трудоустроенных граждан сообщили, что им не хватает ежемесячного дохода для нормальной жизни.

19 февраля 2020 года в Петербурге после возложения цветов к памятнику экс-губернатору Анатолию Собчаку Владимир Путин решил пообщаться с народом. Он подошел к стоявшей рядом группе местных жителей, к нему обратилась пожилая женщина: она то ли пожаловалась, то ли просто спросила президента: можно ли выжить на 10 800 рублей в месяц? «Думаю, что очень трудно», — ответил Путин. И сообщил ей в утешение, что и у него — подумать только! — не самая высокая зарплата в России. Это верно. Некоторые господа из его близкого круга официально получают больше. (О том, сколько государство тратит на содержание его многочисленных резиденций, президент, конечно, предпочел промолчать.) Так, председатель Роснефти Сечин получает более одного миллиона рублей в день, примерно столько же зарабатывает председатель Газпрома Миллер, а депутаты Госдумы положили себе ежемесячный оклад в 500 тысяч рублей.

Путин, конечно, знает, что на фоне дворцов и зарубежных вилл российских высших чиновников и олигархов стоимостью в сотни миллионов рублей, а то и долларов, их личных самолетов и суперяхт доходы пенсионеров тем более выглядят как чудовищная несправедливость и наглый вызов обнищавшему народу. Путин попытался утешить пенсионерку, сказав, что его правительство разрабатывает программу помощи малоимущим, которая повысит их доходы на целых 2,5%. Но старушка его не слушала и продолжала рассказывать, что с ее мизерной пенсии надо заплатить за газ, за свет, за капремонт, за лекарства... Охрана занервничала — не к той старушке подвели, и быстро свернула незапланированную встречу с народом. Старушка, видимо, всё же запала в память президента, и в сентябре 2021 года всем пенсионерам перед выборами кинули от щедрот нашего коррумпированного государства по 10 тыс. рублей. Это в 100 раз меньше того, что г-н Сечин получает в день. Немудрено, что эта предвыборная подачка многими была воспринята как оскорбление наших стариков да и всего ограбленного олигархами и чиновниками русского народа.

Согласно материалам Росстата, уровень безработицы (отношение численности безработных к численности рабочей силы) в России в апреле 2021 года составил 5,2%. В ходе пандемии 2020—2021 годов уровень этот был превышен до 4,2 млн. человек. С учетом формально незарегистрированных безработных эта цифра может быть вдвое выше. И дело здесь не только в пандемии или спаде в экономике, а в российских законах.

В действующей Конституции РФ право на труд гарантировано, но гарантии трудоустройства для каждого трудоспособного гражданина РФ отсутствуют. Статья 37 Конституции РФ не дает права на труд как такового и его гарантий.

В 1990-е годы, на фоне резкого ухудшения социально-экономической ситуации в России после распада СССР, в стране значительно выросло число бездомных — примерно со 150 тыс. во время перестройки до четырех миллионов человек к 2003 году. К 2021 году официальная общая численность бездомных составляет от четырех до пяти миллионов человек или от 2,76% до 3,44% постоянного населения России.

Весьма мрачно выглядит российская реальность и по другим показателям. Около 22,6% населения России не имеет доступа к централизованной канализации. Большинство таких семей пользуются выгребными ямами — говорится в исследовании Росстата об условиях жизни в стране, а у 5,8% населения система канализации отсутствует вообще.

Как минимум 3,5 млн. россиян, в том числе многие ветераны войны, живут в аварийном или ветхом жилье. Причем эксперты считают эту цифру заниженной, так как власти скрывают реальные масштабы проблемы. Более того, ситуация только усугубляется: согласно прогнозам, до 2035 года объем непригодного для жизни жилья будет расти почти в три раза быстрее темпов расселения людей из аварийных домов. Многие старики так и умирают, не дождавшись обещанного жилья.

Более 680 школ в России находятся в аварийном состоянии, водоснабжение и канализация отсутствуют в 22% сельских учебных заведений, сообщил глава Минобрнауки Дмитрий Ливанов.

Бедственное положение народа в России ведет к его ускоренному вымиранию. Выступая на встрече с Путиным по итогам выборов 2011 года, глава КПРФ Геннадий Зюганов открыто заявил: «Мы потеряли с 1991 года только русских почти 50 миллионов. Это государствообразующий народ, убывание которого грозит всем большими неприятностями». Он добавил, что Россия потеряла 25 млн. граждан из-за искусственно проведенных в советское время границ между республиками бывшего СССР — «от Пскова до Алтая». Еще 20 млн. человек с тех пор вымерло.

В условиях нищенского существования большинства населения России резко падает рождаемость и ускоряется вымирание нации. Только с октября 2020 по сентябрь 2021 года естественная убыль людей в России, по совокупным данным региональных загсов, составила без малого миллион (997 тыс. человек — без Крыма). Как отмечают независимые демографы, «официальные цифры естественной убыли удивляют своей «скромностью»: откуда полмиллиона умерших в 2020-м, если только избыточная, т.е. сверхсмертность, за год пандемии составила свыше полумиллиона человек? Как уже было подсчитано Росстатом, умерло как минимум в два раза больше, чем сообщается сейчас». К тому же продолжительность жизни снизилась до 70,2 года, и это тоже антирекордный показатель.

Офшорная экономика

После развала СССР при предателе Борисе Ельцине Россия находилась практически под управлением Запада. Характеризуя правительство этого вечно пьяного кислинга, тогдашний президент США Билл Клинтон сказал: «Отныне — это послушный безмозглый инструмент в наших ру-

ках». Столь позорного примера в истории российских лидеров в нашей истории просто нет. Путин сумел выбить этот инструмент из рук Америки, но полностью преодолеть зависимость от Запада ему все же не удалось. Эта зависимость и заставляет нынешних властей предрержащих идти на уступки как олигархам, так и Западу, часто вредоносные для России и ее будущего.

Если посмотреть на то, как все это выглядит на практике, то сложится впечатление, что Россия — это все еще оккупированная страна. Ее экономика контролируется Международным валютным фондом и иностранными корпорациями, хотя прямые портфельные инвестиции в 2020 году под влиянием санкций и мирового спада сократились почти в 20 раз и упали до уровня 1998 года и продолжают падать. Это падение, однако, не коснулось практически тех отраслей, которые обеспечивают России основной доход от экспорта, — сырьевые ресурсы: газ, нефть, уголь и др.

Далеко не все инвестиции из офшоров российские по происхождению: пример — американская Exxon Mobil, которая инвестировала в проект «Сахалин-1» через свою багамскую «дочку» Exxon Neftegas. Однако можно найти гораздо больше примеров, когда российские инвесторы зарегистрированы за рубежом: в частности, нефтяная компания «Нефтегазхолдинг» Эдуарда Худайнатова принадлежит компании, зарегистрированной на Бермудских островах; Совкомбанк формально подконтролен голландской компании; производитель алюминия Rusal зарегистрирован на острове Джерси, а сам алюминиевый король Олег Дерипаска, тесно связанный с российскими «верхами», имеет гражданство Кипра; Тинькофф Банк, основанный Олегом Тиньковым, принадлежит кипрскому холдингу и т.д.

В современной России всеислен и в основном защищен от домогательств чиновников и криминала только очень большой бизнес, активы которого исчисляются в миллиардах долларов, а защита осуществляется с самого верха. Но и эти гиганты прячут свои доходы и тайны в офшорах. Средний же и мелкий бизнес чаще всего напоминают раков-отшельников, на раковине которых жуируют ненасытные хищные актинии из правоохранительных органов либо криминала, нередко действующие заодно. Тем предпринимателям, у которых больших капиталов нет, как нет и регистрации в офшорах, шансы добиться в России успеха в бизнесе ничтожны. В январе—июне 2021 года суды признали банкротами 88 тыс. россиян, включая индивидуальных предпринимателей. Количество банкротств за первое полугодие 2021 года в 2,1 раза

превысило показатель годом ранее — в первой половине 2020 года банкротами стали 42,7 тыс. россиян.

Офшоризация российского бизнеса привела к тому, что больше всего инвестиций в Россию (537 млрд. рублей) приходит, по статистике Центробанка, из трех стран: Кипра (почти 160 млрд. рублей), Нидерландов (56 млрд. рублей), Люксембурга (50 млрд. рублей) и Багамских островов (29 млрд. рублей). По данным Росстата, за 2011 год объем псевдо-«кипрских» инвестиций в Россию составил сумму, эквивалентную 78,2 млрд. долл. США, что почти в четыре раза превышает ВВП самого Кипра. Из этого офшорного государства больше всего инвестиций было сделано в обрабатывающие производства (47,5 млрд. рублей). На втором месте — финансовая и страховая деятельность (24,6 млрд. рублей), на третьем — оптовая и розничная торговля (18,2 млрд. рублей), на четвертом — профессиональная деятельность, научная и техническая (14,3 млрд. рублей). Похожая картина и с другими странами, расплодившими офшоры, которые делают в нашу страну солидные вливания. Так, из Нидерландов больше всего средств идет в обрабатывающие производства. По данным на 1 июля 2021 г. — 16,6 млрд. рублей.

Из Люксембурга 24,7 млрд. рублей пошли в оптовую и розничную торговлю. Инвесторы с Багамских островов почти все средства, 28,5 млрд. рублей, направили в добычу полезных ископаемых у нас в стране. И в основном все эти «иностранцы» имеют, помимо иностранных паспортов, и давнюю российскую прописку. Но эти по большей части российские бизнесмены предпочитают делать вложения в России не напрямую, а через фирмы-прокладки в других странах.

По данным Банка России, на конец 2017 года в России было накоплено 441,1 млрд. долл. прямых иностранных инвестиций. Но, как следует из данных МВФ, около 255 млрд. долл. из этих вложений было сделано компаниями-оболочками из «перевалочных» юрисдикций, а реальный инвестор находился в какой-то другой стране. В том числе около 102 млрд. долл. или 23,2% от общих иностранных инвестиций в Россию. Это не подлинные инвестиции из-за рубежа, а средства российских инвесторов, вложенные на родине через другие страны. Речь идет о так называемых круговых схемах, хорошо известных исследователям российских иностранных инвестиций, — схемах вывода средств за рубеж и их последующего возвращения под видом иностранных вложений. В России доля таких инвестиций, по оценкам за 2017 год, самая большая среди всех стран — 57,9%. Структурирование

инвестиций как иностранных также позволяет «застраховаться от политических рисков». Наконец, это дает возможность, как утверждали экономисты Всемирного банка, скрыть личность бенефициара от российских властей.

Приобретение «иностранности» компаниями, принадлежащими российским гражданам, но зарегистрированными в офшорах по всему миру — от Кипра до Сейшельских островов, чаще всего вместе с обретением гражданства страны-офшора, как у Дерипаски, лишает возможности российские власти контролировать их деятельность и взимать с них налоги. Подобная двойная, а то и тройная лояльность объективно приводит к тому, что эти псевдоиностранные предприниматели действуют вопреки национальным интересам России и фактически исполняют роль «пятой колонны». Иностранная юрисдикция позволяет действующим в России фирмам уходить не только от налогов, но и получать защиту в международных арбитражных судах. Структурирование преимущественно российских вложений в качестве иностранных в свое время не спасло нефтяную компанию ЮКОС от банкротства и распродажи по частям на аукционах, однако — позволило обратиться в международный арбитраж на основании международного соглашения о защите иностранных инвестиций в постсоветских странах и добиться решения о компенсации утраченных инвестиций на 50 млрд. долларов.

Не народное достояние

Лживые заверения россиян в том, что «Газпром» — это якобы «народное достояние», о чем нам по сто раз в день сообщает телереклама, не выдерживают испытаний реальной действительностью. Газификация деревень и дачных поселков в рамках майского поручения президента должна была обеспечить «подведение газа до домов без привлечения средств граждан». Воплощать эту идею в реальность обязали «Газпром», где обещания переиначили на свой лад. Объявили, что доведут трубу «до границ участка», а до дома подведут за счет «осчастливленного» владельца. Цена такого «благодеяния» оценивается, по разным данным, от 200 тысяч рублей до полумиллиона. Какой пенсионер да и не всякий работающий по найму человек наберет такие деньги для «народного достояния» и кому они достанутся?

Между тем и «Газпром», и «Роснефть», и прочие «народные достояния» могли бы позаимствовать прекрасный зарубежный опыт таких нефтяных государств, как Саудовская Ара-

вия, Оман, Катар и ОАЕ, где доходами от экспорта нефти и газа реально делятся со своими гражданами — предоставляют бесплатный бензин и ДТ, выплачивают ежемесячный процент каждому гражданину от прибыли госкорпораций, полностью субсидируют здравоохранение и обучение студентов за рубежом и т.д. И нет там поэтому старушек, которые стоят у метро с протянутой рукой. А есть народ, гордый своим государством и благодарный ему за заботу!

Диктат Запада

Россия, как и многие другие страны, находится в состоянии культурной оккупации со стороны США и других стран Запада. В рекламе навязчиво доминируют радужные расцветки ЛГБТ, американская попса звучит повсюду: в тренажерных залах, торговых центрах и даже в общественных туалетах. В телевизоре, в кинозалах, в Интернете — засилье голливудских фильмов и сериалов. Западными речевыми кальками засорен язык. По западным образцам строится система образования. Культурная оккупация — это часть глобального проекта западнизации человечества, стандартизации в мировом масштабе общественного устройства, экономики и культуры по американскому образцу в соответствии с теми ценностями, которые считаются в странах коллективного Запада основополагающими и беспардонно объявлены универсальными и обязательными для всего человечества. Современное миссионерство «западной веры», которая наподобие пандемии поражает целые страны и цивилизации, диктуя и указывая, как им жить, отличается весьма агрессивным характером. Внедрение транснациональных корпораций и их продукции в другие мир-системы и отдельные государства сопровождается перманентным контролем соблюдения норм американской демократии, а также того, в полной ли мере утверждаются западные «ценности», везде ли доминирует западная масскультура. В зависимости от этого определяются параметры сотрудничества и взаимодействия с той или иной страной. По сути дела, это опосредствованный диктат, с помощью которого происходит подмена национальных интересов той или иной страны на национальные интересы США и других стран коллективного Запада.

Для контроля соблюдения западных норм и ценностей США повсюду расплодили свою агентуру, сети, НКО, которые травят всех, кто хоть как-то пытается сопротивляться агрессивному западно-либеральному засилью. По замыслу глобалистских стратегов ничего своего у народов мира не

должно в итоге остаться. Даже рекламы. Не говоря уже о традиционной половой идентичности, традиционной семье и об осуждении сексуального бесстыдства и беспредела. Но если кто-то против и возмущается засильем чужеродных ценностей и идеологий, так тут уж травля идет по полной. Особенно по этой части отличается служба политического сыска сионистско-масонского ордена Бнай Брит «Антидиффамационная лига» (ADL). «Фашист», «расист», «террорист» — эти обвинения находятся в постоянной обойме ADL, которая стремится подавить любую критику в адрес доминирующего на Западе либерального фашизма, международного сионизма и мирового масонства. С ней вместе под флагом толерантности всех цветов радуги выступают и те «защитники прав и свобод», которые ратуют за свободу разврата и всех зарегистрированных психиатрами половых отклонений и извращений.

Травле этой публики в российских СМИ подвергалась актриса Мария Шукшина после того, как она раскритиковала запуск нового проекта дрэг-шоу «Королевские кобры» с участием так называемых дрэг-квин, т.е. мужчин в женских образах. Шукшина заявила, что подобные вещи ее шокируют. «Такие мероприятия, такие шоу, — отмечает актриса, — относятся к развращенному смыслу и к развращенному уму». Она считает, что нынешнее молодое поколение уже окончательно развращено на почве бескультурия, которое в нашей стране утверждается уже 30 лет. «Наши духовно-нравственные ценности и традиции разрушают целенаправленно, и вот в результате мы это и имеем. Грустно, — говорит Шукшина. — Дальше будет еще хуже. Сейчас уже настолько явно стало это высвечиваться, эта тенденция к педерастии, к тому, чтобы всё изменилось, всё развернулось на 180 градусов. Семья уже не нужны: девочки живут с девочками, мальчики с мальчиками, а взрослые мужчины — с детьми. Извращение, Содом и Гоморра, одним словом. Поэтому, конечно, это трагедия, это беда...» — предупредила Шукшина. Она уверена: «...власти при желании могли бы легко пресечь это безобразие, если бы была политическая воля. Но почему-то это не делается».

В интервью ТАСС, опубликованном в сентябре 2021 г., председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин, комментируя действия «пермского стрелка», расстрелявшего своих однокурсников, сказал, что основные причины этого и других подобных случаев связаны с тем, что подростки не получают достаточного уровня воспитания, культуры. «Интернет, телевидение, социальные сети стали таким источником воспитания, который культивирует насилие, рав-

нодушие к проблемам сверстников, безнравственность. Как вопль о помощи звучит призыв главного следователя России: «Детей надо вытаскивать из Интернета, а не погружать их туда за бюджетные деньги. Деструктивная информация, получаемая подростками в сети, ведет к тому, что насилие в умах детей становится естественным и нормальным, к тому же они видят, что нападавшие превращаются в героев в СМИ и соцсетях... <...> В этом и есть большая опасность», — добавил он.

Разобрался ли главный следователь, кому это выгодно? Почему даже в театральных постановках и художественных фильмах, финансируемых государством, создаваемых якобы с благой целью, умудряются, по его словам, исказить классику, делая главными героями произведений тех, кто недавно открывал стрельбу в школе? «И какие ценности могут сформироваться у подростков, которые смотрят всё это?» — задает Бастрыкин риторический вопрос. Ответ очевиден.

Странно и даже страшно читать это интервью Бастрыкина, которое, по сути дела, стало еще одним свидетельством бессилия наших правоохранительных органов перед лицом идеологического наступления мировой закулисы и ее российской агентуры на основные ценности и духовность русского народа. «Часто, читая новости о той или иной выставке или постановке, суть которых возмущает общественность, — говорит Бастрыкин, — я даю поручения обратить на них внимание, изучить, ведь речь идет о наших ценностях, лишившись которых, мы потеряем человечность». То, что эти «поручения» не выполняются должным образом ясно, так как не только в массовой культуре, но и на сценах когда-то классических театров России, в кино и телешоу, а особенно на эстраде торжествуют извращенцы всех сортов под флагом ЛГБТ и поощряемой с самого российского верха вседозволенности. В результате по сцене Большого театра Евгений Онегин бегаёт в одноименной опере без штанов. В МХАТ, святыню русского драматического театра, приглашают «героиню» «Дома-2» Бузову, а в спектаклях режиссера Константина Богомолова, мужа Ксении Собчак, в Театре на Малой Бронной пропагандируется гомосексуализм, и в главных ролях выступают трансгендеры и лесбиянки. В июле 2020 года разразился скандал в «Современнике»: общественная организация «Офицеры России» обвинила создателей спектакля «Первый хлеб» и главную исполнительницу Лию Ахеджакову в неуважении к защитникам Отечества, в русофобских настроениях и в использовании нецен-

зурной лексики. Но стоит ли этому удивляться, если министр культуры России Любимова шеголяет в Интернете в майке с матерной надписью?!

В российском обществе утвердился культ золотого тельца. Деньги, «мирской бог евреев» по Марксу, в постсоветской России стали мерой всех вещей и понятий. Всё продается. Всё покупается. Даже девичья невинность. Ужас, отчаяние охватывают, когда читаешь объявления в Интернете о продаже девственности на сайте, устроенном по принципу сетевой барахолки, где можно купить-продать «товар» напрямую, без посредников. «Барахолка» эта интернациональная, доступна на разных языках мира, также можно задать желаемые параметры: страна, город, возраст «покупки». По запросу «Россия» вываливается целый сонм девственниц всех возрастов и видов — из Москвы, Питера и множества других городов. Изучение предложения показывает, что отечественный «рынок невинности» весьма динамичен (десятки новых предложений ежедневно) и разнообразен как в смысле цен, так и в смысле возраста продавщиц. На «прилавках» множество целомудренных россиянок от 18 до 35 лет по цене от 800 долларов США. Вот как рекламирует «свой товар» некая девушка из Новгорода: «Молодая, привлекательная девушка. Пошлая, иногда застенчивая. Деньги необходимы для помощи моим родным». И здесь те же причины — нехватка денег, обнищание, ведущее наиболее слабых духовно и незащищенных к моральному падению. Ну и конечно, всеобщее падение нравов, подрыв всех духовных начал и основ, бережно охранявшихся тысячелетиями.

Статья 242 УК РФ предусматривает наказание до шести лет лишения свободы за «незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов». Но это не мешает подпольным дельцам снимать в России, в основном на экспорт, сотни порнофильмов, в том числе специально для педофилов с участием несовершеннолетних детей. В Москве и других крупных городах страны открыто действует сеть секс-шопов, где продаются секс-игрушки, специальная одежда и оборудование для различных оргий.

Иноагенты без регистрации

Внутренний враг в России, о котором с такой тревогой говорил министр обороны С. Шойгу, перестал в последнее время маскироваться. Он действует с открытым забралом. В России орудует разветвленная сеть масонских и сионистских организаций, которые по своей юрисдикции подчиня-

ются сионистским и масонским «материнским» центрам и ложам за рубежом, но в России они не считаются иностранными агентами вопреки существующему законодательству.

Легализация масонства и сионизма произошла еще в СССР, при Горбачеве, когда в Кремле с почестями приняли Великого магистра сионистско-масонской ложи Бнай Брит и ее духовного лидера Генри Киссинджера, одного из «архитекторов» демонтажа Советского Союза и лютого ненавистника России.

В мае 1989 года парижский ежемесячник L'Arche сообщил, что в Москве с 23 по 29 декабря 1988 года гостила делегация французского отделения Бнай Брит в составе 21 человека во главе с президентом Марком Ароном. Первая ложа этого ордена в СССР была организована во время визита, и к маю в ней состояли 63 члена. К тому же времени были учреждены еще две ложи в Вильнюсе и Риге, а впоследствии в Петербурге, Киеве, Одессе, Нижнем Новгороде, Новосибирске. О том, что Бнай Брит это глубоко враждебная России организация, можно судить по тому, как относился к нам Генри Киссинджер. В своей известной книге «Дипломатия» Киссинджер высказался на этот счет предельно откровенно: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее в единое, крепкое, централизованное государство».

После развала СССР «внедрение» масонских лож в России продолжалось полным ходом. Создана их общероссийская сеть. Они также подчиняются материнским ложам за рубежом: масонским орденам Великий Восток, Великая Ложа Франции и Великая национальная ложа Франции со штаб-квартирой в Париже, британской Великой ложи Англии, Мальтийскому ордену и т.д.

Ни одна масонская ложа в России не зарегистрирована в качестве иностранного агента, что позволяет российским масонам внедряться в государственные структуры, включая администрацию президента, в качестве сотрудника которой выступал, например, российский политехнолог, кандидат на должность президента России на выборах 2008 года, «Великий мастер Великой ложи России, 33° древнего шотландского устава» — Богданов. В сотрудничестве с президентским кукловодом А.Сурковым он стал в 2008 году учредителем партии «Правое дело» под миллиардера А.Прохорова, которую он ему и продал. Он также один из основных учредителей Демократической партии России, Российской партии свободы и справедливости, Народной партии России, новой Социал-демократической партии России, партий «Гражданская позиция», «Народный альянс» и «Союз горожан», бло-

ка «Третья сила». Эти партии продавались амбициозным политикам по договорной цене, а затем запускались в предвыборную гонку, что позволяло манипулятору Суркову дробить голоса избирателей и обеспечивать «Единой России» лидерство на выборах. Богданов считается и создателем партии «Гражданская инициатива», от которой выступала подопечная Путина Ксения Собчак, участвовавшая в выборах президента РФ в 2018 году.

По непонятным причинам сионистско-еврейские объединения в России не попадают в число иностранных агентов. Между тем российская ложа Бнай Брит подчиняется американской материнской ложе с таким же названием, а Российский еврейский конгресс, как и Еврейское агентство России, — Всемирному еврейскому конгрессу со штаб-квартирой в Израиле. Это же касается и всех других сионистских и еврейских организаций в России, подчиненных своим материнским центрам в Израиле и США.

Только в 2021 году в России был, наконец, закрыт филиал преступной секты сайентологов, последователей авантюриста Л. Рона Хаббарда, заработавшего в России на обмане легковверных адептов миллиарды долларов.

Продолжение следует

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА АНТРЕСОЛЯХ?

РАССКАЗ

Человек по своей природе политическое животное.
Аристотель

После короткого утреннего общения на лестничной площадке с новым соседом Аркадием (то ли аййтишником, то ли неким менеджером) Игорь Юрьевич Лепендин отчетливо почувствовал нарастающее раздражение.

— Если Вы собрались ехать в центр, хочу вас предупредить: там сегодня опять будет демонстрация сторонников Насыпного! — первым бойко заговорил молодой человек.

— Какая мне разница? Я далеко не его поборник... — сухо, сурово отозвался Игорь Юрьевич.

— Нисколько не сомневаюсь!.. Это у вас на лице ясней ясно написано! — разоблачающе объявил Аркадий. — Но независимо от ваших верноподданнических взглядов транспорт в центр и обратно всё равно будет ходить с перебоями. А некоторые маршруты городские власти и вовсе временно отменят. Чтобы хитроумно минимизировать масштабы народного протеста!

— Так уж и народного?.. — отчуждённо хмыкнул Игорь Юрьевич.

— По крайней мере его лучших представителей! Само собой, молодых! — гордо объявил Аркадий, ко-

ПРОЗА

тому было разве что лет около тридцати пяти. — Кстати, я на прошлой демонстрации даже шестиклассников видел! Азартные и веселые, они смело шли навстречу своему счастливому будущему — самодельными транспарантами: «Свободу Насыпному!!! Политическое старичье на свалку истории!!!»

— Роддомовских младенцев никто не нёс с такими же лозунгами? — вскинул подбородок Игорь Юрьевич, чтобы несколько ослабить внезапно объявившееся жжение изжоги.

Аркадий снисходительно хохотнул.

Само собой, они были людьми более чем разных поколений и в силу того, само собой, взглядов. Однако Игорь Юрьевич, пенсионер с десятилетним стажем, бывший учёный секретарь местного филиала государственной библиотеки, всегда придерживался мнения, что истинное понимание смысла жизни если и приходит к человеку, то разве что лет после семидесяти. А тут вдруг впервые столкнулся с очевидным фактом, что этому молодому человеку его, Игоря Юрьевича, заматеревший опыт бытия не только не важен, но даже забавен и, наверное, смешон. Неспроста нынешняя молодёжь завела моду протестно одеваться шиворот-навыворот. Поэтому тридцатипятилетний Аркадий, как какой-нибудь отвязный шестиклассник, был в обвислом чёрном худи с капюшоном, узких жёлтых очках и зауженных донельзя белых штанцах, открывающих голые бледные лодыжки; ко всему он носил разноцветные носки. Само собой, на таком дерзком фоне более чем кондово смотрелись длинный тёмно-серый кожаный плащ и классическая фетровая чёрная шляпа Игоря Юрьевича, — ровесники былой моды на товары былой Югославии. В этой одежде он напоминал Аркадию одного из тех членов Политбюро ЦК КПСС, которые на кадрах старой кинохроники поднимались на площадку Мавзолея в партийно-праздничные дни.

— А с какой такой стати вы лично манкируете Насыпного? — снисходительно усмехнулся Аркадий.

— Ни с какой... Просто физиономия его мне не нравится... — глухо отозвался Игорь Юрьевич.

— Значит, вам безразлична судьба России!

— Отнюдь! Мне безразличны настырные самовыдвиженцы в народные вожди... — глухо отозвался Лепендин. — Естественное кадровое продвижение — это когда человек поднимается с годами по ступеням руководящих должностей. А ваш Насыпной объявился как чёрт из табакерки — и подавай ему кресло президента страны.

— Мы ждём перемен! Перемен требуют наши сердца! — радостно пропел Аркадий, чувствуя в себе вдохновенное бур-

ление международных принципов либерально-демократических свобод.

И тут сама собой припомнилась Игорю Юрьевичу из былых времён знаменитая фраза Максима Горького: «С кем вы, мастера культуры?»

— Послушайте, Аркадий, а что вам в этой жизни важнее более всего? — строго напрягся Лепендин. — Вы помните такие слова из песни: прежде думай о Родине, а потом о себе? Как они вам?

— Тупо. Фигня. Я предпочитаю наслаждаться жизнью и хочу покрасить волосы в зелёный цвет! — азартно рассмеялся Аркадий. — А может быть, и пол сменю! Год буду женщиной, потом — снова мужчиной! И опять — женщиной!

Игорю Юрьевичу вдруг захотелось перестать слышать и видеть, чувствовать и обонять. Одним словом, оказаться подальше от этого мира. Обрести своё личное «убежище Монрепо». Скажем, на антресолях в его коридоре, всегда в детстве так манивших его воображение своими ужасно любопытными тайнами. А что если действительно там среди схронов почти вековой давности его реально ждёт нечто вроде сказочного «золотого ключика» от рая на земле?

В громоздком величественном облике антресолей всегда чувствовалось что-то мистическое, словно время там загадочно уплотнилось, сделав прошлое и будущее настоящим. Это была самая настоящая кладовая спрессованных временем событий. Неспроста основным материалом антресолей стал практически вечный морёный дуб, имеющий, как известно, густо-чёрный цвет, искрящийся серебристыми прожилками.

На антресолях с незапамятных времён, что только ни хранилось. Год от года, десятилетие от десятилетия там, благодаря его родителям, всегда трудно расстававшимся с отжившими предметами быта, накапливалась всякая всячина: скажем, старая посуда, детские игрушки Игорька, там можно было найти действующий ламповый приёмник, ржавые гантели, поломанную ручную мясорубку, старое прохудившееся цинковое корыто, коллекцию значков эпохи СССР и даже зачитанные вдрызг журналы. Там возлежали, словно ожидая свой звёздный час, библиотечные тома Ленина и Маркса, которые Лепендину удалось спасти в ельцинские годы от уничтожения с помощью, как тогда было принято, обыкновенного топора. В общем, много чего на антресолях жило вечно. Это была настоящая машина времени.

Игорь Юрьевич взволнованно усмехнулся.

Сегодня же вечером, решительно взяв стремянку, нервно пригладив седые, крылато разлетающиеся волосы, он сделал

первый шаг навстречу прошлому: включив трофейный немецкий фонарь «Даймон» с ярким густым лучом, Игорь Юрьевич осторожно просунул голову в душную, захламлённую и запутанную атмосферу словно бы спрессованных десятилетий.

«Как же я потом стану отсюда задним ходом пятиться?..» — настороженно подумал он и вдруг замер: в хлестком луче «Даймона» Игорь Юрьевич увидел перед самым своим носом присыпанный полувековой мертвенной пылью журнал «Огонёк» — растрёпанный первый номер давнего 1952-го. Хотя тот был без обложки, но до сих пор хранил остатки особого типографского аромата, присущего цветным иллюстрированным журналам той поры. В скольких избах, хатах, юртах, саклях, армейских казармах, тюремных камерах и, само собой, на домашних стенах «сталинок» и «хрущёвок» висели в своё время радующие глаз цветные «огоньковские» вкладки: с портретами Ленина и Сталина, огромным тяжёловесным гербом СССР, похожим на суровую икону нашей планеты, потом же картинами великих художников, среди которых особой народной, солдатской и эзковской любовью пользовались иллюстрации типа «Данаи» Рембрандта или Боттичеловой «Венеры, рождающейся из пены».

Игорь Юрьевич напряжённо вздохнул. Можно сказать, что дело чуть было до ностальгической слезы не дошло. Но не дошло.

Перемога он, отдышавшись.

Чем был тогда журнал «Огонёк» для советского человека? Всем он был. И для пацанёнка Игорька, и для его папки с мамкой, которые, кстати, поначалу брезгливо называли «Огонёк» чтивом «для парикмахерских». За журналами тогда ходить на почту, как сейчас, не надо было: почтальон с гордостью сам приносил их и аккуратно, сосредоточенно раскладывал по железным ящикам на дверях. Какой же это был особый, радостный момент, когда ты вместо привычных ежедневных газет «Правда» и «Известия» вдруг видел через дырочки в дверце почтового ящика присутствие в нём очередного журнального издания, на весь подъезд романтично пахнущего своими красочными страницами. Кстати, папа Игорька Юрий Михайлович Лепендин ежегодно по заранее составленному на семейном совете списку торжественно выписывал нужную корреспонденцию на почте: себе как директору лучшей городской школы целую кипу журналов — «Партийная жизнь», «Советская педагогика», «Семья и школа», потом же непременно «Вокруг света», а также «Крокодил» с карикатурами на тунеядцев, расхитителей народного

добра и злобствующих империалистов. Мама, Татьяна Яковлевна как заведующая библиотекой гарнизонного Дома офицеров, конечно же, имела служебный доступ ко всем центральным газетам и журналам, однако она не представляла культурный семейный отдых без собственного издания в руках: когда дома на диване в гостиной, когда в дачном шезлонге под зелёным навесом резных виноградных листьев, а то даже под шёлковым китайским зонтиком на пляже Дома отдыха имени Горького. В такие минуты мама Игорька любила не только читать «Работницу» или «Здоровье», но и делать на их страницах аккуратные изящные пометки карандашом, а также старательно выписывать в подаренный ей супругом кожаный блокнот взволновавшие её глубокомысленные афоризмы великих людей, мудрые народные пословицы и удивительные кулинарные рецепты.

Само собой, Игорек от родителей не отстал и жил в том особом счастливом мире, декорациями для которого были его любимые журналы «Пионер», «Костёр», «Мурзилка», «Юный натуралист» и «Юный техник», а когда достаточно подрос — «Техника молодёжи», «Знание—сила» и коронная «Наука и жизнь». Со свежими номерами он долго не расставался и всюду гордо ходил с ними, заткнув очередное новое издание за школьный ремень с медной бляхой, а самым радостным временем его чтения была, конечно, ночь: да чтобы под одеялом и непременно с лучистым «Даймоном», красный и зелёный светофильтры которого придавали ощущение праздничной сказочности такому его занятию. Жизнь под одеялом нравилась ему своей необычностью и загадочно волновала чем-то неведомым. По крайней мере, именно в этой одеяльной норе случился его первый в жизни поцелуй. Он долго к нему шёл. Как вызревал. Инициативу воспитания половых чувств уверенно взяла на себя её величество Книга, а именно фантастический роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды». В одну из ночей, как в полусне, заторможенно, будто по чьей-то чужой воле, Игорек стал медленно приближать к себе книгу с прекрасной Низой Крит на обложке. Астронавт смотрела на него словно бы с удивлением и тревогой. Игорёк взволнованно зажмурился. Его напряжённые, вмиг высохшие губы, наконец, порывисто тыкнулись в обложку. И ещё раз, радостней, решительней, просто-таки азартно. Это был судорожный первичный приступ пробного, настороженно нарождавшегося желания любить.

«Все-таки почему «Огонёк» без обложки? — задумался Игорь Юрьевич, глядя на таинственно появившийся из бездны времени журнал. — Допустить, что это я его когда-то

порвал, невозможно. «Огонёк» был в нашей семье заглавным изданием. Родители вечно спорили за первенство читать его!»

Игорь Юрьевич напрягся, пытаясь мысленно воссоздать переплетение нитей прошлого. Итак, почтальон входит в их подъезд. От этого человека в памяти Лепендина осталась большая, на длинной ляжке чёрная кожаная сумка, синий берет, а ещё серебрившаяся на груди чеканная медаль «За отвагу»: на ней три быстрых ястребка и непобедимый танк. Почтальон с профессиональной сноровкой быстро, ловко опускает в металлический ящик яркий фасонистый журнал. Это большой, гляцевый «Огонёк». Этот самый. Мог ли он в ту минуту, скажем, надорвать обложку, а потом сам или родители её скомкали и выбросили? «Нет...» — ответил себе Игорь Юрьевич и вдруг издал губами почти трубный звук: он увидел на сохранившейся второй странице следы от карандаша. И тотчас всё для него стало на свои места. Память живо включилась. Даже с какой-то мстительной точностью: он во всех подробностях вспомнил тогдашнюю историю. Это была нехорошая история. Очень и очень нехорошая. Она вызвала столько панической суеты в их доме. Самый настоящий сумасбродный переполох тогда случился. Ничего подобного в их семье ни раньше, ни позже не происходило. Мама полуобморочно накапала себе валерианку, отец, судорожно приняв добрую рюмку армянского коньяка, принялся нервно метаться из угла в угол именно с этим «Огоньком» в руке. Тот заполошно трепетал всеми своими большими страницами. Словно порывался выскользнуть и улететь куда подальше от всей этой страшной истории. Кстати, тогда на журнале ещё была обложка. Да, так. Он это точно помнит! И, как у всех номеров «Огонька», обложка была радостная, пафосная и словно лучившаяся на всю страну большим человеческим счастьем. На ней, окрылённые яркой верой в светлое будущее, шагали навстречу коммунистическому завтра двое счастливых, патриотично уверенных в своём счастливом будущем молодых людей: рабочий и колхозница на фоне Красного знамени, торжественно украшенного большим, вернее, гигантским портретом мудрого Сталина. Иосиф Виссарионович, правда, был как бы несколько не похож на себя. Как только папа и мама это заметили, так сразу их обоих внезапно как хорошим разрядом тока ударило.

Прошло несколько напряженных секунд. У мамы глаза от напряжения или испуга купались в слезах, всё пребывающих: того и гляди — утонут в них. Папа побледнел настолько, что его лицо как бы вовсе исчезло. Он сейчас был в глазах

Игорька как всадник без головы, книжку про которого ему недавно с выражением читала мама.

Наконец причина несхожести «огоньковского» Сталина с подлинным ликом вождя объяснилась. Несколько минут назад Игорешка радостно и вдохновенно пририсовал карандашом Иосифу Виссарионовичу бородку «клинышком». Самую что ни на есть ленинскую. Как видно, Игорек из разговоров папы и мамы, а также благодаря их не умолкавшему целыми днями ламповому приёмнику «Балтика» проникся единством этих двух вождей мирового пролетариата. Что и озарило его преподнести такой факт зримо, образно. Как очастливить им всех и вся.

Нет, Игорька не только не отшлепали, но даже почему-то не ругали, хотя поначалу казалось, что всё именно к этому склоняется по нарастающей. По крайней мере было очевидно, что папа потерял контроль над своими руками, — их дальнейшие действия были непредсказуемы. Однако он каким-то образом превозмог себя и, судорожно покряхтывая, торопливо сжёг в печке с вовсе не пролетарским и не крестьянским названием «буржуйка» злосчастную первую страницу, а сам журнал, такой долгожданный, такой любимый, непрочитанным забросил поглубже на антресоли.

Родители никогда не возвращались к теме ленинской бородки, которой Игорёк щедро наградил лик Иосифа Виссарионовича за четырнадцать месяцев до смерти вождя. Не возвращались они к ней даже после выступления Хрущева на XX съезде с разоблачением культа личности Сталина. Более того, совсем уже старенькие папа и мама уже после развала СССР и возвращения в Россию капитализма о том случае с «Огоньком» за январь 1952 года ни разу не заговорили. То, что произошло в тот зимний вечер, более чем глубоко затаилось в безднах их памяти, и было там старательно, надёжно замаскировано по всем правилам уникального свойства нашего мозга уничтожать следы болезненно травмирующих воспоминаний.

Но эта чуть ли не парализовавшая отца и маму ленинская бородка, проросшая с помощью изгрызанного карандаша на лице Иосифа Виссарионовича, для трёхлетнего Игорька ничего не изменила. Несмотря ни на что, он тогда весь вечер был безмятежно весел и счастлив.

...Игорь Юрьевич услышал дверной звонок, лёжа в раскорячку на антресолях. Но, правда, далеко не в позе человека с разведенными руками и ногами со знаменитого рисунка Леонардо Да Винчи. Тело Лепендина отнюдь не имело ни малейшего отношения к знаменитым пропорциям «золотого сечения».

Звонок продолжал настырно судорожно верещать.

«Кого же там принесло, так твою перетак?.. — почти гневно подумал Лепендин. — Щас кинусь открывать! Уже разбежался!.. Где мой парашют?»

Он судорожно хихикнул.

Звонок не собирался шутить. Он уже рвал и метал. «А по-дать, мол, сюда немедленно Ляпкина-Тяпкина!» Этакого-разэ-такого!!!

«Явно какие-нибудь мошенники... — сурово предположил Игорь Юрьевич. — Таскаются по домам, впаривают старикам втридорога всякую никому не нужную белиберду!»

Как бы там ни было, желание продолжить исследование магического чрева антресолей у Лепендина поугасло. На такое наглое вторжение банальной жизни в его романтическое погружение в прошлое душа Игоря Юрьевича отреагировала унылым вздохом.

Неуклюже пятясь назад по вековой пыли буквально ватной плотности, он как бы медленно возвращался из «прекрасного далёко» в серый короткоживущий сегодняшний день. Каждая вещь на антресолях многое поведала ему о зигзагах человеческого существования. Скажем, те же театральные афиши далеких шестидесятых с портретами так восторговших его маму знаменитых артистов местного драмтеатра — Сергея Попова, Леонида Броневого и Риммы Мануковской. Или оказавшаяся буквально под носом тускло-серая пыльная маска Буратино, которую Игорёк любил надевать на все домашние праздники и разговаривать с родителями и гостями особым деревянным голосом. А вон чуть дальше лежит папина английская клинковая опасная бритва с тонким стёршимся лезвием, возле неё — разодранный надвое чёрный томик Ницше, фарфоровая немецкая статуэтка без милой романтической девичьей головки — результат начавших прорезываться в Игорьке смутных эротических судорог, а вон тускло отсвечивают старой сталью его коньки-ножи, «норвежки», как их тогда называли, далее опрокинулась набок плетёная корзина со старой советской посудой во главе с мрачной чугунной сковородой. И за всем — своя многозначная история...

Звонок повторился бог весть в какой раз, дерзко вознамерившись в любом случае выудить Игоря Юрьевича из романтично-философских глубин антресолей.

Он строго поморщился, откашлялся и гортанно крикнул: — Иду же!

Само собой, это «иду же!» прозвучало как добротный мат. Вряд ли иные словесные конструкции уместны, когда ты пя-

тишься неуклюжими рыками, будто тот же рак, оказавшийся в опасности.

Однако, как ни долго спускался Игорь Юрьевич, он, наконец, так-таки достиг входной двери и, судорожно переведя дыхание, потянул её на себя. Кстати, она показалась ему просто-таки чугунной.

— Добрый день... — интеллигентно, чуть ли не заискивающе проговорила не совсем трезвая физиономия Аркадия.

Молодой сосед душевно рассмеялся, даже типа каблуком щёлкнул, но беззвучно, потому что носил по общему порыву кроссовки.

— Шестиклассники меня портвешком угостили для храбрости, когда мы с ними цепочкой с песней двинулись на полицию... — расправив грудь, почти гордо вздохнул Аркадий.

— Какое, однако, завидное у вас единство поколений... А исполняли вы «Марсельезу» или рэп, идя в атаку? — многозначительно проговорил Лепендин, едва не закашлявшись: сказала-таки основательно помявшая грудь вылазка в антресольные глубины.

— Мы несли плакаты и цветы. Всё выглядело с нашей стороны безобидно и даже празднично. Кстати, у меня с собой фронтовые сто граммов! — отчётливо, почти гордо сказал Аркадий. — Можно я войду? Только я не один. Со мной Алина. Разрешите, сэр?

— Вау! — игриво обозначила себя кукольным голоском зелёноволосая Алина.

— Будьте любезны, прошу... — напряжённо, но несколько растерянно улыбнулся Игорь Юрьевич.

Гости свойски прошли на кухню. Молодой сосед, озорно упав на диван, победоносно огляделся, явно приготовившись к некоему эпохальному откровению. Алина нежно положила голову ему на колени. Ее накачаннные филлерами пухлые губы были похожи на жареный румяный бублик.

Игорь Юрьевич, замявшись, тем не менее в итоге благо-склонно достал «Арагат», и они торжественно приняли по рюмке. От второй Аркадий отказался в отличие от Алины.

Последние десять лет после смерти жены Игорь Юрьевич словно бы не видел вокруг себя женщин. То есть они были в реальности и даже в большом количестве, особенно в его годы работы в библиотеке, но какие-то все фантомные, словно приходящие и уходящие в особый, неведомый мир, изгнавший его самого...

Сейчас Лепендин оказался в достаточно непростом для себя положении. Лицом к лицу с молодой девушкой, как в эту минуту с Алиной, он не был уже несколько десятилетий. Так

что ему показалось, что напротив него, ни мало ни много, улыбается некая инопланетянка. С какого-нибудь Сириуса или Альтаира. А может быть, с Веги?..

— Я шизею!.. — хватко улыбнулась ему Алина и показала язычок.

Игорь Юрьевич болезненно вздрогнул. Как иначе он мог отреагировать на явление в масштабах его «хрущевской» кухни девицы с пирсинговыми шариками и цепочками из хирургической стали на бровях, ноздрях, губах и ушах? Возможно, и на сосках её зарождающейся махонькой груди, и детском аккуратном пупке, похожем на младенческий кукиш, и, простите, куриной попке? Всё остальное место на многочисленных открытых частях тела Алины было занято татушной чёрной и коричневой графикой а ля самостоятельная готика с патологическим уклоном.

— Игорь Юрьевич, как Вы считаете, я одет современно?.. — вдруг сказал Аркадий таким голосом, словно от ответа на сей вопрос чуть ли не вся его дальнейшая жизнь зависела. Не исключено, что и планеты Земля в том числе.

Алина задорно расхихикалась, не отрывая голову от его судорожно стиснутых коленей.

— Этот вопрос и привёл вас ко мне?.. — по возможности мягко улыбнулся Лепендин.

Настроение у него медленно, со скрипом, но улучшалось.

— Он только преамбула.

Аркадий вдруг решительно налил себе еще рюмку, но пить не стал.

— Знаете, школьники, с которыми я на демонстрации познакомился, прямо в лицо мне сказали, будто я нарочно так модно одеваюсь, чтобы войти к ним в доверие. Что я вроде полицейского провокатора и за ними доглядываю. Мол, взрослым ни в чём доверять нельзя! А вот вы с первой встречи произвели на меня впечатление глубокой личности. При всей явной несхожести наших политических взглядов. Вот я и предлагаю нам с вами в следующее воскресенье пойти на демонстрацию вместе. Мне ваше мнение будет очень важно. Кажется, в России наступает новая революционная эра. Мы опять впереди планеты всей! Уже наши дети идут на баррикады! Гавроши великой истории, вперёд!

— Однако... — поморщился Игорь Юрьевич. — До этого, слава Богу, ещё не дошло. И, надеюсь, не дойдёт.

— Не стоит так всё это упрощать, господин консерватор... — строго поморщился Аркадий и махнул-таки рюмку с усердием. — Вы должны увидеть демонстрацию свободных демократических людей своими глазами и заценить их взгля-

ды по совести! А не судить нас через призму ручного телевидения или газет, купленных властью на корню! Вам не по-здно поддержать нас, молодых, на пути к Великой Истине! — Аркадий радостно, энергично встал и бесшабашно, скорее машинально, не вполне понимая, что делает, хватко выпил подряд ещё две рюмки замечательного «Арарата». — Знаете, о чём я мечтаю? Чтобы каждый человек был сам по себе велик и независим! Будь ты дворник или олигарх. Ни у кого, ни над кем не должно быть ни малейшего превосходства!

— Да вы и бунтарь, и романтик в одном флаконе! — строго хмыкнул Игорь Юрьевич. — Эка вон сколько в вас разномастного энтузиазма сошлось! Так и прёт из всех щелей под высоким давлением!

— Мне никто теперь не указ! — ярко, решительно постановил Аркадий. — Так пойдёте в гущу народную?! Решайтесь! — он машинально скрипнул зубами. — Пришло время по совести решить, с кем вы?

— Может быть и решусь... — Игорь Юрьевич смято улыбнулся красно-зелено-черному пятну Алины.

— Ошизеть!!! — ошастливлено взвизгнула она. — Всё-таки усвоили!!! Ай да дедуля!

— Итак, в воскресенье, не откладывая! Бодрым шагом! Всем и вся!!! — вдруг отчаянно побледнел Аркадий.

Так и казалось, что он сейчас пропоёт что-то вроде «Наш паровоз, вперёд лети, в Коммуне остановка, другого нет у нас пути, в руках у нас винтовка!» И пропоёт, и притопнет.

— И всё же, видимо, придётся сказать вам нет... Баррикады ещё не возведены, но мы с вами уже сейчас по их разные стороны... — вдруг аккуратно вздохнул Игорь Юрьевич. — Демонстрация — это вовсе не игра. Это выбор жизни. Или Вы с народом, со страной, или хотите сломать ей хребет под аплодисменты Запада... Других вариантов бунтарство не предусматривает. А вы пойдёте, Аркашенька, за свои идеи на эшафот? Как те же декабристы на виселицу?

Алина прищурилась и вдруг ловко провела пальчиком по серому лицу Аркадия сверху вниз — ото лба до подбородка.

— Кису-у-у-ня! — вскрикнула она. — Давайте вместо виселицы в переполох сыграем! Чур, я буду зайчиком!

Игорь Юрьевич нахмурился.

— Ещё древнегреческие мыслители говорили об обреченности человека жить в политическом пространстве. Но они, не падайте со стульев, глыбко ошибались! Я только что спустился со своих антресолей. Там у меня самая настоящая кладовая времени... И знаете, что я там, наконец, понял? Если кто-то зовёт вас на протестные шествия, настраивает на драки с по-

лицией и прочее, значит, он вас подло использует. Все эти спартаки, лжедмитрии, робеспьеры, пугачевы, ленины и нынешние насыпные держат народ за дураков! А кто-то их самих держит за дураков. Вот такая круговая дурацкая порука.

— Зашквар... — тупо проговорил Аркадий. — А как же высокие идеи? Свобода, равенство, братство?..

— А вы спросите об этом у памятника господину Гильотену... *Liberte, Egalite, Fraternite*... — Лепендин прочмокал эти слова по-возможности с парижским густым прононсом. — Когда сии лозунги впервые взвились над головами несчастного человечества? Если память мне не изменяет, 30 июня 1793 года. В дни той самой великой французской революции. Сейчас на дворе 2021 год. Минуло 228 лет. Сколько революций, мятежей, бунтов и восстаний прошло за это время под самыми священными лозунгами. А каков итог? А сколько одураченных голов теперешние робеспьеры и мараты готовы предать отсечению во имя целей неведомого им Хозяина Мира? Кстати, кто оплачивает ваши демонстрации? Ленина финансировали германцы, Троцкого — американцы. Я думаю, что фигуранты поныне не поменялись. Поглядите пристальней, кто поддерживает Насыпного, Тихановскую?.. Кому в горле стоит вернувшийся на круги своя Крым? Наша Победа в Великой Отечественной? Просто-напросто извечно российские недра и земли не давали и не дают покоя многим странам.

— Мы — империя зла! — покаянно взвизгнул Аркадий.

Когда он прощался, на глазах у него были блескучие слёзы.

Алина с неохотой вышла следом за ним, но за порогом, обернувшись, нежно сдула со своих ладоней в сторону Игоря Юрьевича едва ли не целую стайку эротически алых пухленьких сердечек.

Долго не спалось Лепендину в эту ночь. Но не из-за роя сердечек Алины. Не покидало его томящее ощущение, что он не сказал Аркадию чего-то главного. Эка невидаль эта пацанская демонстрация... У русского человека вольнолюбие всегда было в крови. Но не преклонение... Да ещё перед инноверцами... Да если всё вспомнить... Нет, даже не ленинскую бородку, пририсованную им «огоньковскому» портрету Иосифа Виссарионовича. А, скажем, копнуть поглубже, когда он впервые держал в руках запрещённую в СССР книжку. Основательно зачитанную, нарочно без обложки, с аккуратно вырезанной ножницами со всех страниц фамилией автора. Такое у тебя было, Аркадий?

И припомнился Игорю Юрьевичу летний Воронеж далёкого тысяча девятьсот пятого года, подгорная

улица Фрунзе и горячая толь крыши сарая с полуразвалившейся голубятней — там на корточках сидят два двенадцатилетних послевоенных пацанёнка: он и Митька, его уличный дружок: худощивый, исцарапанный, одетый явно в одежду, до него уже основательно изношенную кем-то из старших братьев. Они только что азартно, споря, толкаясь острыми пацанскими локотками, играли в пристеночку — их медные пятаки ловко, с прищёлком отскакивали от красной кирпичной стены. А сейчас этот ржаво-веснучатый Митька, выигравший у Игорька целых двадцать копеек как раз на пломбир и стакан «чистой» газировки, то есть без сиропа, напряжённо дыша, показывает ему книгу со стихами. Для взрослых. Бдительно, не давая даже подержать её. Кстати, Митька — будущий командир атомной подлодки.

«Атас! Запрещённая... За такую книгу нас с тобой могут в тюрьму посадить... Понял! — тихо сказал он и, оглядевшись, стал осторожно читать из неё строчку за строчкой чуть ли не по слогам, как и полагается не вылезаящему из двоек и троек забубённому пятикласснику. — «Зацелую допьяна, изомну, как цвет, хмельному от радости пересуду нет. Ты сама под ласками сбросишь шёлк фаты, унесу я пьяную до утра в кусты».

«А кто это написал?...» — робко спросил Игорёк.

«Точно не знаю. Папка говорил, что этого автора будто бы давно убили... Какой-то Есенин... Только никому об этом ни слова! Молчок!»

Вспотевший от напряжённого чтения Митька, бдительно озираясь, тщательно спрятал свою затерзанную книгу под ремень, сверху хорошенько натянул рубашку.

Память, память... Её только тронь. Сколько всего, казалось бы, напрочь забытого, таится на ейных антресолях...

...Как-то осенью двадцатилетний Игорь Лепендин, электрик городского Дома культуры, однажды, оказавшись дома один (родители ушли в драмтеатр на премьеру пьесы «Хроника одного дня» и останутся на фуршет для актёров и избранных зрителей), не без некоторого раздраженного волнения вдруг сел за отцовскую пишущую машинку «Украина». Нет, не ради увековечивания на днях внезапно объявившейся в нём странной и малопонятной, эдакой заковыристой первой любви к соседке Тане. И не ради самолюбивого желания начать дневник будущего великого учёного или дерзко приступить писать стихи, чтобы заткнуть за пояс разных всяких там евтушенков и вознесенских.

Игорь торопливо настучал на печатной машинке ни мало, ни много текст политической листовки. Просто сел и написал. Это была как некая новая захватывающая игра.

На дворе поздняя осень семидесятого. Хрущевская оттепель давно миновала. Вызрел брежневский застой. Советские люди засыпали и вставали с анекдотами про Леонида Ильича и коммунизм, ждущий советский людей через десять лет в 1980-м, но в доме Лепендиных такое народное или, может быть, инородное творчество не приветствовалось. Отец был убеждён, что говорить о чьих-либо недостатках неприлично: вначале от своих следует избавиться. Как-то Игорь дерзнул озвучить один из свежих анекдотов, на его взгляд, самый-самый: «У армянского радио спросили, куда стремится капиталистическая Америка? Армянское радио, не задумываясь, ответило: «Капиталистическая Америка стремится к своему исторически неизбежному загниванию». — «А Советский Союз?» — «Советский Союз стремится её догнать и перегнать...»

И что за муха его тогда укусила с этой пищащей машинкой, неизвестно. До сих пор неизвестно. Как неведомо, почему сегодня Аркадий ходит на демонстрации за Насыпного, приглядывается, прислушивается там с умным видом... Запретный плод сладок? Самолюбие тешится? Слишком просто. Тут и массовый психоз о себе может заявить. Как те бурные аплодисменты, которые квакеры легко могут вызвать в театре или на концерте. Или сработала в нём старая обида с политическим душком?

Про подавление восстаний в ГДР и Венгрии в пятидесятые Игорёк слыхом не слыхивал до поры до времени в силу успешной работы советской цензуры и наших усердных «глушилок» вражеских голосов. О расстреле рабочих в Новочеркасске случайно узнал во дворе от хорошо принявших на грудь крикливых доминошников: «Рыба! Рыба!!!» Тут кто-то и шепнул хриплым непохмелившимся голосом, будто поднялись новочеркасские рабочие, пошли с голыми руками на танки — припёр их рост цен на продукты и низкие зарплаты. В общем, взбаламутился передовой авангард всех трудящихся.

«Ничего такого не было и никогда не будет! Западная пропаганда! — прокричал на всё на это отец и строго, бдительно напрягся, словно пытаясь загипнотизировать сына. Эдакий семейный Вольф Мессинг: — Не верь болтунам! Болтун — находка для шпиона!» А через несколько лет после Новочеркасска — вот вам, будьте любезны, «Пражская весна», перемешавшая в Чехословакии аромат сирени с дизельными выхлопами танков стран Варшавского договора. Они вошли в Прагу, вызвав поголовную гордость советских людей за наших парней-освободителей, спасших союзную страну от происков капиталистических провокаторов: в СССР и взрос-

лые, и дети восторженно обсуждали, как стремительно раз-
вернулись наши войска, как мужественно захватили наши
десантники пражский аэропорт, а по ходу наступления ещё
и пресекали факты жестокости к простым чехам со стороны
гэдэровских и польских солдат.

Тем не менее все почему-то достаточно скоро забыли про
эти передраги. Как забыли и о стрелявшем в Брежнева Вик-
торе Ильине, о восстании, поднятом замполитом Валерием
Саблиным на противолодочном корабле «Сторожевой»...

Совсем другое усадило Игоря печатать листовки мёрзну-
щими от волнения пальцами...

Как-то он, студент-заочник второго курса филфака, при-
шёл в военкомат с просьбой принять его на службу военным
корреспондентом. Вдруг ни с того ни с сего объявилось в нём
хотение «трое суток шагать, трое суток не спать ради нес-
кольких строчек в газете». До того Игорь в разные годы со-
бирался стать то лётчиком, то космонавтом, потом же поляр-
ником и даже сотрудником уголовного розыска.

Как бы там ни было, в военкомате его просьбу выслушали
с уважением и дали «добро», но с одним условием — статью, не
откладывая, кандидатом в члены КПСС. И место будущей
службы ему уже с радостью наперёд определили — остров
Сахалин.

Юрий Михайлович сына восторженно поддержал, Татья-
на Яковлевна, как водится, ударилась в слёзы и отрицание.
Она, оказывается, тайно мечтала, что её сын станет лучшим
зубным врачом СССР..

Как бы там ни было, Игорь, не откладывая, подал заявле-
ние о вступлении в партию. Этот вопрос решить тогда ком-
сомольцу было нельзя без одобрения и рекомендации комсо-
мольского собрания. Казалось, какие проблемы? Игорь вон
даже на Доске Почёта городского Дома культуры представ-
лен среди передовиков культурного труда: мальчишески ух-
мыляется на фото, как упрятанный в свою тогдашнюю смо-
ляную раскидистую бороду.

В общем, собрание наметили через две недели. На исходе
этого времени сполна наволновавшийся и даже заметно по-
худевший Игорь спохватился, что нигде не находит свой ком-
сомольский билет. А на такие собрания, где тебя будут реко-
мендовать кандидатом в члены КПСС, полагалось являться
обязательно с этим документом, ко всему прочему ещё и сви-
детельствующим об уплате тобой комсомольских взносов в
размере пяти процентов от зарплаты.

Весь дом втроем перевернули, тарарам полный устроили,
но ничто не помогло. Само собой, в рекомендации Игорю к

вступлению в ряды КПСС собрание отказало, да мало того, заместитель директора Дома культуры по воспитательной работе Константин Эдуардович Яровой возмущённо высказал предложение, что их электрик мог продать свой билет агентам вражеских разведок. В связи с этим Яровой, кстати, бывший полковой особист, предложил не только исключить Лепендина из комсомола, но и передать материалы по этой «грязной» истории органам госбезопасности для дальнейшего расследования.

До полуночи товарищи по комсомолу, не потерявшие доверия к Игорю, отпаивали его тёмным «Мартовским» пивом, а девчонки пытались развеселить и азартно целовали слёзно мокрые, а частично даже сопливые щёки и лоб несостоявшегося военкора.

Дома с Игорем случился настоящий психический приступ. Он судорожно бился на кровати, как будто его ломал столбняк, а потом и вовсе потерял сознание. «Скорую» не вызывали только потому, что Игорь то и дело кричал, что к власти в нашей стране пробрались американские агенты и делают всё, чтобы как можно скорей разрушить СССР. Но он всё это остановит, открыв народу глаза, куда и зачем его ведут наши вожди.

Только через много лет выяснилось, что Татьяна Яковлевна накануне того самого рокового комсомольского собрания припрятала билет сына на антресолях во имя его будущей успешной карьеры «зубника». Игорь вновь визжал и топал ногами, бил кулаком по столу и, если бы не отец, выбил бы себе все зубы (один или два — точно) невесть откуда имевшимся у них на антресолях стоматологическим молотком.

«Уважаемые товарищи! — одним пальцем, то и дело путая клавиши, принялся аккуратно печатать Игорь. — Счастье народа давно не заботит высшие круги КПСС. Пока вы живете по скудным продуктовым талонам, советская номенклатура устроила для себя роскошную жизнь со спецпайками и магазинами «Берёзка». Не верьте лживым утверждениям о скором построении коммунизма в СССР! Вместо этого вы получите новое крепостное рабство под дудку дяди Сэма!»

Не успел Игорь сойти со ступенек портика с листовками в кармане модного тогда нейлонового итальянского плаща, как тотчас вздрогнул: их «сталинка» бдительно нависла над ним в ночи, словно пушкинский Медный всадник над бедным Евгением. Натянув поглубже фуражку и замотав лицо по нос отцовским клетчатым шарфом, Игорь взволнованно прислушался. Темнота снисходительно-насмешливо ждала, когда он, наконец, решится переступить в себе комсомольца-ленинца.

И вот уже Игорь, судорожно озираясь, неуклюже лепит на стенах домов и дощатых заборах самодельные наивные листовки с помощью крахмального клейстера, который мама добавляет в бак при стирке постельного белья.

За полчаса он развесил вкривь и вкось свои мелодраматические воззвания на стенах домов их тёмной неуклюжей улицы имени Моисея Соломоновича Урицкого — когдатошнего председателя Петроградского ЧК. Бабушка Игорька Александра, когда ещё была жива, рассказывала, что Моисея Соломоновича в 1918-м застрелил в питерской театральной ложе студент, молодой поэт и бывший юнкер Леонид Каннегиссер. Ко всему — народный социалист. Отмстил за смерть в застенках ЧК своего друга Владимира Перельцвайга, тоже народного социалиста. Ни мало, ни много. «На единичный террор наших врагов мы должны ответить массовым террором... За смерть одного нашего борца должны поплатиться жизнью тысячи врагов!» — написала тогда «Красная газета», официальный орган большевистского Петросовета.

«Никого из них нам сегодня не следует судить... — как-то высказался по этому поводу Юрий Михайлович и тревожно побледнел. — Тогда так было: куда попал, там и пропал».

И всё-таки их улицу, думал Игорек, припечатывая листовки, следовало назвать улицей Жертв красного террора. Он решил, что эта мысль станет темой его новых листовок.

В ночи Игорю попадались запозднившиеся прохожие, словно на автомате бредущие домой с работы на близком отсюда Центральном железнодорожном вокзале, но он дерзко не обращал на них никакого внимания. И они, в свою очередь, спотыкаясь и побряхтывая от усталости и отупения, в его ночные дела не глядывались.

Наконец он до того распалился своей доморощенной революционностью, до того почувствовал себя человеком, способным изменить этот мир к лучшему, что даже напевать принялся. Вернее, мычать под нос слова песни, которые в тот момент никак не могли соответствовать его антисоветской экзальтации. Тем не менее песня бодрила и вызывала в душе какой-то священный трепет: «Вихри враждебные веют над нами, тёмные силы нас злобно гнетут, в бой роковой мы вступили с врагами, нас ещё судьбы безвестные ждут».

Страх пришёл, когда Игорь припечатал сикось-накось последнюю прокламацию. Страх был особенный. Ничего подобного Игорю до сих пор не испытывал.

«Руки вверх!» — вдруг отчётливо услышал он из едкой темноты требовательный, внушительный голос.

Он вяло обернулся, оскользнувшись на мокром от густого тумана уличном булыжнике.

Никого... Может быть это окликнул его, забавляясь, дух того самого Соломона Моисеевича, убиенного студентом?..

Насколько позволял видеть свет из редких окон, на улице из пешеходов сейчас был только один Игорь.

«Страх на тараканьих ножках ходит...» — машинально вспомнил он одну из присказок бабушки Александры.

На обратном пути он то и дело спотыкался, а дважды так и вовсе упал. Во второй раз ноги выше головы торчком вскинулись: пошёл первый снег, мокрый и склизкий.

Первый раз в своей жизни Игорь лёг спать, не раздеваясь. Только зелёный итальянский нейлоновый плащ сбросил возле кровати. Как вывалился из него. Словно бабочка из куколки, народившись к новой жизни.

...Он где-то читал, что преступника тянет на место преступления. Это оказалась правда. Рано утром Игорек, выйдя будто бы вынести мусор, быстрее быстрого оказался на улице имени чекиста Урицкого, но тут, бдительно притормозив, с нарочито равнодушным выражением лица прошёл всю её насквозь.

Никаких следов своей вчерашней антисоветской деятельности Игорю обнаружить не удалось. То ли бдительные дворники ещё утренней ранью сорвали его самодельные произведения, скорее всего даже не читая наивную писульку, то ли над устранением следов ночного диссидентского творчества спешно потрудились бдительные последователи Соломона Моисеевича из КГБ СССР..

Долго не отпускало Игоря глухое болезненное волнение: с одной стороны, вызванное опасностью быть с налёту разоблаченным, с другой, напротив, от тайной гордости за свой поступок.

Родители Игоря вскоре почувствовали за сыном что-то неладное. Как-то походка у него странно изменилась, точно прыгающей стала, то и дело он нервно оборачивался без всякого на то повода, кушал быстро, словно не жуя еду, а по ночам спать вовсе перестал, разве что под утро часок покемарит.

Иногда его заставляли молча стоявшим в ночи у окна. Объяснений он никаких категорически не давал. При этом, однако, на лице у него объявлялась такая шальная по дерзости судорога, что родители в конце концов от него отступились. Юрий Михайлович, надеясь, что сын в итоге сам, наконец, откроется и проговорится, стал осторожно вежлив с ним, а Татьяна Яковлевна теперь часто ходила с чуть вздёрнутым подбородком, аккуратно сдерживая таким ноу-хау материн-

ские слёзы. Родители часто уединялись, чтобы пошептать и найти нужную психологическую тактику общения с что-то так обострённо переживающим ребёнком.

Однако истина им долго не давалась. Наконец все подозрения Юрия Михайловича и Татьяны Яковлевны свелись к одному жизненному сюжету: вероятней всего какая-то девочка забеременела от их сына, а её родители слышать не хотят об их браке — чересчур рано, обоим надо получить высшее образование. Каждый раз мама Игоря вдохновенно утверждала, что она не допустит аборта и будет настаивать перед родителями девочки, чтобы им с мужем доверили самим воспитывать до поры до времени будущего мальчика. Имя ему уже придумали: если в этот мир придёт мальчик, то будет непременно Александр, а коли девочка, тогда нарекут её Анжелиной!

Эта уверенность их не только успокоила, но и вдохновила на конкретные действия. В общем, родители Игоря наметили отправиться в ближайшую субботу на электричке за распахонками и чепчиками на «чёрный рынок», еще называвшийся «толкучкой», который негласно сходил в поле за железнодорожной станцией Придача по выходным часам с семи утра. Купить что-то приличное в Воронеже для будущего ребёнка было тогда невозможно. Сказывалась постоянная «напряжёнка» с детскими и не только вещами.

Чтобы не прикатить к разошедшейся «толкучке», знающие люди рекомендовали отправиться туда затемно ранней четырёхчасовой электричкой. Ко всему Татьяна Яковлевна настойчиво убедила Юрия Михайловича загодя купить на «чёрном рынке» для Игорёчка приличный свадебный подарок — импортный кожаный дипломат с золотистыми шифрованными замками.

Правда, погода была для такого вояжа явно не благоприятствующая: стояли рьяные, насквозь разящие едучие морозы с вихрями, как с цепи сорвавшимися. Уже какие сутки подряд они многоэтажными колёсами катили снега по городским улицам.

— Оставьте все ваши страхи и фантазии... — за обедом угрюмо проговорил Игорь. — Нет никакой беременной от меня девушки... У меня вообще никакой девушки нет. И ещё не было. И может быть вовсе не будет! Никогда...

Игорь медленно побледнел, словно его лицо начало исчезать. Это было особенно заметно на фоне ёмкой тарелки с маминым особым густо-бордовым борщом, одна из тайн приготовления которого состояла в том, что ради настоящего вкуса такого блюда не следует экономить на помидорах, а из

всех мяс самое оно — тёмно-красная и именно старая говядина с лёгким душком, проросшая плотным жёлтым жиром. Про толчёный в соли чеснок тоже не следует забывать. А тем более никак не обойтись без куриных шеек и ядрёной гузки.

— Что же ты тогда по ночам мычишь да стонешь?! — построжел отец. — Ты не связался ненароком с какой-нибудь блатной шайкой-лейкой? Кстати, я вчера слышал настораживающую новость от твоего бывшего друга, Митьки. Как вы знаете, он сейчас в КГБ служит. У нас в городе недавно кто-то расклеил антисоветские листовки. Учитывая, что все пишущие машинки состоят на особом учёте, найти среди них ту, на которой работал враг, для КГБ не составит труда. Дело считанных дней... — Юрий Михайлович сосредоточенно, трудно вздохнул. — Возможны аресты этих антисоветчиков в самое ближайшее время!

— Причём это всё? Думай, что говоришь! — вдохновенно вскрикнула Татьяна Яковлевна и тотчас напомнила мужу, какой рохлей и мямлей тот был в свои жениховские годы, так что если бы их сердечные дела не взял в свои мужские руки его старший брат лётчик-ас Иван Михайлович, им жить вместе никогда не пришлось бы.

— Выходит, мой братец нас поженил?.. — взволнованно построжел Юрий Михайлович.

— А то! Он, кстати, и сам был не против за мной поухаживать, но тут подвернулась эта деревенская выскочка, Нинка, и забила ему голову на всю жизнь...

Игорь знал, что этого до мелочей ему известного воспоминательного разговора родителям теперь хватит минимум на полчаса, а то и более, если отец разнервничается и, достав из гигантского буфета с массивной царской короной, исполненной из посеребрённого морёного дуба, четырёхгранный тяжёлый хрустальный штоф, картинно махнёт добрую рюмку «Зубровки». Исход разговоров с таким уклоном непредсказуем. В одном можно быть твёрдо уверенным наперёд: мягкой посадкой этот родительский диалог не закончится. Прецедентов тому не было.

— Листовки расклеивал я... — вдруг тупо проговорил Игорь, нервно взял заветный отцовский штоф, судорожно плеснул из него в стакан светло-рыжей «Зубровки», но пить не стал.

За него это тотчас исполнил Юрий Михайлович. Достаточно, правда, суетливо и как-то словно бы неумело, точно впервые.

— Не лепи горбатого... — выдохнув, болезненно поморщился отец. — На чужой славе хочешь в рай въехать? Вернее,

в ад... Ты это брось, оговаривать себя. Или друга какого спасаешь?

Отец тяжело, мучительно откинулся на спинку трофейного германского кожаного дивана. Стоявшие цепочкой вдоль его резной деревянной спинки фарфоровые слоники, которые до самой смерти ежедневно с любовью протирала фланелькой бабушка Игоря Александра, тотчас (и вовсе не впервые) попадали Юрию Михайловичу на спину всем своим разноразмерным стадом. Точно сорвались с горной тропы в пропасть.

В свою очередь Татьяна Яковлевна будто вдесятеро обрела особой материнской энергии. Первым делом она решительно прошла в коридор проверить, закрыта ли на замок их входная дверь, обитая чёрным, но уже потускневшим за долгие годы и запаутиненным мелкими трещинами дерматином. При этом Татьяна Яковлевна несколько раз машинально, но достаточной решительно, дёрнула ручку: и та вдруг с треском оторвалась, ощерившись ржавыми когтистыми шурупами.

— Тише, пожалуйста... — едва ли не простонал Юрий Михайлович, при этом как-то странно, одним глазом, нервно прищурившись.

— Сын, зачем ты так поступил? Какая муха тебя укусила? Плохо живётся? Ищешь приключений на свою того этого? Ты их нашёл. Тебе однозначно светит статья за изготовление и распространение в письменной, печатной или иной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

— Я сам не знаю, что на меня нашло... — вздрогнул Игорь.

— Ты был пьян?..

— Нет.

— Я немедленно иду к Митьке. Только он может нас спасти! Они с Игорем так были дружны в свое время!

Татьяна Яковлевна машинально отбросила злосчастную дверную ручку и сосредоточенно, как никогда щедро налила заветную мужнину «Зубровку» в гранёный стакан по самый «Марусин поясок». Из матового дородного холодильника «ЗиМ» (завод имени Молотова), который когда-то в детских глазах Игорька напоминал ему весёлого белого медведя, мама достала блюдце с сочными кусками селёдки иваси, утопающими в луковой сололке.

— Пей, — строго сказала мужу Татьяна Яковлевна.

— С какой стати такая забота? — смущённо усмехнулся Юрий Михайлович.

— Пей просто так, — тоже усмехнулась супруга.

— Ну ладно... — восторженно улыбнулся Юрий Михайлович и вкусно опустошил посуду. Это было самое настоящее действие, напоминающее некий языческий обряд, исполненный особой магической силы.

Татьяна Яковлевна налила ещё раз с не меньшей щедростью.

— Пей.

— Странно как-то это всё выглядит! — веселея на глазах, с некоторой бодростью, молодечески проговорил Юрий Михайлович и аккуратно, но с весьма очевидным, словно вспыхнувшим в нём аппетитом, взялся за малосольную иваси.

— Вот теперь ты никуда не пойдешь... Ни к какому Митьке. И слава Богу, — неожиданно добросердечно, почти ласково проговорила Татьяна Яковлевна. — Потому что у меня очень хорошая интуиция. И я стопроцентно уверена: никто этого дела с прокламациями раскручивать не станет. Всё спущено на тормозах. Кому надо высшее начальство тревожить? Самим через это запросто может не поздоровиться. Мол, запустили донельзя профилактическую работу!

Тем не менее днями Юрий Михайлович на своем «Москвиче-402», благополучно повторившем собой базовый немецкий «Opel Kadett» того времени, отвез тяжеловесную печатную машинку «Украина» на дачу на так называемых Ближних садах возле военного аэродрома «Балтимор». И в деревянном сарае старательно изрубил колуном на мелкие части. Их он потом закопал в здешних лесах — Долгом и Шиловском.

Игорь тоже не сидел сложа руки и успел отпечатать на «Украине» под копирку пяток новых листовок.

Текст диктовала Татьяна Яковлевна:

«Уважаемые товарищи! Мы живем в великой стране, создающей коммунизм, перед нами открыты широкие горизонты больших свершений! Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза — наш рулевой в счастливое будущее! Не верьте мерзавцам, недавно попытавшимся её опорочить в своих гнусных листовках!!!»

Расклеивал их Игорь тоже ночью. Вместе с мамой. Отец на это время был неограниченно допущен к мерцавшему холодными искрами хрустальному дородному штофу, на этот раз густо золотившемуся популярным пятилетним болгарским коньяком «Плиска» с достаточно народной стоимостью в шесть рублей семьдесят копеек.

Как бы там ни было, хотя с того дня прошли многие десятилетия и уже нет Советского Союза, нет КГБ и так далее, но Игорю Юрьевичу всё ещё хочется кому-то, знающему толк в таких вопросах, рассказать эту историю, наконец разобраться

ся в ней. Что с ним было? Когда ему теперь приходится проходить мимо здания бывшего управления КГБ, ныне ФСБ, известного всему Воронежу «серого дома», похожего на крепость с бдительными строгими окнами, Игоря Юрьевича одолевает странное желание потянуть на себя тамошнюю массивную дверь, войти и признаться во всём. Только в чём всём? Может быть, на нём кто-то испытывал воздействие какого-то загадочного излучения? Всякое лезло в голову.

«А что если мне про эти листовки рассказать Аркадию?! — вдруг дерзко усмехнулся Игорь Юрьевич. — Мол, и мы были рысаками когда-то! Не лыком шиты! Чтобы особо не заносился со своим Насыпным. Вы ещё не родились, когда мы знали, что в стране так, а что — не так! Поэтому нас не поведешь на мякине. Мало каши он ел, этот ваш Насыпной. Одним прыжком возмечтал на вершину власти вскочить. А в нём за версту видно пренебрежение к простому народу».

Сегодня Лепендин часа два гулял по проспекту Революции в своём не подверженном времени одеянии — нейлоновом итальянском плаще и таком же берете. Аккуратно постукивая бадиком по серым тротуарным плиткам, он прохаживался от памятника Ленину до памятника Платонову, словно провалившись в густые потоки воспоминаний...

Когда убивали при Горбачёве СССР, казалось Игорю Юрьевичу, будто земля у него под ногами поплыла: день ото дня роковые пророческие аварии с гибелью сотен и сотен людей — Чернобыльская катастрофа, гибель круизного лайнера «Адмирал Нахимов», страшный, будто атомный, взрыв неподалёку от секретного ядерного города Арзамас-16, а ровно год спустя невиданная по числу жертв катастрофа на Транссибирской магистрали в Башкирии. С полок магазинов исчезали продукты и самые необходимые вещи: сигареты, спички, мыло, зубная паста, одежда и обувь. Кому везло, бывало, находили их в лесах да оврагах...

«Сколько ещё лет, веков всякие разные эмиссары будут тянуть тебя, милая Родина, на дыбу? По живому готовы рвать Россию. Только ты начала обустраиваться после ельцинского разора, как со всех сторон тебя вновь норовят подсесть, вновь русской кровью залить...»

Прошёлся в тот день Игорь Юрьевич и по родной улице Урицкого, невольно слезу уронил, родителей вспомнив и Митьку, который когда-то тайно читал ему на крыше куриного сарая книжку запрещённого Есенина. Да и потом через него Игорь Юрьевич все последние советские годы всегда оперативно был в курсе разных всяких так называемых антисоветских литераторов — Митька, он же Дмит-

рий Боев, служил тогда в органах госбезопасности и давал ему читать то «Раковый корпус» на тонкой папиросной бумаге, то «Мастера и Маргариту» или, скажем, «Доктора Живаго». Много чем из этой диссидентской серии снабжал Игоря Дмитрий Владимирович, пока в перестройку во время служебной командировки не остался навсегда в Англии. С помощью своего дружка по левобережному суворовскому училищу Володьки Резуна, кстати, всегда считавшегося у своего начальства самым продвинутым архипатриотом.

И тут вдруг Игорь Юрьевич услышал, чуть ли не у самого лица:

— Мужик, закурить не найдётся?

Ему в лицо насмешливо заглядывала выдавшая виды физиономия знатока «бормотухи» с явно многострадальной печенью.

— Не курю! Бросил... — с достоинством усмехнулся Игорь Юрьевич.

— Я, между прочим, тоже! — подмигнул незнакомец. — На целых пять минут бросил. А это для меня настоящая вечность. Когда я долго, минут пять-десять, не дымлю, у меня начинается резко ухудшаться память. Так что я Вас не сразу узнал...

Игорь Юрьевич тревожно вскинул подбородок.

— Не понял... — сказал он глухо. — Как же это вас удивляет, что вы меня не узнали? Вы и не могли узнать. Никак. Мы с вами детей не крестили. Вообще я вас вижу первый раз в жизни.

— Это точно... Не крестили. И вы меня видите именно впервые. Вполне согласен. Кстати, я Жора... Жора Воронежский... — значительно усмехнулся тот. — В самом деле, вы никак не могли меня знать прежде. Да и я, если точно говорить, в свою очередь запомнил вас только по физии... И то смутно. А сейчас как осенило, кто передо мной! Душа сработала. У неё свои глазки в этой жизни.

Жора благородным дружеским жестом извлек из траурно-чёрного большого пакета явно от магазина «Красное-белое» бутылку розового портвейна «777», более известного как «Три топора».

— Предлагаю раздавить сию ампулу в память о нашей нынешней знаковой встрече. Я бы сказал, исторической! Правда, благородного закуса нет. Вернее, никакого. А что если мы его просто занюхаем? Или слабо?

— Уговорил, занюхаем! — вдруг неожиданно для самого себя согласился Игорь Юрьевич. Расположил его чем-то этот прокопченный гадким табаком Жора Воронежский. — Толь-

ко вначале признайтесь, где и когда наши пути-дороги пересекались?

— Ноябрь 73-го помнишь?

— Так, так... Вроде да. А где конкретно?

— Улица Урицкого, брателло... Ночь. Трудовой народ со второй смены из последних сил шаркает домой...

— Стоп, понял, не дурак... — напрягся Лепендин. — И ты был тогда среди них?

— Вроде того. Я с малины пёхал, а ты вдруг у меня на глазах в наглуу от своего безделья интеллигентского листовки развешиваешь. Размечтался в великую историю войти?! А сам весь дёрганый, пуганный... Как воровать впервые вышел... — Жора поморщился, сплюнул. — Было больно глядеть на тебя. Пропадёшь ни за что! Органы не дремлют! В общем, сорвал я одну твою хренотень, прочитал — порожняк сплошной сопливый, но за который могут запросто на луну отправить. И тут меня просекло, что с твоими мамкой и папкой станет, когда гэбэшники тебя заметут, и ты с переляку в штаны наложишь. И наговоришь под их подсказку всего разного на себя, на своих родителей и друзей, что было и чего не было и быть не могло.

Игорь Юрьевич несколько побледнел и машинально хрустнул пальцами.

— Я был искренен. По-возможности...

— Эх, сапог... А я тогда почему-то пожалел тебя. Такой опрятный, как видно, очень культурный мальчик, робкий. Чай ещё не одну девочку не целовал... — напряжённо усмехнулся Жора, и вдруг молча, самозабвенно, сцедил в себя ноль семь литра портвейна с запахом сургуча и мокрого войлока. Оставил Игорю Юрьевичу разве что на два глотка. Подмигнул золотистым блеском блатной фикса: — Тебе и этого сполна хватит. Ты сейчас и без того будешь идти, шатаясь из стороны в сторону, как в попу пьяный... Так вот стал я тогда за тобой эти листовочки тихим сапом снимать. А они такие сырые от клейстера, склизкие. Но я их всё равно одну за другой по карманам рассовал. В общем, гони монету ещё на пару бутылок моего любимого портвешка — и мы на всю оставшуюся жизнь с тобой в полном расчёте... — сурово откашлялся Жора.

Игорь Юрьевич благородно нахмурился.

— Не разыгрывайте меня. Разве я без понятия? Такой ваш поступок... Вы спасли мою судьбу. Да что там, саму жизнь! Я готов подписаться на любую сумму. Извините, конечно, посылную для пенсионера.

— Не вертись, мужик, задницей на шиле, — озорно подмигнул Жора.

Лепендин торопливо, как-то лихорадочно сунулся по карманам и, не считая, отдал всё, что у него было. А было у него копейка в копейку ещё на пару бутылок.

— Адё! Контора пишет, подельник! Балдей по-чёрному! — всхотнул Жора, словно из глубин своей неведомой Лепендину особой зонавской жизни. — Не поминай лихом, интеллигент!

Лепендин огляделся, чтобы сориентироваться, в какой стороне может быть ближайший банкомат. Денег у него не было даже на дорогу домой. Всё подгрёб в порыве благодарных чувств.

У банкомата стояла длинная угрюмая очередь — люди, наконец, привыкли соблюдать необходимое между собой полутораметровое пандемическое расстояние. Хотя в масках были далеко не все. Несмотря на грозящие за это штрафы.

— Кто последний?! — вполне любезно, просто-таки радостно-радушно поинтересовался Лепендин.

— Не последний, а крайний! — объявила ошастливленная возможностью проговорить дерзость стоявшая достаточно в стороне прилично одетая, высокая и мощная женщина примерно равных с ним лет. Кстати, с двумя антиковидными масками на лице: чёрной, а поверх нее — красной.

Она почему-то сразу Игорю Юрьевичу не показалась. Хотя разве можно уверенно судить о человеке, если у того открыты только лоб и глаза? Наверное, всё-таки можно. Женщина определенно не понравилась Игорю Юрьевичу, правда, непонятно чем. Может быть, даже всем. Всей собой.

Она почти величественно усмехнулась и добавила, как постановила:

— Да будет вам известно, что сейчас образованные люди пользуются словом «крайний». Последняя — у попа жена! И мы тут с вами стоим вовсе не в свой последний путь! Вот так. А крайняя — это я и есть. Нравится вам или не нравится.

— А вы за кем держитесь?... — аккуратно и по возможности лояльно вздохнул Игорь Юрьевич.

— У меня пока что достаточно своих сил ни за кого не держаться! — отчётливо объявила «крайняя». — Особенно за таких, как вы, интеллигентских шибздигов. Я, между прочим, недавно ходила на митинг за свободу для Насыпного! Меня потом по местному телевидению даже показывали. А что?! Я сумкой так хорошо огрела по спине одного омовца! У меня дома все обхохотались.

Разномастная угрюмая очередь стояла безучастно ко всем мировым и государственным проблемам. Её, эту очередь, наверняка не волновали даже такие темы, как причины и цели

возникновения Вселенной из ничего четырнадцать миллиардов лет назад.

Дома Игорь Юрьевич напоил себя чаем, как-то поуспокоился и даже возмечтал о новой ходке на антресоли. Что-то волнуящее звало его в очередное путешествие по минувшему времени. Словно там он надеялся, наконец, обрести связующую нить между прошлым и настоящим.

...Рывок, ещё рывок. Ага, кажется, потерял тапочек. Нет, уже оба. «Ладно, фиг с ними, — сдавленно вздохнул Лепендин. — Пусть валяются. Чем меньше лишних движений, тем меньше пыли». А пыль тут выросла отменная: слежавшаяся, нагустевшая, липкая. Таковую на бутерброд можно намазывать. Паутина там и там провисала тяжёлыми мохнатыми гроздьями. Моль судорожно мелькала в радостном ожидании аплодисментов Игоря Юрьевича. Конечно, давно пора бы пригласить уборщицу по вызову, но только кто из них согласится лезть в такую мрачную пещерную часть, ко всему разверзнутую под потолком на хорошей высоте, чем всегда отличались «сталинки».

И всё же за этот его сегодняшний поход в глубины антресолей, он был ими щедро вознагражден. Здешний мир встретил Игоря Юрьевича тем, к чему он никак не мог бы остаться равнодушным. Что только ни разглядел Лепендин на антресолях, словно на некой машине времени пролетая над своей жизнью. Всё это сопровождалось эмоциями всех спектров: от радости до печали, от восторга до грусти и так далее.

Он азартно налево-направо высвечивал бдительным густым лучом своего ярчайшего немецкого армейского «Даймона» волнуящие разные разности. Скажем, мелькнул в дальнем углу подкопчённый примус-коротконожка, когда-то красновато-золотистый, а сейчас цвета грязной глины, но до сих пор едва уловимо пахнувший настоящим керосином. А вот прямо по курсу валяется на боку детская Игорёшкина копилка — гипсовая композиция из трёх лопухих щенков, у одного из которых с давних пор не было головы. Возможно, это результат его собственной жестокой попытки изъять из копилки определённую сумму. Скажем, десять копеек на молочное мороженое или двадцать за вовсе волшебный шоколадный пломбир. Не исключено также, что медные пятаки потребовались ему, чтобы играть в пристеночку или в «бе-бе» (по-другому, — расшибец, расшибалочка), где металлические деньги ниже «десятьюнычика» не годились, иначе никак нельзя было составить стопочку в середине квадрата на земле, называвшегося «казной». А вот валяется матовый от пыли, но изначально строго-чёрный лаковый футляр часов из морёного дуба, а рядом поблекший головастый и щекастый глобус с государствами и границами, многих из ко-

торых уже давно нет. Уныло бренькнуло, задетое локтем, детское пианино, под звуки которого он когда-то по маминой настоятельной просьбе не раз пел для гостей до сих пор не забывшую им песенку: «Вновь богачи разжигают пожар, миру готовят смертельный удар. Но против них миллионы людей: армия мира всех сильнее!» Гости снисходительно аплодировали.

Вдруг в недра дубовых антресолей вновь, звонко, нагло дребезжа, влетел дверной звонок.

Игорь Юрьевич раздражённо напрягся. Ума много не надо, чтобы догадаться. Это опять трезвонит неугомонный Аркадий, его молодой сосед. И, возможно, опять вместе с той самой многоцветной Алиной. Но вспомнив о ней, Лепендин как бы несколько смягчился. Даже приятно вздохнул.

Однако придать своему залежавшемуся на антресолях телу задний ход ему, как и в прошлое посещение, удалось не сразу. Начните пятиться, лёжа на животе, с помощью локтей и колен — и вы поймаёте его. У вас наверняка получится нечто похуже на то, что и получилось у Лепендина.

То, что в итоге получилось у него, никак нельзя сравнить даже с классическим примером пятящегося рака. Вообще то, как выбирался он на этот раз из глубин антресолей, лучше ни с чем не сопоставлять.

— Иду же! Иду... — рыкнул Лепендин со всей возможной громкостью в ответ на новую порцию настырных звонков.

И тут какой-то новый, просто-таки сокрушительный звук прогрохотал на весь дом. Это Игорь Юрьевич ногой толкнул времянку, и она упала на стоявший в коридоре эlegantный трельяж югославского производства. Уже и страны такой давно нет, а зеркала её производства до сих пор блистали в его доме, как некогда дружба наших стран. Но ничто не вечно под луной.

— Что там у вас за битва?! — прокричал за дверь Аркадий, но достаточно хрипло: он сегодня надорвал голос на очередном митинге за свободу для Насыпного.

Заскрипев зубами, Лепендин ослабил пальцы и рухнул на пол с дубовым паркетом сталинской эпохи.

— Что там у вас за громы, а молний нет?.. — снова подал голос Аркадий.

Игорь Юрьевич глухо, придушенно рыкнул и осторожно пошевелился, проверяя себя — вроде руки-ноги целы, шея не сломана, а мозги, хоть и плохо, но, кажется, ещё кое-как работают.

— Вы с Алиной? — болезненно отозвался он. — А то у меня тут такой тарарам!

— Сам я, сам... — чуть ли не со стоном отозвался Аркадий голосом капризного ребенка.

Дверь неспешно приоткрылась. Перед Игорем Юрьевичем, согнувшись, обессиленно упираясь обеими руками в проём, стоял то ли Аркадий, то ли кто-то другой, отдалённо на него похожий. В любом случае, перед Лепендиным предстал человек в куртке как у соседа, но без одного рукава, с очками без стёкол и вспухшей кровоточащей губой. Этот человек глухо, утробно постанывал.

— Вы с демонстрации? Вас избили омоновцы?! — вскрикнул Лепендин.

— Коньячку, пожалуйста... — выдохнул Аркадий. — Это меня так пацаны отделали...

— Ваши революционно настроенные гавроши?

— Они самые. Так сказать, «дети Насыпного»... От которых я был в таком романтично возвышенном восторге... А они меня заподозрили, будто я полицейский провокатор. Даже каким-то попом Гапоном обозвали. — Аркадий тяжело засипел сквозь зубы: — Кстати, не знаете, кто это?

— Потом, всё потом... И чему только вас в школе учили?... — нахмурился Игорь Юрьевич.

— В общем, они всей толпой набросились на меня... Стали обыскивать, выворачивать карманы... Наверное, удостоверения полицейское искали. А ничего не найдя, принялись злобно пинать. И при этом кричали, что миром должны править дети! Что всех взрослых с их нравочениями и отстойными понятиями надо сжечь в газовых камерах! Омоновцы едва отбили меня... Не поверите, я даже расплакался на руках у полицейских...

— И вы по-прежнему считаете правильным своё участие в подобных акциях? — строго-отечески проговорил Игорь Юрьевич.

— Именно так! — хорохористо оживая после живительной рюмки неподдельного «Арарата», уже чуть ли не с былой вдохновенностью проговорил Аркадий. — Иного нет у нас пути! США и самые передовые страны Европы хотят, чтобы мы жили толерантно и достойно. Они всегда стремились передать нам свои высшие ценности! Скажем, однополые браки! Во все века мы всё лучшее перенимали у них. И сейчас не должны упустить свой шанс государственного взросления!

Аркадий ещё долго говорил в этом направлении. Особенно вдохновенно зазвучал его голос, когда он объявил, что они с Алиной во имя торжества толерантности в России решили сменить пол, обменяться именами (она станет им, а он — ею) и пожениться. А еще они решили усыновить или удочерить какую-нибудь забавную микро-собачку.

— И я дам ей свою фамилию! Правда, будет звучать круто: чихуахуа Петровская! Если потребуется, мы и псинке пол заменим на раз-два.

Легким электрическим и никаким иным мелькнуло с жужжанием нечто вроде афоризма в голове ещё не оправившегося от падения Игоря Юрьевича: «Каждое поколение идёт на баррикады под своим флагом... Но ими всеми правит одна и та же дурь».

Он с омерзением отчётливо, до памятования тогдашних ночных прохладных запахов вспомнил себя, трусливо, самовлюблённо расклеивающего идиотские листовки по мрачной и грязной улице кровавого революционера Урицкого.

Лепендин не ответил ни слова насчет предстоящего брака Аркадия и Алины, а также обретения микропсиной фамилии Петровская.

Пока сосед возжигал «Араратом» пламя своего революционного настроения, Игорь Юрьевич, напрочь забыв об учтивости и много ещё о чём, поспешно вернулся на антресоли. Оглядевшись с помощью «Даймона», нашёл достаточно удобное место. Вздохнув с облегчением, прилёг; устроив под голову стопку журналов «Огонёк», ностальгически пахнувших его счастливым детством.

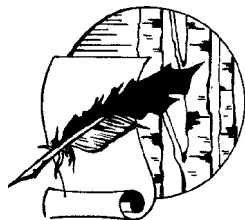
Сколько политики в этой жизни... Без неё просто никуда. Словно именно ею и ради неё только и живём. А может быть... Игорь Юрьевич, насколько возможно, вдруг с усилием потянулся рукой к своей спине, норовя достать пальцами как можно подальше, до самых бы лопаток. Нет, он не крылышки там ангельские искал у себя. Он уже, наконец, отчётливо понял, что их у него нет и быть отродясь не может. Не того сорта он человек. Если вообще он — человек...

Игорь Юрьевич ни мало, ни много искал у себя за спиной на худой случай нити или какие-нибудь иные жилки попрочней с учётом его достойного веса. Такие идут от сочленений театральной куклы к её ваге, посредством которой и устраивается хитроумность вождения.

Не найдя ничего, он заплакал. Детски так, почти мило. Но хныкал так-таки недолго.

Поёрзав, похряхтев, Игорь Юрьевич устало закрыл глаза. И у него в эту минуту вдруг появилось нежное, чуть ли не младенческое желание остаться здесь навсегда. Но согласиться с таким мнением или отвергнуть его он не успел. Заснул в миг и благодатно наш Игорь Юрьевич. Так что не дергайтесь, господа. Жизнь на антресолях вполне даже возможна. Какая-никакая, может, даже и развесёлая вполне.

г. Воронеж

Валерий КРЕМЕР
(1954 — 2021)

Валерий Адольфович Кремер родился и жил в Саратове. Окончил филологический факультет СГУ. Служил в армии, работал учителем в сельской школе, корреспондентом в различных газетах г. Саратова.

Член Союза писателей России. Стихи печатались в саратовской периодике, коллективных сборниках Приволжского книжного издательства, журналах «Волга», «Волга — XXI век», «Московский Парнас», «Новая Немига литературная» (Беларусь), «Нижний Новгород». Автор восьми книг стихов и прозаической книги «Спрятанный свет».

ВОДА НЕБЕСНАЯ СВЕТЛА

* * *

Ты в битву музыки и речи
Ворвался, сам не зная как,
Разжав и голос, и кулак,
Боль, как ребёнка, взяв на плечи.
Земля простит за странность странствий,
Сожмёт в объятиях, когда,
Засеяв нежностью пространство,
В нее войдёшь ты навсегда...

* * *

Опять предчувствует душа.
И ждёт. Руки, лица, поступка,
Чьего-то взгляда, крика, стука
Ждёт напряжённо, не дыша.
И не помочь. И не спасти.
Не угаить себя от взрыва.

От строчек нервных, торопливых,
От слов, что не произнести,
От мук беззвучия, бессилья...
Хватать луч света за окном,
Всю ночь искать. Найти лишь днём.
И рухнуть. И почуять крылья...

ОЧЕРЕДЬ

Синева над головами.
Белый свет ещё не роздан.
Вы последний? Я — за Вами
В этой очереди к звёздам.
Затуманен мир словами.
Не нашарят твёрдость руки.
Вы последний? Я — за Вами
В этой очереди к скуке.
Накопилось под словами
Столько горечи и соли!
Вы последний? Я — за Вами
В этой очереди к боли.
В этой очереди к Стиксу
Вы последний? Я — за Вами...
Просыпаясь, бьёт крылами
Ангел, что подобен иксу...

* * *

Куда-нибудь, где музыка играет,
И разговор продлится до утра.
Куда-нибудь, где двери открывают,
И где добра не ищут от добра.
Куда-нибудь, где до рассвета можно
Уткнуться в голос, исповедь, плечо,
Где немота, забыв про осторожность,
Всю ночь поёт, не ведая о чём...

* * *

Ты опять говоришь: «Не грусти. Всё пройдёт».
Я опять ускользаю словами от тьмы.
Смысл истории груб. Лик надежды размыт.
Тот, кого мы зовём, к нам пути не найдёт.

Потому что любовь — это что-то ещё,
Потому что печаль — это проба крыла.
И в небесной реке отражаясь дотла,
Этот мир ещё верит, что будет прощён.

* * *

Вселенная объята тьмой.
В ней всё иначе.
И блудный сын бредёт домой
И горько плачет.
С лица стирает соль и гной,
И коченея,
Он лишь твердит: «Домой, домой,
Домой скорее...»
И видит, что не перейти
Сквозь ночь итога.
И шепчет, падая: «Прости»,
Как имя Бога.

* * *

Если уж выпало жить в аварийном вагоне,
Диском сцепления стать или рыцарем брани,
Только и счастья — понять, что ушел от погони,
Только и радости — песню сложить из касаний.
В тартарары день и ночь мы летим неустанно.
Райские птицы ведут неизменно к сараю.
Нас уже быть не должно, но мы есть, как ни странно.
Всё тархтит тепловоз по смертельному краю.
Что-то забрезжит вдали, и как прежде, споется,
И улыбнется тоска, вырываясь из круга.
Что ни взорви, всё равно что-нибудь остается.
Господи, дай нам понять, как мы любим друг друга!

* * *

Я — узник своего лица.
Я — узник голоса и тела.
Но свету взгляда нет предела,
И зову света нет конца.

Дороги и слова провисли,
Но всё хранит душа твоя
Путь смертной оболочки мысли,
Летащей к тайне бытия...

* * *

На бытие глядишь в тоске
И жаждешь мятежа,
А жизнь дрожит на волоске,
На острие ножа.

Мир — только замок на песке,
Пой вместе с ним, пока
Трепещет жилка на виске,
И мчатся облака.

О как поверить я хочу
Объятаям вечных крыл!
Я шёл по звёздному лучу
Сто раз. Я лишь забыл...

* * *

Громыкает смутная эпоха
Лживыми словами на крови.
Но ещё настанет Время Вдоха —
Время Возвращения Любви.
Луч блеснет — и сердце отзовется.
Сквозь базарный гвалт и пёстрый хлам
Подлинность поющая пробьётся,
Разломив эпоху пополам.

* * *

Нежное небо. Полоска заката.
Рыже-лимонная тянется нить.
Странно представить, что жил здесь когда-то.
Странно представить, что буду не жить.
Что перестану любить и касаться
Всей этой нежности. Просто уйду
В тёмное небо. Чтоб где-то остаться,
Будто ребёнку в детском саду.

Мама, отец — где вы, родные?
Смотришь в окно, ничего не любя.
Думаешь, завтра опять выходные,
И ни к кому не отправят тебя.

* * *

Всегда один. Всегда с самим собой.
Так было с детства. С дальних тех минут.
Теперь он округлился, остров мой,
Который одиночеством зовут.
Здесь хорошо. Здесь птицы и цветы.
Нет толкотни и сплетен, и вранья.
И знание, что где-то рядом — ты.
Моя навек. Одна. Навек моя.
Когда мне вдруг невмочь, и жизнь — беда,
И я забуду, этот остров где,
То ты ко мне приходишь иногда
По верной, затвердевшей вмиг воде.
И всё — как прежде, мы с тобой вдвоём
И говорим о жизни, говорим.
Потом друг друга за руки берём
И словно свечи, до утра горим.

* * *

Мы только выучились жить
И от судьбы не ждать подвоха.
Пока мы вышли покурить,
Сменились ветер и эпоха.
Мы дверь толкнули в темноту
И думали, нам чёрт не страшен,
Входя в страну уже не ту,
Совсем не ту. Совсем не нашу.
И долго привыкали к ней
Душой озябшей и ослепшей,
Не узнавая и теней
Вчерашней жизни, нами певшей.
Всё стёрлось, всё сошло на нет
В игре летящей вихрем пыли.
И нас окликнул только Свет.
Свет, о котором мы забыли.
Лишь он не признает Игры,
Не предаёт, не убывает
И нежно льётся изнутри
Во мрак, что лжёт и убивает...

ДРУГУ

Сад подрублен, садовник подкуплен,
И земная колеблется ось.
Голос друга чуть тлеет, обуглен:
«Мы не стали. Нам не удалось».
Не спеши. Не погаснет лампада,
Если веришь в добро, как дитя.
Неспроста эти пальцы, коль надо,
Разгибают подкову шутя.
Хоть измена у нас в обороне,
И стаканами хлещем враньё,
Те, за морем, нас рано хоронят,
Да и местное лжёт вороньё.
Всё ходили путями глухими,
Но пока на плечах голова,
Мы — упрямы с корнями живыми,
Что вцепились в родные слова.
Всё сильнее земное вращенье,
Ближе края смертельный оскал.
Мы настанем. И будет Прошеньё
Всем, кто верил, любил и искал.

* * *

Срубили дерево, что пело,
Меня встречая на тропе.
Его обрубленное тело
Едва виднеется в траве.
Остался пень.
И он от страха
Разбитых губ не разожмёт.
Понадобится — станет плахой,
Но никогда не запоёт.

* * *

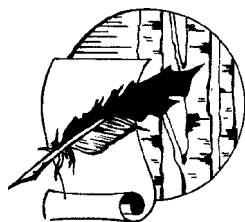
Слепые лётчики заходят в самолёт
И говорят: «Всё будет так, как надо».
Слепые лётчики салон обводят взглядом
Невидящим и говорят: «Полёт
Пройдёт по новой, радостной орбите,
Тот, кто поверит, счастье обретёт».
И хочется быстрее отсюда выйти,
Но самолёт уже идёт на взлёт....

* * *

Вода небесная светла.
И ты, шепча: «За что мне это?»
В неё впадаешь, словно лето
И пруд, и поле, и ветла.
Судьба пока не догнала.
Она тебя настигнет всё же
Когда-нибудь. Но позже, позже.
Вода небесная светла.
Всё ранящее растворилось,
О что так долго сердце билось,
Как бабочка о край стекла.
Вода небесная светла.
Мир не затем, чтоб стать увечным,
Но быть светящимся и вечным,
Раз выдохнуть душа смогла:
«Вода небесная светла!»

* * *

...И стала тишина навесом.
И нас укрыл безлистый лес.
И отдаленный ночи всплеск.
И птичий взгляд звезды над лесом.
И ночи медленной река
Всё приближалась, все густела.
И мы вошли, в руке рука,
В её мерцающее тело.
Сожми ладонь. Нам по пути
С рекою ночи, полной жажды,
Пусть дважды не дано войти
И выйти не дано однажды.
Ведь ночь — река, а не глоток
Расплавленного солнцем снега.
Сожми ладонь. Ночной поток
Впадает в утреннее небо...

Виктор САЗОНОВ

РЕКА РАЗЛУКИ

* * *

Как он прекрасен, мир весенний!
Гуляют девушки в садах,
Горят и тихо тают тени
На монастырских куполах.
А там, где женщины судачат,
Белье белеет во дворе,
Взлетают голуби, и мячик
Стучит на пыльном пустыре.
По автостраде стороною
Бегут машины чередой,
А в небе облако горою
Стоит, сияя надо мной.
И всюду гомон воробьиный,
И вздох роняют тополя,
Еще бы колокол старинный
Послушать... и уйти в поля.

* * *

Тихая, как сновиденье,
Речка в тумане бежит
Мимо простого селенья,
Мимо дремотных ракич,
Мимо убогих строений,
Мимо стогов на лугах —
В кружеве листьев осенних
На серебристых волнах.
А за дубравой сквозною
Ждёт ее, ждет под горой
Встреча с большою рекою, —
Словно со старшей сестрой.

У МОНАСТЫРЯ

Седого зодчества кудесник!
Каким державным временам
Ты отдал дань в глуши безвестной,
Воздвигнув этот Божий храм?
Сей храм на косогоре древнем,
Как образ Родины святой,
Стоит себе и словно дремлет
Над тихой, пасмурной рекой.
...Молчат гранитные надгробья
В вечерних зарослях травы.
Лишь ветер, воющий в чашобе,
Срывает золото листвы.
Над помрачневшею рекою
Нависший клочьями туман,
За монастырскою стеною —
Стеной крапива и бурьян.
Покоя нет среди забвенья,
Когда, бежав от суеты,
Душа взывает о спасенье
Твоей высокой красоты.

ОТЕЦ

Помню вечер глухой, безотрадный,
Пароходный гудок вдалеке.
И тропинку у нашей ограды,
Что сбегала по склону к реке.
И печальную ночь до восхода,
У окошка застывшую мать...
Я не знал, я не понял в три года,
Что от горя так можно молчать.
Он ушел, не вернулся, не надо
Ждать пропавших в потемках земли...
Я запомнил тропу за оградой
И гудок пароходный вдали.

СЕЛО ПОГОСТ

Ах, сколько здесь бурь отгремело,
А сколько воды утекло!

Но, видно, судьба захотела,
Чтоб выжило всё же село.

Живут здесь и скромно, и просто,
В селе под названьем Погост,
От церкви святой до погоста.
Дорога одна — через мост.

Навстречу с большою рекою
Речушка бежит не спеша,
Как свято земному покою
Здесь внемлет простая душа.

И помнят холмы и дороги,
И лес в неоглядной дали
Веков проскрипевшие дроги
И тайны родимой земли.

* * *

Плывут по реке пароходы,
Их разные ждут города
Струятся полночные воды,
В которых сияет звезда.

Взгляну я, как прежде, с откоса,
Туда, где на легкой волне,
С кострами лугов сенокосных
Торопится детство ко мне.

Идет оно с песней, с ветрами,
С венком васильковым в кудрях,
И красное лето, как знамя,
Несет на воздетых руках.

А лета такого не встретить
В любом распрекрасном краю,
Не встретить на всем белом свете
И даже, наверно, в раю.

Плывут по реке пароходы,
Их разные ждут города.
Струятся полночные воды,
В которых сияет звезда.

* * *

Река, деревня, край родной,
А за рекой в лугах
В ромашках лето и такой
Покой на небесах.

Как он безбрежен — белый свет,
И мысли так легки,
Как будто впрямь на свете нет
Ни горя, ни тоски.

Когда опять смотрю кругом
Мне верится: со мной
Навек река и отчий дом,
И лес с полями за бугром —
Ну, словом, край родной!

* * *

Опять смотрю я в час вечерний,
Как мгла, сошедшая с небес,
Объемлет улицы деревни,
Ее сады и дол, и лес.

Когда смолкает лай собачий
И кто-то странный за холмом
То запоет, то вдруг заплачет —
И не понять Бог весть о ком,

Тогда, бродя в уединенье
И созерцая мир окрест,
Душою чую преклоненье
Пред красотой родимых мест.

* * *

Как бег ее величествен и светел!
Несет она сияние небес.
И песни ей поет от века ветер,
И с берега в нее глядится лес.

Песчаная коса ее, как диво,
И камыши стоят за ней стеной,

И заводи, подобные заливам,
Кувшинки поднимают над волной.

Пристанище утино семейства,
Прибежище, приют укромный щук.
Там жизнь природы, как священнодействие,
Творящееся издревле вокруг.

...Река разлуки, грусти и покоя...
Как я любил ходить у светлых вод.
Забуть ее? Возможно ли такое? —
Когда она всегда к себе зовет!

* * *

Сельский погост над оврагом
Всюду и сумрак, и глушь,
Веет прохладой и влагой
В этом пристанище душ.

Вид оживляет малина,
Пышной сирени кусты,
И над церквушкой старинной
В золоте ярком кресты.

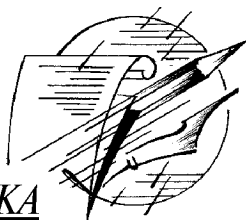
...Снова стою над обрывом,
Как над своею судьбой
И вспоминаю счастливый,
Горестный путь свой земной.

п. Ухолово Рязанской обл.

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

В Азии стремительно разгорается политико-экономический конфликт между набирающим силу Китаем и теряющим статус мирового гегемона США. В конфликт активно втягиваются многие другие игроки, как внешние, так и региональные. Конфликт грозит перерасти в третью мировую войну и всем ее потенциальным участникам предстоит прямо сейчас определиться, кто какую сторону выбирает.

В связи с обострением ситуации особо важное значение приобретает понимание содержания этнических противоречий, сложившихся в азиатском регионе. Ведь именно они являются обычно спусковым крючком при переходе политико-экономического конфликта в открытое силовое столкновение. Например, спор о принадлежности Тайваня — это прежде всего спор по поводу воссоединения разделенной китайской нации и только после этого спор за рынки сбыта, источники сырья, место приложения капитала и даже стратегического положения небольшого кусочка суши в Тихом океане, недалеко от континентального побережья КНР.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Острые этнические противоречия были заложены в Азии в первой трети прошлого столетия в ходе развернувшихся тогда процессов национального строительства. Доминирующая в регионе Японская империя пошла по фашистскому пути строительства нации и навязала этот путь практически всем остальным азиатским народам. Последствия фашистского прошлого не изжиты в регионе до настоящего времени. Поэтому обратимся к истории азиатского фашистского проекта, тем более что для современного русского читателя она практически неизвестна.

После революции Мэйдзи в середины XIX века японская нация успешно развивалась по капиталистическому пути, накапливала социальный потенциал, приобретала либерально-демократические черты. Японцы без больших проблем обзавелись собственными колониями: Тайванем, Кореей, югом Сахалина, Микронезийскими островами. Колонии оказались выгодным предприятием и приносили немалый доход, который направлялся отчасти на накопление, а отчасти на ослабление внутренних социальных конфликтов.

Когда страна столкнулась с мировым экономическим кризисом 1929—1933 гг., правящая элита решила, что выход из него можно найти на привычных путях расширения колониальной экспансии. В 1931 г. началась японская вооруженная агрессия в китайские провинции Маньчжурия и Внутренняя Монголия.

Однако для проведения масштабной политической и экономической экспансии против либерал-демократического, то есть, условно, «белого» Китая потребовалась мобилизация японской нации. Эта мобилизация была проведена через централизацию власти в руках военной и гражданской бюрократии, ограничение прав предпринимателей и наемных работников на социальный конфликт, регулирование доходов и экономической деятельности, милитаризацию общества. Главное же, в расширившейся колониальной империи было введено деление людей на высшую расу, японцев, и низшую расу — всех прочих этносов, на тот момент в основном китайцев.

Попытки установления молодыми японскими офицерами фашистского режима «снизу» правящей элитой империи были решительно пресечены, но практически все предлагаемые ими методы властвования были восприняты и воплощены в жизнь. Только вместо фашистской партии правящая бюрократия во главе с императором Хирохито создала многочисленные общественные организации, которые взяли на себя функции мобилизации масс японского населения на

реализацию «коричневого» фашистского проекта. Были учреждены Ассоциация помощи трону, Общество политического содействия трону и множество других. Началась идеологическая обработка японских масс в духе их расового превосходства над инородцами. В итоге властным элитам удалось в кратчайшие сроки сформировать фашистскую японскую нацию, которая послушно решала поставленные правящей элитой задачи по проведению экспансии в соседние страны, подавлению и порабощению населявших их народов.

Японская фашистская нация возникла на собственной социальной основе, и в этом смысле построенный ею фашизм можно назвать генетическим.

На завоеванных территориях японцы стали устанавливать фашистские порядки. В Маньчжурии они привлекли на свою сторону маньчжурские элиты, а во Внешней Монголии — монгольские. Оккупанты предоставили им более высокий социальный статус и прилагаемые к нему доходы, сделали их помощниками в преследовании и эксплуатации основной массы населения провинций — ханьцев. Маньчжурам было предоставлено право создать свое собственное государство — Маньчжоу-го во главе с императором Пу И, а монголам — Мэндзян во главе с князем Дэ Ваном. Маньчжуры и монголы получили таким образом статус народов-сателлитов японской фашистской нации и возможность сохранить свою этническую идентичность. Взамен они должны были помогать японцам в эксплуатации своих собственных народов, воевать на стороне японцев с ханьцами, реализовывать свой фашистский проект, но не претендовать на превращение в самостоятельную нацию. В экономическом плане создание этих двух государств-сателлитов в Китае было вполне успешным для японцев проектом.

Маньчжурский и монгольский фашизм можно, с известной долей условности, определить как фашизм, инициированный извне. Спротивление народных масс маньчжур и монголов фашистскому проекту существовало, но было достаточно слабым и поддерживалось внешними силами, конкретно «красным» СССР.

Народы, населявшие «старые» японские колонии, получили после установления в Японии фашистского режима статус пособников. Это были жившие на Тайване ханьцы и жившие в Корее корейцы. Правящие элиты этих народов не имели тех же прав, что и правящие элиты народов-сателлитов, и служили японцам как наемные слуги — пособники. Тайваньские ханьцы и корейцы должны были воевать на стороне японцев, отдавать своим хозяевам весь создаваемый

прибавочный продукт, при этом они не получали права на сохранение своей этнической идентичности, подлежали принудительной ассимиляции в состав японской фашистской нации.

Тайваньских ханьцев и корейцев, опять-таки с известной долей условности, можно определить как народы-поспособники японских фашистов. Соппротивление этих народов власти японцев было подавлено еще в первые десятилетия после превращения их стран в колонии.

Успешная фашистская мобилизация внутри империи позволила японцам в 1937 г. приступить к завоеванию остальной части Китая. Для подчинения многочисленных и социально развитых китайцев, прежде всего ядра этой нации — ханьцев, японцы развязали против них жестокий террор, использовали оружие массового поражения, насиловали женщин, грабили имущество, а что не могли унести — сжигали. Применялась политика «трех всё» — «убить всё, сжечь всё, ограбить всё». По оценкам нынешнего руководства КНР, в годы этой — второй — японо-китайской войны японцами было убито, уморено голодом, замучено до смерти более 35 млн. китайцев. Иначе как геноцидом произошедшее трудно назвать.

На завоеванной территории японцы нашли ханьские элиты, которые были готовы сотрудничать с ними в деле эксплуатации, подавления и уничтожения членов своего собственного этноса. Им позволили образовать зависимые от японцев квази-политические образования. К 1940 г. эти отдельные образования японцы объединили в «коричневую» Китайскую республику, которую возглавил президент Ван Цзинвэй. Эта республика в литературе обычно именуется эвфемизмом «режим Ван Цзинвэя», хотя это был стопроцентный фашистский режим. Сплотившиеся вокруг Ван Цзинвэя ханьские элиты мобилизовали солдат для поддержки японской армии, обеспечивали принудительный труд ханьцев в пользу японцев, молчаливо одобряли политику террора и геноцида, которую японцы проводили в отношении всей китайской нации.

«Коричневые» ханьские элиты не смогли привлечь на свою сторону широкие массы китайского населения. Возглавляемая Чан Кайши партия Гоминдан реализовывала на свободных от японцев территориях свой «белый», либерально-демократический, а возглавляемая Мао Дзедунем китайская компартия — «красный», коммунистический проект строительства китайской нации. Вместе они успешно сдерживали японскую агрессию на протяжении четырнадцати лет. Пре-

вратить китайскую нацию в фашистскую ни японцам, ни их «коричневым» сателлитам «ванцинвэйевцам» не удалось.

Более того, «белые» и «красные» китайские элиты организовывали партизанское движение в оккупированных японцами Корее, Маньчжурии, Вьетнаме, Бирме, Малайе, на юге Тайланда и в других странах.

Борьбу китайской нации против японского фашизма в это время экономически, военными поставками и добровольцами поддерживал СССР. Англосаксы ограничивались экономической помощью и поставками военного снаряжения. Англосаксы, в отличие от советской нации, с фашизмом не боролись, а просто не хотели чрезмерного усиления Японии как геополитического соперника.

Добиться военного поражения китайской нации и эффективной экономической эксплуатации населения всей оккупированной территории Китая японцам не удавалось. Несмотря на это, в декабре 1941 г. они расширили свою экспансию на страны Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана, которые находились в колониальной зависимости от европейцев и американцев. Эти страны были достаточно быстро завоеваны, и японцы в них также инициировали установление фашистских порядков. Титульные элиты завоеванных стран охотно пошли на сотрудничество с японцами, поскольку надеялись с их помощью решить стоящие перед ними острые проблемы собственного национального строительства.

В Британской Бирме японцы сделали ставку на сотрудничество с бирманской элитой. Из состава этой элиты была сформирована Армия независимости Бирмы (АНБ). Она вместе с японцами участвовала в боевых действиях против англичан. АНБ также расправлялась с поддерживавшими англичан меньшинствами — каренами, китайцами, мусульманами. Сопrotивлявшихся безжалостно уничтожали, их имущество присваивали себе. Значительное число китайцев и индийцев было выдвинуто из Бирмы за границу. Все освободившиеся высшие социальные ниши были присвоены бирманцами.

Бирманцы получили сначала право на автономное правительство. Наиболее влиятельными среди фашистских коллаборационистов были Ба Мо и Аун Сан. Они стали насильно навязывать этническим меньшинствам буддизм, бирманский язык и культуру.

В августе 1943 г. японцы разрешили провозглашение государства Бирма. Тем самым бирманцам был предоставлен статус сателлитов японских фашистов. Бирманцев этот статус

вполне удовлетворял. Даже несмотря на то, что они были вынуждены содержать японские оккупационные силы, выделять людей на принудительных работы, солдат на войну с англичанами и «белыми» китайцами.

Антифашистское сопротивление в Бирме было организовано в стране в основном китайцами и каренами.

Бирманские элиты держали нос по ветру, и когда военная удача изменила японцам, переметнулись на сторону англичан и даже помогли им освободить страну от японцев.

В Британской Малайе японцы нашли опору в лице элиты малайского народа. Эта элита стала, с помощью японцев, силой вытеснять из страны, преследовать, грабить китайцев, которые составляли значительную часть населения страны. По всей Малайе, без суда и следствия, массово уничтожали не только принимавших участие в боевых действиях на стороне англичан китайских ополченцев, но и китайцев из числа гражданского населения. Речь идет о сотнях тысяч людей, убитых только за их этническое происхождение. На китайцев японцами был наложен тяжелый этнический налог, их изгнали со всех социально значимых позиций. Эти позиции занимали малайцы

Малайский этнос был признан расово близким японскому, территория его проживания была включена в состав Японской империи, этнические малайцы получили имперское подданство. Взамен малайцы должны были изучить японский язык и культуру, сменить имена и фамилии, раствориться в составе японской нации. Малайцев стали мобилизовывать в японскую армию и отправлять на войну с англичанами в Индию против «белых» и «красных» китайцев. Малайя была переименована в звучащую более по-японски Малаи. Управляли Малаи японские военные. Основная часть постов в гражданской части японской оккупационной администрации была предоставлена малайцам.

Поддержку японцам оказывала малайская фашистская организация РЕТА, были созданы малайские полицейские отряды для поддержания оккупационного порядка. В то же время малайцы должны были нести трудовую повинность в пользу японцев, содержать японские войска за свой счет, поставлять японцам по бросовым ценам производимую ими продукцию.

Таким образом малайцам был предоставлен статус подручных фашистской японской нации. Особого протеста этот статус у масс малайского народа не вызвал. Во всяком случае ряды антияпонского сопротивления в годы войны пополнили почти исключительно китайцы.

В Голландской Ост-Индии строительство единой нации началось только незадолго до нападения японцев. На роль государствообразующего народа претендовали малайцы, язык и культура которых были наиболее развиты.

Японцы после оккупации Индонезийских островов привлекли малайскую элиту на свою сторону путем признания малайцев расово близким элементом. Малайцам японцы позволили занять высшие позиции в индонезийском обществе, помогли им бороться с китайцами, другими немалайскими этносами за богатство и власть. Самими малайцами японцы управляли через фашистскую организацию ПУТЕРА, которую потом переименовали в Союз верности родине. Эти организации возглавлял коллаборационист Сукарно.

Под руководством Сукарно и других «коричневых» лидеров малайцы должны были ассимилироваться в состав японской нации и стать таким образом подручными японских фашистов. Взамен их обязали нести службу в ополчении, созданном в поддержку японцев, отдавать в пользу оккупантов весь созданный прибавочный продукт, нести трудовую повинность.

Управляли оккупированной Индонезией японские военные. Сукарно вёл переговоры с Японией о предоставлении Индонезии независимости, а малайцам более высокого статуса — сателлитов, но перспективы перемен были весьма туманны. Независимость страны была объявлена только прямо перед капитуляцией японцев.

В составе антияпонских партизан сражались в основном китайцы и малые немалайские этносы.

На находящихся под контролем американцев Филиппинских островах строительство единой филиппинской нации шло вокруг народности тагалы и близких к ним этносов, принявших христианство. Тагалы имели малайские этнические корни. Они противостояли группе этносов, исповедовавших ислам и получивших название народ моро, а также малым этносам, которые исповедовали язычество.

Помощь японцам в борьбе с американцами оказала Национальная партия Филиппин во главе с Хорхе Варгасом. Это была партия, которая выступала в поддержку «коричневой» модели управления тагалами формируемого филиппинского народа. Стать более сложным социальным образованием — нацией — японцы филиппинцам не позволяли.

Вскоре после установления японского оккупационного режима Варгас учредил фашистскую Ассоциацию служения Новым Филиппинам. Она выполняла функции контроля за поведением народных масс.

В октябре 1943 г., с одобрения японцев, Национальной партией была провозглашена независимость Филиппинской республики. Пост президента занял филиппинский националист Хосе Лаурель. Филиппинцы получили статус сателлитов фашистской японской нации. Правда, Лаурель не дал согласия на призыв филиппинцев в японскую армию. «Коричневые» элиты тагальского происхождения создали тогда военизированную Патриотическую лигу Филиппин. Сформированные этой лигой военные отряды были включены в состав японской армии.

Особую роль в выстроенной японцами в Азии фашистской системе занимал Тайланд. Фашизм в Тайланде возник на собственной основе. Это было движение тайцев по подавлению и эксплуатации этнических меньшинств, прежде всего китайцев и индийцев. Тайская раса в стране была провозглашена высшей. Это позволяло экономически обирать китайцев, проводить насильственную ассимиляцию всех этнических меньшинств. Тайцы выступили практически равноправным союзником японцев. Они в 1940 г. присвоили себе ряд провинций в Камбодже и в Лаосе, которые тогда находились в составе Французского Индокитая. Потом тайцы, взамен поддержки японской агрессии против британских колоний, получили часть провинций Бирмы и Малайи.

Главным проводником политики расовой дискриминации и внешней экспансии в Тайланде был диктатор Пибун Сонгхрам. После ряда поражений японцев в боях с англосаксами Пхибун добровольно отошел от руководства страны, чтобы обеспечить другим тайским «коричневым» лидерам маневр в заигрывании с Союзниками. Этот прием оказался весьма успешным, и после войны Тайланд даже не был оккупирован английскими войсками.

Французский Индокитай в рассматриваемое время оставался колонией фашистской вишистской французской республики. Японцы использовали его территорию и экономические ресурсы для осуществления агрессии в соседние страны, но формально не оккупировали. Однако весной 1945 г. французские власти японцами были скинуты и колонию разделили на Королевство Кампучия, Вьетнамскую империю и государство Лаос. Предполагалось, что в этих новых политических образованиях также будут установлены фашистские режимы, но времени у японцев для осуществления этого плана уже не было.

Япония старалась закрепить азиатскую фашистскую систему в институциональной форме. С этой целью в ноябре 1943 г. она создала Великую восточноазиатскую сферу со-

процветания. В этот межгосударственный союз помимо Японии вошли Тайланд, Маньчжоу-го, Мэндзянь, «коричневая» Китайская республика, Государство Бирма, Республика Филиппины, Временное правительство свободной Индии, Королевство Кампучия, Вьетнамская империя и Государство Лаос. Однако выстраивание общей экономической базы в рамках этого союза натолкнулось на активность флота Союзников, которая не позволяла делать взаимные поставки товаров. Союз выполнял по большей части идеологическую, в меньшей степени политическую функцию.

Япония потерпела поражение в войне с Союзниками. Союзники оккупировали Японскую империю и отстранили правящую элиту от власти. Наказанию Токийского военного трибунала подверглось около двух тысяч японских военных, которых выставили главными виновниками происшедшего. Император Хирохито и гражданская бюрократия наказания успешно избежали, поскольку англосаксам нужны были свои собственные сателлиты. От управления экономикой были устранены главы всего нескольких десятков японских военных монополий, но собственности они не лишились.

Японская фашистская нация подверглась более серьезному наказанию. Страна лишилась всех колоний, и жившие в них японцы были депортированы в метрополию. Все зарубежные японские капиталовложения достались победителям. Японцев обязали выплатить репарации наиболее пострадавшим от их оккупации народам. Захваченные советскими войсками в Маньчжурии военнопленные Квантунской армии были направлены на принудительные работы в СССР.

Англосаксы определили существовавший на протяжении пятнадцати лет в Японии общественный строй не фашистским, а милитаристским. Соответственно, денацификация японского общества не проводилась. Были только на время убраны самые раздражающие символы фашистской империи. Самурайский дух народа ямато был сильно потрепан, но не разрушен.

Союзники, сателлиты и пособники японских фашистов не понесли после окончания войны практически никакого наказания.

После капитуляции японцев в Китае еще четыре года шла гражданская война, и Гоминьдан пошел на союз с основной массой коллаборационистов, чтобы разгромить коммунистов. Гоминьдановцы осудили только несколько сотен «коричневых» коллаборационистов ханьцев высшего ранга. После поражения в гражданской войне «белые» ханьцы во

главе с Чан Кайши бежали на Тайвань. США воспрепятствовали победившим в гражданской войне коммунистам высадиться на Тайване и завершить объединение китайской нации. «Красные» китайцы после провозглашения КНР привлекли к судебной ответственности еще несколько сотен ханьских коллаборационистов. Это при том, что «коричневые» ханьские элиты косвенно или прямо участвовали в геноциде 35 миллионов своих соотечественников.

В Корее после Второй мировой войны «красные» элиты пришли к власти на севере страны, а «белые» на юге. «Коричневые» корейские элиты сконцентрировались на юге, и никто из них не был привлечен к ответственности за совершенные во время войны преступления.

В 1950 г. между двумя частями страны началась гражданская война. Через три года она закончилась разделом страны на два государства: КНДР и Южную Корею. В Южной Корее большинство коллаборационистов вернулось во власть, сохранило свою собственность.

Тайланд полностью избежал ответственности за участие в войне на стороне Японии. Фашистский режим в нем сохранился практически в неизменном виде. Никого из коллаборационистов не судили, и они скоро вернулись во власть. Тайские элиты до настоящего времени при строительстве своей нации исходят из того, что тайцы — представители высшей расы.

В Бирме и Малайзии англичане после войны восстановили свои колониальные порядки. При этом они оставили в управлении практически всех «коричневых» коллаборационистов. К ответственности за совершенные во время войны преступления никого из коллаборационистов не привлекали.

После провозглашения независимости Бирмы в 1948 г. сразу началась гражданская война между «коричневыми», «белыми» и «красными» бирманскими элитами. Все вместе они воевали против этнических меньшинств. Эта война, с перерывами, продолжается до настоящего времени.

Малайзия получила независимость в 1957 г. До этого ее сотрясала гражданская война, в которой сталкивались интересы малайцев, китайцев и индийцев. Малайцы в этой войне выступали с чисто фашистских позиций. После провозглашения независимости позиции малайской элиты мало изменились.

Индонезия после войны первое время оставалась колонией Голландии. Однако «коричневые» малайские элиты остались в ней у власти и терроризировали этнические меньшин-

ства и европейцев. В 1950 г. страна добилась независимости от Голландии, и этнические конфликты в ней ослабли. В 1965 г. фашистские элиты устроили в стране геноцид, который по масштабу был много больше, чем тот, что во время войны устроили японцы. Гражданская война на этнической основе в стране продолжается.

На Филиппинах после провозглашения независимости в 1946 г. к власти также пришли «коричневые» элиты. Никто из коллаборационистов не был привлечен к ответственности за сотрудничество с японцами и за совершенные во время войны преступления. Фашизм как способ национального строительства был востребован в полной мере — продолжилась дискриминация, а потом и преследование мورو, других этнических меньшинств. Эта политика породила гражданскую войну на этнической почве, которая продолжается до настоящего времени.

Во Французском Индокитае упомянем только режим «красных» кхмеров, который реализовался в середине 70-х гг. XX в. и повлек за собой смерть около 3 млн. человек.

Из этого беглого обзора истории азиатского фашистского проекта можно сделать ряд выводов.

Ядром азиатского фашистского проекта была японская нация. Определение ее как милитаристской, а не как фашистской неправомерно.

Помимо японцев в азиатском фашистском проекте участвовали практически все титульные азиатские народы. Причиной этого было их желание завершить строительство своих наций путем подчинения, эксплуатации, а в случае необходимости и уничтожения подконтрольных малых этносов.

Ради достижения цели завершения национального строительства титульные азиатские элиты соглашались с тем, что они будут находиться на положении сателлитов или пособников у японцев, нести в их пользу военную службу, отдавать им значительную часть доходов.

В Тайланде фашизм возник на собственной социальной основе, и тайцы добились положения союзников японцев. Это дало им право подчинять и эксплуатировать новые народы, строить свою маленькую фашистскую империю.

«Бело-красная» китайская нация противостояла «коричневому» японскому проекту, хотя и в ее составе нашлось значительное число «коричневых» коллаборационистов.

Японский фашистский проект не вызывал противодействия со стороны англосаксов до тех пор, пока не были затронуты их колониальные империи.

«Красная» советская нация выступила союзником «бело-красной» китайской нации в борьбе с фашизмом как таковым.

Япония проиграла войну Союзникам, была оккупирована американцами и ослаблена, но денацификации японской нации не производилось, и она сохранила установки на то, что принадлежит к высшей расе.

Практически все союзники, сателлиты и пособники японских фашистов из числа азиатских народов избежали ответственности за совершенные ими преступления и остались после войны во власти. Это привело к тому, что в их послевоенном национальном строительстве была крайне сильной, если не сказать доминирующей, «коричневая» линия.

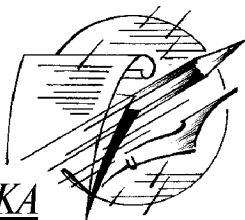
Исходя из этих выводов можно предположить, что в случае развертывания военного конфликта между США и Китаем японцы и многие из титульных азиатских народов опять выберут фашистский проект строительства своих наций. Только ядром новой азиатской фашистской системы будет не Япония, а «коричневые» США. Надо отметить, что «коричневая» линия проявляется в рамках американской нации в последние годы всё сильнее. Противостоять же «коричневым» США будет «красный» Китай. В качестве союзника Китая придется выступать России, поскольку иначе фашистский проект из Азии распространится на Европу и захватит саму Россию. Принятие на себя функций союзника Китая потребует проведения «красной» линии национального строительства российской правящей элитой.

Изборский клуб

А ВОЗ И НЫНЕ ТАМ

Воз и ныне там. Едучи в городском автотранспорте Твери, теперь часто слышишь тюркскую речь. Выходцев из Средней Азии, Азербайджана становится всё гуще. Русский человек по природе своей не этнический националист, не испытывает неприязни к «новосёлам». Испокон веку он был радушен, приветлив к любому иному народу, таким и остался. Тем не менее сегодня его посещает тревога: не останутся ли русские с годами на своей родной земле в меньшинстве?

Выглянет в окно, а на детской площадке вокруг южанки трое-четверо ребятишек, вокруг русской же один-два. Согласно недавней статистике, показатель рождаемости на женщину-христианку в Москве — 1,1 ребенка. На мусульманку — 2,3. В центральных регионах соотношение примерно такое же. В ряде школ младшие классы на четверть, а то и на треть состоят из мальчиков и девочек некоренных национальностей. Уже и в райцентрах, на фоне вымирания русских, мигрантов заметно прибавилось. И прибавится еще! Как сообщают СМИ, вводятся (или уже введены) чартерные поезда для завоза мигрантов из среднеазиатских государств.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Причина: на российских стройках не хватает около 3 миллионов рабочих рук. К 2024 году дефицит возрастет до 5 миллионов. Всё это не только усиливает тревожные предчувствия русских относительно демографических перекосов, но и создаёт условия для межнациональных конфликтов и миграционной коррупции, которая и без того сильна.

В апреле 2021 года «Советская Россия» напечатала мою статью «Миграционный спрут под «крышей». О том, как тверские правоохранители «спускают на тормозах» вызвавшее общественный резонанс коррупционное дело. Главный фигурант — бывший заведующий лабораторией Тверской сельскохозяйственной академии Гарри Погосян. Отвлекаясь от прямых обязанностей, он сопровождал «поступающих» в этот вуз иностранных граждан на экзамены. Некоторые из них не владели русским языком, но всё равно зачислялись в студенты. Кроме студенческих билетов, им выдавались зачетные книжки, справки, подтверждающие учебу, проставлялись зачеты и оценки за «сдачу» экзаменов.

Проведенная сотрудниками управления ФСБ по Тверской области проверка показала: не стали утруждать себя появлением в стенах вуза на установочных и промежуточных сессиях для сдачи экзаменов около 50 иностранцев, зачисленных на заочную форму обучения. Погосян активно содействовал легализации «гостей» на территории России. Они имели фиктивную регистрацию в деревнях Торжокского района, были трудоустроены в индивидуальное крестьянское хозяйство «Погосян». Хозяйственную деятельность оно не вело. Налоги государству не платило. Фактически «студенты» осуществляли нелегальную трудовую деятельность в Москве, Санкт-Петербурге, Краснодаре. Полученные материалы явились основанием для возбуждения уголовного дела на Погосяна как на организатора махинаций в сфере миграции.

Дело близилось к завершению, но тут, по словам оперативников, активизировались сотрудники облпрокуратуры. Материалы неоднократно забирались ими на оценку. После их возвращения к следователю конкретных рекомендаций от законников не поступало, обвинение Погосяну оставалось несогласованным. Скорее всего волокита продолжалась бы, если бы УФСБ не направило в УМВД дополнительную информацию о том, что Погосян использовал для своей незаконной деятельности в сфере миграции законспирированный офис в Твери. В ходе обыска обнаружилось множество папок, коробок, пакетов с миграционными документами. Услугами Погосяна воспользовались сотни граждан Украи-

ны, Таджикистана, Узбекистана, Армении, Грузии, Киргизии. Были изъяты студенческие билеты, зачетные книжки, справки об обучении. Стало известно: все они при посредничестве Погосяна вступили в реализуемую правительством РФ Программу переселения соотечественников в Россию из-за рубежа, и по упрощенной процедуре получили российское гражданство. Это наводило на мысль: за Погосяном стоят «крупные игроки».

В ходе оперативно-розыскных мероприятий новоиспеченные граждане России из числа мигрантов обнаружались в Москве, ряде других городов. В показаниях они пояснили, что поступали в сельхозакадемию исключительно в целях получения российского гражданства. По адресам регистрации не проживали, в крестьянском хозяйстве «Погосян» никогда не работали. Также оперативникам в ходе допросов удалось выяснить, что за оформление гражданства РФ отдельные иностранцы платили Погосяну до семи тысяч долларов США, и установить, что схожей незаконной деятельностью занимались граждане Узбекистана М. Зардаков и З. Курбонов. Совместно с Погосяном помимо фиктивной регистрации и постановки на миграционный учет они организовали прохождение медицинских комиссий, сдачу экзамена по русскому языку, оформление патентов на работу, совершали другие действия по легализации иностранцев на российской территории. Результаты работы оперативников дали весомый повод следователям возбудить дело в отношении Погосяна по более тяжкой статье — «Осуществление организации незаконного пребывания иностранных граждан в составе ОПГ».

В конце 2020 года Погосяну и двум его поделщикам, гражданам Узбекистана, было предъявлено официальное обвинение по тяжкому составу преступления, предусмотренному п. «а» ч. 2 ст. 332.1 УК РФ. В феврале 2021 года материалы были подготовлены для направления в суд. Однако, по мнению тверской областной газеты «Местное время» («Кто крышует миграционную коррупцию?», №11, 2021 г.), накануне отправки материалов, «как поведал компетентный источник со ссылкой на слова следователя», в облпрокуратуру якобы поступил звонок из Москвы. Что за звонок, от кого? Фигура, похоже, не рядовая. Дело быстренько переквалифицировали с п. «а» ч. 2 ст. 322.1 на ст. 322.3 УК РФ, предусматривающую ответственность лишь за фиктивную регистрацию иностранного гражданина. Тут же оно было прекращено за истечением сроков давности события. Видимо, не без совета кого-то из ходатаев за Погосяна бывший ректор сельхозакадемии,

он же бывший секретарь регионального отделения партии «Единая Россия» Олег Рубенович Балаян, распродав имущество, убыл из Твери в Ставрополь. «Удастся ли покровителям Погосяна взять верх и окончательно закрыть дело?» — задавалось вопросом «Местное время».

Никаких неприятных последствий для Погосяна пока не наступило. Кто-то из сильных мира сего по-прежнему уводит лидера преступной группировки от заслуженного наказания. В статье «Миграционный спрут под «крышей» я ставил перед руководящими тверскими правоохранителями вопрос, с кем они: «Либо на стороне честных оперов и следователей, отстаивающих интересы государства, либо, поддавшись давлению извне, если оно было (а я думаю, что было), спустят дело на тормозах, оказавшись на стороне коррупционеров, и тем самым выступят против государственных интересов. Думается, последнее явится также фактом дискредитации российской правоохранительной системы и усилий президента России В.В. Путина по искоренению коррупции....»

Не так давно «Местное время», рассказывая уже о другом преступлении в миграционной сфере, сообщило своим читателям: «...Гарри Погосян в настоящее время продолжает свою противоправную деятельность и фиктивно регистрирует в одну бежецкую квартиру выходцев из средней Азии, в которой уже насчитывается аж 36 человек. И никто его не трогает. Система противодействия незаконной миграции в регионе не работает из-за миграционного спрута».

А теперь о другом преступлении. Расследование и вынесение приговора по нему, как мне видится, тоже тормозится влиятельными силами. Начну с того, что обстановка в Сирии вынудила десятки тысяч беженцев спасаться за пределами этого государства. Некоторые сирийцы оказались в Твери, надеясь получить образование, а затем и достойную работу. Один из них, Аль-Саид Хусам, приехав в 2014 году, успешно прошел курс обучения русскому языку, поступил в Тверской технический госуниверситет на специальность «машиностроение». Возникло желание получить российское гражданство. Дальнейшие злоключения студента описало «Местное время» («Подпольные торговцы российским гражданством», №№ 40, 41, 2021 г.). Кое-что существенное дополнили оперативники.

Ситуация выглядит так. Знакомые вывели Аль-Саид Хусам на некую Татьяну Васильевну Ефанову. Благодаря протекции Ефановой, Хусам познакомился с Ингой Рамазовой Андреевой (до замужества Серовой) и Андреем Александровичем Кудиновым. Те запросили за российский паспорт

с Хусамом 6 тысяч долларов США. Т.В. Ефанова заверила студента, что законная возможность приобрести российский паспорт существует. Для подтверждения серьезности своих намерений И.Р. Андреева заключила с Хусамом договор, оформленный якобы от ее руководителя Натальи Евгеньевны Северовой. Поскольку у Хусамом отсутствовала вся сумма, Андреева предложила ему расплачиваться по частям. За каждый придуманный этап якобы оформления российского гражданства доверчивый студент переводил деньги на банковские карты, либо передавал их при личной встрече И.Р. Андреевой и А.А. Кудинову.

С ноября 2015-го по март 2016 года было перечислено более 500 тысяч рублей, деньги Хусам занимал у родных в Сирии. И.Р. Андреева и А.А. Кудинов клятвенно заверяли студента, что в апреле 2016 года они поедут в Москву за его паспортом. «Понятно, что никакой поездки не состоялось», — пишет «Местное время». Вместо нее появился новый фигурант мошенничества некий Олег Васильевич, который якобы непосредственно контактировал с миграционной службой. Тот продолжил выуживать у бедного сирийца деньги. Хусам перечислял их на подарки сотрудникам ФМС за будущую прописку в Подмоскowie, за ускорение процесса получения гражданства и т.д. Когда он, наконец, понял, что его элементарно водят за нос, оказавшись в жутком расстройстве, обратился в Управление ФСБ по Тверской области.

Сотрудники ФСБ взялись за тщательную работу. Было установлено, что Аль-Саид Хусам попался в сети организованной преступной группировки. А.А. Кудинов признался в совершении мошенничества, написав явку с повинной. Вот содержание: «В числе моих знакомых имеется Андреева Инга Рамазовна, с которой я знаком с 2013 года. Она работает в туристической фирме «Зималетто». В конце 2015 года Андреева Инга Рамазовна предложила мне легко заработать деньги, введя в заблуждение гражданина Сирии Альсаида Хусамом, пообещав ему за денежное вознаграждение в размере 400 тысяч рублей оформить российское гражданство. Встреча с иностранным гражданином происходила в кафе «Фортуна», на которой присутствовали я, Альсаид Хусам и Андреева И.Р. Мы предложили Хусаму оплатить полную стоимость услуг без просрочки. Часть денежных средств он передал мне в машине, а 60 000 рублей на карту Сбербанка России, которая принадлежит мне. Часть были переданы наличным способом Инге Рамазовне в моем присутствии, лично в кафе «Фортуна» в марте 2016. Остальную часть денежных средств за оформление документов Хусам, возможно, перевел Серовой

Инге Рамазовне на карту Сбербанка России. Осознавая, что Хусам не знает российских законов в отношении механизма получения российского гражданства и, используя психологическое давление с участием Инги Рамазовны, мы намеренно вводили его в заблуждение с целью завладения денежными средствами. Реализуя с Андреевой Ингой совместный план, действуя из корыстных побуждений с целью обогащения, не являясь уполномоченными лицами, сообщили Аль-Саиду Хусаму заведомо ложные сведения о возможности решения вопроса по приобретению статуса и выдачи паспорта гражданина РФ. В дальнейшем мы с Андреевой Ингой предпринимали действия, направленные на прекращения общения с Хусамом. Свои обязательства перед Хусамом по оформлению гражданства РФ я выполнять не собирался, чем нанес Хусаму денежный ущерб. Полученные обманным путем от Хусамы денежные средства я использовал в личных целях».

Полученные материалы УФСБ направило в УМВД. Было возбуждено уголовное дело по факту мошенничества. Однако возникли подозрительные неувязки. По мнению оперативников, нашедшему отражение в «Местном времени», изначально выглядело странным возбуждение уголовного дела по лишь факту, так как участники преступления И.Р. Андреева, А.А. Кудинов были установлены. В публикации «Подпольные торговцы российским гражданством» подчеркивается: «Даже после того, как следователем официально были подтверждены факты перечисления денежных средств Андреевой и Кудинову на банковские карты, проведен анализ их телефонных переговоров и переписки по электронной почте, подтверждающие причастность И.Р. Андреевой и А.А. Кудинова к совершению преступления, возбуждения уголовного дела на них не последовало. Кроме этого, доказательства не были своевременно закреплены, то есть А.А. Кудинов не был допрошен с адвокатом по явке с повинной. Почему следствие так халатно распорядилось материалами коллег, остается только гадать».

Спустя некоторое время подозрения оперативников подтвердились. А.А. Кудинов неожиданно отказался от своих слов, сославшись на давление, оказанное на него со стороны сотрудника УФСБ. Видимо, кто-то ему это заботливо посоветовал. И.Р. Андреева ушла в декретный отпуск. А что же происходило в это время с терпеливо ожидавшимся торжества справедливости Аль-Саидом Хусамом? К нему явилась «на разговор» группа бритоголовых братков. Под их устрашающим воздействием сириец вынужден был спешно бро-

сильное обучение в Тверском техническом университете и улететь к себе на родину. Что он теперь расскажет своим родственникам, друзьям? Что Россия — страна поголовной коррупции?

Впрочем, несмотря на то, что дело было прекращено в связи с отсутствием состава преступления в действиях И.Р. Андреевой и А.А. Кудинова, оперативники УФСБ не успокоились, продолжили работу в отношении преступной группы, в которую входили И.Р. Андреева и А.А. Кудинов. Они установили: группа действовала под прикрытием туристической компании «Зималетто». Завсегдатаи клубов «Культура», «Фортуна», ее представители буквально сорили деньгами: рестораны, отдых за границей, дорогие автомашины. Как рассказывает газета, подбор клиентов из числа иностранцев для махинаций осуществляла уже известная Т.В. Ефанова, а ее подруги Э.Н. Мирзоева и Н.В. Журавлева подыскивали собственников жилья и осуществляли фиктивную регистрацию клиентов. И.Р. Андреева находила номинальных руководителей из числа малоимущих граждан, регистрировала на них в налоговой коммерческие организации, в которые фиктивно трудоустраивала иностранцев. Бухгалтерию данных организаций вела Е.Г. Сутягина, она же собирала с иностранцев налоговый сбор, отвечала на звонки из различных госструктур и подтверждала, что иностранцы действительно работают в организациях, созданных И.Р. Андреевой. В последующем фиктивные сведения и документы о регистрации, трудоустройстве при посредничестве ОПГ предоставлялись иностранцами в органы миграционного контроля для оформления разрешения на временное пребывание, получение вида на жительство в РФ, вступление в государственную Программу переселения соотечественников в РФ из-за рубежа, предусматривающую упрощенный порядок получения гражданства РФ.

В конце 2016 года следственным отделением УФСБ было возбуждено уголовное дело по п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ «Незаконная организация миграции». Проведённые обыски показали, что незаконными услугами представителей туристической компании «Зималетто» воспользовались более 50 иностранцев. Допрошенные директора семи коммерческих организаций подтвердили номинальность своей «руководящей деятельности» и фиктивность трудоустройства «будущих россиян». Более десяти российских граждан-собственников жилья были привлечены к уголовной ответственности за их фиктивную регистрацию. После задержания И.Р. Андреева, Н.В. Журавлева, Э.Н. Мирзоева признались в указанной

противоправной деятельности и в присутствии адвокатов написали явки с повинной. Т.В. Ефанова и Г.В. Сутягина в присутствии адвокатов дали показания на своих подруг.

Из-за объёма материала уголовного дела были переданы для окончания расследования в УМВД по Тверской области. Отдельные фигуранты стали отказываться от написанных ранее явок с повинной, менять показания, заявлять, что они занимались противоправной деятельностью, связанной только с фиктивной регистрацией. И все-таки в конце 2020 года уголовное дело было направлено в суд. При поступлении материалов судья обратил внимание на шаблонность написания обвинительного заключения. По требованию адвокатов он был вынужден уже на первом же судебном заседании отправить его на доследование.

Как пишет «Местное время», вместо исправления недостатков прокуратура обратилась с апелляцией на решение в областной суд, а получив отказ, направила жалобу в кассационный суд РФ. На протяжении двух месяцев жалоба не рассматривалась, материалы уголовного дела не запрашивались и в конечном итоге из-за отсутствия предмета обсуждения были возвращены. В соответствии с указаниями суда следствием на протяжении еще трех месяцев исправлялись недостатки, после чего соответствующий проект о привлечении фигурантов уголовного дела в качестве обвиняемых был направлен вновь в областную прокуратуру и далее, спустя еще два месяца, в суд.

В этот раз суд принял материал в производство. Но началась привычная уже тягомотина. Из запланированных семи судебных заседаний прошли всего два. То сотрудник прокуратуры опоздал на судебное заседание, то заболели фигуранты уголовного дела, их близкие родственники, адвокаты, то судья выехала в служебную командировку. Несложно предположить, что в условиях пандемии судебный процесс вообще остановится на неопределенное время.

Добраться до корней. По словам оперативников, в тверских судах к сегодняшнему дню скопилось около десятка дел в отношении организованных преступных группировок в миграционной сфере. Ни одно из дел не доведено до вынесения приговора. На какие мысли это наводит? С одной стороны, о масштабности проблемы. С другой стороны, о незаинтересованности правоохранительного и судебного блока решительным образом пресекать незаконную миграцию. Одна из серьезных причин, думается, в том что внутреннее разложение общества, об опасности которого говорил министр обороны Сергей Шойгу, не обошло стороной и органы право-

порядка. Об этом можно судить хотя бы по фактам, обнаруженным в российских СМИ. То генерала, то полковника, то офицеров званием ниже арестовывают, находя у них при обысках миллиарды рублей, огромное количество драгоценностей, обнаруживая виллы за рубежом, яхты, счета в офшорах.

А сколько тех, кто не попал в поле зрения служб собственной безопасности, но готовы ради карьеры прислуживать влиятельным кланам, по сути, обсуживать их. И обслуживают, т.е. выслуживаются перед ними, ибо без этого весьма проблематично успешное продвижение по службе. Клан — своего рода коллективные «решалы». Им совершенно неинтересен *здоровый консерватизм*, о котором говорил на Валдайском форуме Владимир Путин. У них неумеренный интерес к «баблу». Свояк свояка видит издали. Немало возведено клановой солидарностью в начальники прохвостов, потенциально готовых к жульничеству, откровенных непрофессионалов. Немало исковеркано честных судеб. Ущерб, нанесённый государству велик. Потому, бывает, и вспомнишь слова Виссариона Григорьевича Белинского: «...нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей».

Судя по всему, к истории Погосьяна и к истории тверских жуликов, обдуривших сирийского студента, имеют отношение вполне конкретные влиятельные фигуры в Москве, всячески препятствующие тому, чтобы миграционная коррупция была пресечена.

Сегодня приходится с озабоченностью говорить не только о доверии к тому или иному чиновнику, политику, правоохранителю, но и о доверии народа к государству. Коррупция нагло, цинично подрывает его основы, а народное доверие к государственным институтам. Почему именно в Твери оказался злостный рассадник миграционной коррупции? В немалой степени это связано с ее удобным географическим расположением. Здесь легче прописаться, а работать можно в Москве и Санкт-Петербурге.

Думается, было бы правильно, если бы центральные правоохранительные органы обратили пристальное внимание на тверские кланы и на сложившуюся в Твери тревожную ситуацию. Причём с учетом того важного обстоятельства, что тверским оперативникам и следователям в силу понятных обстоятельств трудно дотянуться до засевших в Москве высоких «крыш» миграционной коррупции, которая превратилась в

России в высокодоходный бизнес для избранных. Пора эти «крыши» ломать, сносить. Даже если у них большие звезды на погонах и защитные депутатские значки на пиджаках. В целом же надо последовательно бить по корневым причинам миграционной коррупции, а не по ее следствию.

Жизнь настойчиво убеждает нас: система, которая способствует сокращению традиционного для России государствообразующего народа, русских, а также других коренных народов, исторически живущих на российской земле, ведущая к их разбавлению и замещению народами с иным мироощущением, традициями, языком, сама нуждается в замещении. Но это уже более глубокая тема, заслуживающая, на мой взгляд, рассмотрения на Совете безопасности России с принятием соответствующих мер.

г. Андреаполь Тверской обл.

СНЫ О СТАМБУЛЕ

РАССКАЗ

Штормовые ветры собираются от турецких берегов, от Дарданелл, и долго раскачивают великие просторы Черноморья. Ветер сдувает тяжелую вонючую пыль с площадей и базаров Стамбула и по пути, по Черному морю, долго сеет ее на вспененные грядины волн. За тысячи километров ветер очищается и напитывается кислородом и солью. Ближе к России, к Таганрогу и Азову турецкие штормы поднимают и возмущают Азовское море, и оно подтапливает и подпирает всю дельту Дона, вплоть до Ростова и Семикаракор.

Низовка, нагонная волна, заходит в сады и огороды, топчет низкие фундаменты, цокольные этажи и погреба, накрывает пойменные дороги и мелкие мосты, но не приносит человеку большой беды.

В низовьях Дона до Петра Первого хозяйничали турки. Почти сто лет шла война за турецкую крепость Азов. Вплоть до лета 1736 года, когда русские войска окончательно взяли крепость, и Азов вошел в состав Российской империи. Тогда же в честь славной победы донские казаки назвали один из низо-

ПРОЗА

вых хуторов Стамбулом. По другим свидетельствам, хутор с таким названием появился намного раньше, и называли его сами турки, опять же в честь взятия Азова и победы над русскими. Как бы то ни было, хутор Стамбул сохранился до наших дней. И как свидетельство о смешении наций в приграничных территориях — сами жители хутора, особенно древние старики и старухи, обличье которых сразу бросается в глаза. Одни голубоглазые и курносые блондины и блондинки, другие жгучие брюнеты и брюнетки, с загнутыми, как ятаганы, носами. За несколько столетий пережились, породнились и уже в нынешней детворе донского Стамбула трудно угадать, в какой капусте и на каком берегу их родина....

Летом Ваня любил уходить на Дон, прятался в густых зарослях краснотала и часами наблюдал за хуторским пляжем, где купались и загорали на чистом и ухоженном берегу почти все хуторские жители. Взрослые казаки сидели под вербами в холодке, пили пиво и говорили о сазанах, лещах и донской селедке. Семейные женщины с маленькими детьми лежали на одеялах и лениво перебирали хуторские новости. Молодые девчата не вылезали из воды, брызгались и хохотали так громко, что их слышали рыбаки на бывшей колхозной тоне на другом берегу. Почему хохотали и над кем смеялись хуторские девки, они и сами не знали...

Ваня не отрывал глаз от девчат, его зрачки, как у молодого кобчика улавливали даже малую родинку на теле. Часами замороженно глядел на купание девушек, привычную, в общем, картину на реке. Он дрожал и млел, как перед непостижимой тайной. Только спрятавшись от чужих глаз, он мог столь откровенно смотреть на женское тело.

После тайного сеанса в кустах Ваня обычно заходил к ростоковскому профессору Кугуту покурить, поговорить с умным человеком. Учёный человек ходил по участку без рубашки, подставляя солнцу белое лицо и худую петушиную грудь. Загорал. Угощал Ваню тонкой сигареткой, закуривал сам, и они молча сидели на лавочке, как закадычные друзья.

— Виктор Маркиянович, а вы хоть раз целовали девку в губы? — Ваня деликатно покашливал и застенчиво отводил глаза.

— Целовал, Ваня, целовал... — Профессор вздыхал и как-то безнадежно отрезал рукой: — Как вино из чужого бокала пил... Замуж звал. Сначала согласилась. Кольца купил. А она в последний момент говорит: ты только не обижайся, у тебя ноги короткие... А я, между прочим, в армии служил! Где ты видела солдат с короткими ногами? Дура!

— А я, Виктор Маркиянович, ни разу не целовал девку...

Ваня никогда не был в турецком Стамбуле.

Он родился и живёт в хуторе Стамбул.

Нечего и сравнивать, конечно, хутор и столицу. Турки ни за что не променяют один свой базар в Стамбуле на тыщу таких хуторов хоть на Дону, хоть на Маныче. Без Стамбула турок все равно что румын без мамалыги. И Ваня любит свой Стамбул больше, чем окрестные хутора: Шалаевки, Гнилуши, Голодаевки и Липяги. Да он и не выглядывал ещё на свет Божий дальше Шалаевки, хотя Ивану уже под двадцать лет, у него есть паспорт, выходной костюм и право голоса.

Вот так, проживи Иван еще сто лет в своем Стамбуле, так случится, что и умрет, сердечный, не подозревая, что есть на свете и другие богатые хутора. С выгонами, бахчами, вишневыми садами, пруды с карасями, с краснощекими девками в каждом дворе и с бесхозными нахальными разномастными котами, промышляющими разбоем и воровством... Да и с другой стороны, если посмотреть. Много, много народу прошло мимо хутора Стамбул, ничего не зная про Ивана, про его тихую негероическую жизнь.

Ваня родился в семье знаменитого председателя колхоза, Героя труда Корнея Демьяновича Вертия. В колхозном парке установили памятник живому Корнею Демьяновичу. Местный скульптор, друг и одноклассник Корнея Игнат Сухорук, шутя, вылепил из пластилина голову, похожую на Героя. Самодельным способом на кухне отлил лысую алюминиевую голову Корнея. Родной брат председателя Гордей Демьянович, не скрывая радости, подтвердил сходство.

— Глупый памятник глупому человеку!

Корней обиделся и огрызнулся:

— Сам малохольный!

Так бы и жил Ваня в затишке своего отца, и кто знает, как бы дальше пошла его жизнь. Но время на дворе закрипело и снялось с привязи.

Алюминиевая голова живого человека пугала хуторян и членов семьи председателя. «Худо тут! Худо тут!» — кричали улы в парке. И худо объявилось. Ельцин перевел колхозы в капиталистическую собственность. Председателя вместе с колхозниками и с хутором Стамбул купил новый землевладелец из Москвы. Бывший председатель и Герой стал управляющим у нового хозяина, а колхозники — работниками по найму.

Много лет тому назад молодой председатель колхоза Корней Демьянович в составе официальной делегации побывал в Турции, в Стамбуле. По возвращении в обкоме партии ему

дали книгу с цветными иллюстрациями Стамбула и Турции, чтобы председатель правильно рассказывал о своей поездке. Корней подарил книгу Ване.

— Изучай, сынок, как турки лучше нас живут...

Поначалу Ваня приставал к отцу с вопросами. Что там пьют и едят. Какие у них жены и девки. Понимают ли по-русски...

Отец пытался объяснять.

— Ну, живут и едят они бедно, как и мы. В основном питаются орехами и омарами, раз в год едят баранину на курбан-байрам. На зиму заготавливают урюк. Вместо водки пьют кофе, густой и горький, как дёготь. Насчет девок ничего не могу сказать, они все одинаковые. С голыми пупками и в розовых шароварах. Живут отдельно от мужчин, в сералах. Читай книжку, там всё сказано.

Ваня в детстве провалился под лёд. Его успели вытащить и откачать, но начавшийся отёк мозга дал о себе знать. У мальчика слегка затруднилась речь, он немного заикался, заметно приволакивал ногу. Замкнулся в себе и почти не выходил из дома. Кое-как закончил восемь классов и жил с родителями, выполняя черновую работу по хозяйству.

Хутор Стамбул сильно постарел за последние годы. Молодые уходили в город под любым предлогом, и редко кто возвращался обратно. Хутор обветшал, зарос лебедой и амброзией. Единственную дорогу разбили вдреизг, из-за этого сняли автобусный маршрут. Закрылись средняя школа, медпункт, кабинет участкового милиционера. Так бы и почил старинный хутор, как исчезли многие сёла и деревни в глубинке. Но в девяностые годы появились дурные деньги, и новые богачи стали строить загородные дома.

Земли Стамбула тянулись вдоль берега Дона в живописной дельте среди озёр и ериков. До Ростова час езды на машине, а по воде около трёх часов тихоходным катером. Эти выгоды быстро просчитали и оценили понятливые люди. Они скупали старые дома и участки, завозили дорогие стройматериалы, нанимали бригады таджиков. Усадьбы росли, как грибы после тёплых дождей.

Одним из первых поселенцев стал областной прокурор Прокофий Кузьмич Храбрый. В прямом смысле он не был храбрым, скорее наоборот. Подчинённые за глаза называли его Собакевичем, а помощник прокурора делал страшные глаза и шёпотом сообщал по секрету:

— Он курицу с перьями съедает в один присест!

У себя в кабинете прокурор имел свойство смотреть на собеседника с подозрением и в упор, не моргая, отчего тот через

несколько минут терялся и начинал потеть, забывал о своей просьбе и невпопад спрашивал, какие сигареты курит Прокофий Кузьмич.

— Ты не шурши...

Это было любимое выражение. «Не шурши», — говорил жене, когда та донимала вопросами. «Не шурши...», — оставливал помощника, слишком подробно объяснявшего суть дела. «Не шурши, говорю!» — сердился прокурор на товарища, произносившего слишком кучерявый тост. Молодые огрызались и за глаза дразнили: «Бу-бу-бу! Бубоня!» Все в прокуратуре вздохнули, когда Бубоню отправили на пенсию. Он плюнул, растер ногой и вызывающе роскошно поселился в Стамбуле.

Рядом с прокурором построил теремок бывший директор завода сельхозтехники Юрий Поликарпович Рукосуев. Он был нахально обаятелен, любимец народа и герой отечества. Он родился победителем. Атлет сто тридцать кило весом, с нежными васильковыми глазами, с густой волной рассыпчатых тёмных волос, с рокочущим басом профундо, он без пощады пожирал женские сердца и, между тем, уверял романтическую жену-учительницу, что он однолюб.

Широк, необъятен и необуздан был этот жеребец. Его любили и прощали страсти, которыми он был обуян в гневе. На производственных планёрках он разбивал кулаком массивные столы из офисной мебели. А если при обходах по цехам замечал выпившего бедолагу на рабочем месте, то молча боксерским ударом ломал переносицу или челюсть. И сам вызывал «скорую». Никто не жаловался и не роптал. А начальство негласно одобряло: молодец! Иначе как удерживать дисциплину в многотысячном коллективе, где чуть не половину составляли отбывающие наказание «химики»? Рукосуев при жизни был обласкан и оценен, на его парадном лапсердаке еле помещались десятка два орденов и медаль Героя труда.

Герой ждал и, говорят, даже просил чего-то большего в карьере... Но к 60-летию его не наградили, не поздравили, не позвонили. Ни новый президент, ни новое правительство. Рукосуев вгорячах написал заявление об отставке. «Мой потенциал не востребован государством». Своим друзьям сказал выразительным басом:

— Заводу без меня хана! Завтра на коленках приползут!

Никто не пришёл. Завод долго штормило, ломало, корёжило. Трижды менялись управленцы. Сократили коллектив впятеро. Обновили оборудование. Создали несколько технологий совместно с иностранными фирмами. И завод выдал

современные качественные и дорогие машины. Они полностью заменили старый парк на полях страны. Героическая эпоха Рукосуева кончилась как-то буднично, без вздохов и пафоса. А сам Герой скрылся с глаз долой в тихом Стамбуле.

Одновременно новосёлами стали еще несколько замечательных личностей.

Нина Николаевна Жерёбая приехала в Стамбул вместе со своей конефермой. Она построила обширные хозяйственные помещения и поселилась в одном из них, без излишеств, под одной крышей с жеребцами. У нее были два работника из местных, проворных и притких, успевавших и конюшню обихаживать, и рыбу ловить, и борщи и кофе для хозяйки варить. А кроме всего и полторашку горилки выпивать между делом, закусывая жареной таранью. Нина Николаевна была снисходительна к таким слабостям.

Надобно было видеть эту сорокалетнюю Аврору по утрам! Она выезжала в жокейской кепке на любимом танцующем Графе по главной улице Стамбула. Хозяйки выключали телевизоры, умолкали мобильники. Церемониал завершался аплодисментами из распахнутых окон.

— О-о-о!

Местные женихи, глядя вслед, глотали слюну и гадали, кто мог быть тем счастливымчиком...

Но Аврора не видела счастливыхчиков в Стамбуле. Правда, сначала ей понравился профессор Кугут из Ростова. Он приезжал в хутор на лето и снимал флигелёк, намереваясь скоро поселиться совсем. Понравился он Нине Николаевне иронией и жалобами на холостяцкую жизнь.

— Всё у меня есть. Квартира, машина, зарплата... А счастья нету. Посоветуйте, где пошукать?

Нина Николаевна не знала, что эти слова профессор нудно талдычит своим студенткам много лет, и никто ещё не согласился искать с ним счастья вместе. А одна барышня сказала, щуря глазки:

— Счастье ловят наощупь, как рыбу в речке.

Нина Николаевна холодно ответила на обожание профессора.

— Извини, профессор, я люблю мужиков поглупее, попроще... И поглубее.

Она внимательнее присмотрелась к Ивану. И однажды позвала его в конюшню.

— Ты мне нравишься, ковбой, — сказала хозяйка по-свойски.

— Я не привередлива и одинока, ты инвалид и тоже одинок. Мы созданы друг для друга. А я нравлюсь тебе?

— Ага, — Ваня растянул рот до ушей. — Вы мне очень сильно нравитесь...

— Ну и хорошо, переходи ко мне жить. А с отцом я поговорю.

Корней Демьянович не стал возражать, но откровенно спросил:

— Он же на голову поврежденный! Тебе нужен умный.

Она так же откровенно сказала:

— Как мужик он вполне здоров. А на умников я нагляделась. У меня хватит ума и на двоих. Я его не обижу.

Корней Демьянович подивился разумности женщины. Невольно остановил взгляд на обтянутых джинсами бедрах и короткой блузке, не прикрывавшей пупок и матовую полоску кожи. Шумно глотнув слюну, старый председатель пожелал невестке всего хорошего.

Корней Демьянович уже не раз думал сосватать Ване кого-нибудь, да не было подходящей невесты. А Ваня всё настойчивее толковал о своей однокласснице парикмахерше Наташке, сисястой простушке, у которой был ревнивый муж с пудовыми кулаками. Не хватало осрамиться на весь Стамбул. Нет, сам Бог послал эту разумную женщину с конефермой. С ней можно ладить и договариваться.

Нина подарила Ивану белые шорты, чёрную шёлковую майку и поверх накинула золотую цепочку. И молча наблюдала со стороны. Красавец! Если бы расслабленное лицо сделать пожестче, помускулистее — голливудский стандарт. У Нины Николаевны глаз намётанный. Она щелкнула несколько раз фотоаппаратом, просмотрела снимки.

— С этого дня ты мой муж, мой рыцарь. Держи марку! Понял?

— Ага, — сказал понятливый Ваня, стесняясь своей счастливой улыбки.

Улица новоселов застраивалась сказочно быстро. Дальше по улице, за домом прокурора, поселился московский исторический писатель Карапет Купоросов. Он бежал из Москвы после скандального развода с женой миллионершей. Отсудил у жены половину ее состояния и в тот же день сел на поезд до Ростова, опасаясь мести разъярённой брошенной женщины, у которой были связи в криминальных кругах.

Бригада таджиков за месяц собрала писателю готовый деревянный дом и подключила все коммуникации. Карапет сутками сидел в собственном углу и впервые в жизни млел от счастья собственника. Он был на воле. Теперь не надо писать ненавистные книжки и ждать грошовых гонораров. Теперь он может плевать прямо в морду своим тиранам издателям. Может, не считая в карманах мелочи, купить голландс-

кого табаку для трубки, бутылку хорошего коньяка. И все это выкурить и выпить, не оглядываясь на жену, на издатель, на собутыльников. Никто не заглядывает ему в рот. Он будет славен, как писатель, который не пишет и не напишет больше ни строчки. Будет же благословенен этот донской Стамбул, который он случайно нашел в интернете!

Прокурор Храбрый, можно сказать, внезапно и ошеломленно увидел соседа. Сначала он услышал ладанный аромат голландского табака. Потом из-за угла выплыло облачко дыма, показалась трубка. Наконец, выплыл сам сосед в широком разноцветном плеле и в длинной, как рыбацкая кайка, мексиканской шляпе.

— Пуф-пуф-пуф! — шляпа кивнула прокурору. — Пуф-пуф-пуф!

— Кгм! — Ответил прокурор. — Я прокурор! А ты кто?

— Пуф-пуф-пуф! Я известный исторический писатель из Москвы. Впрочем, если тут понравится... Приглашаю вечером на чай.

— Приду! — одобрительно кивнул прокурор. — Тут живут одни турки, поговорить не с кем.

Хуторской атаман Севастьян Артамонович Завирюха еле раскачался спросонья в своем холостяцком двухэтажном особняке. Из-за болезни и ранней немощи атаман скоро превратил особняк в кубло. Старый казак валялся прямо на полу посреди огромной залы, в одеялах, подушках, в офицерских шинелях, нечищенных сапогах, в штабелях пивных бутылок, напоминающих артиллерийские гильзы малого калибра. Болели суставы в коленках, ныла поясница, красные глаза слезились, как у бруцеллёзной коровы. Эх, старость, старость! А какой казак был! Шёлковые усы и румянец во всю щеку! А очи? Такие булькатые бешеные очи были только у Петра Первого на старинных портретах. Порох и огонь! По молодости председатель райисполкома неосторожно назвал Завирюху мудаком. Реакция была мгновенной. Казак выбил начальнику два зуба, сломал нос и в ключья разорвал белую рубашку с красным галстуком. Драчуну припаяли три года, которые он отбывал в Оренбургской колонии от звонка до звонка. Был и еще один срок. Соседку, бывшую одноклассницу Ивана Вертия, Наташку, избивал во дворе ревнивый муж. Бил куда ни попадя кулаками, пинал лежащую жену сапогами. Она кричала, выла... Севастьян перепрыгнул через плетень и дал трепки мужу. Так дал, что обидчик оказался в больнице с двумя переломами — ключицы и кисти руки. А Наташка на следующий день написала заяв-

ление в милицию. Жаловалась, что атаман из ревности напал на мужа, а потом и на нее. К жалобе приложила справки о побоях. Так Завирюха стал сначала рецидивистом, а потом атаманом. Атаман успел повоевать в Приднестровье, в Сербии, в Абхазии. И дома, в конфликтах местного значения. Был не однажды ранен в боях и нещадно бит в драках со своими казаками.

Года минули, страсти улеглись. Теперь пошли недуги. Дети от трех жён перессорились между собой и во всём обвиняли своего отца. Никто из близких родичей не посещал старика. Друзья и собутыльники быстро забыли немощного атамана, за глаза рассказывали о нем похабные небылицы.

Завирюха числился князем. Какая-то полоумная родственница последнего царя приезжала в Россию. Ее принимали министры и губернаторы, дарили дорогие подарки, она в ответ раздавала ордена и титулы. Завирюха оказался рядом на одном приёме и получил из рук великой княгини титул князя. Он показывал бархатное удостоверение, величиной с рукавицу. С гербом, печатью и неразборчивой подписью. Кто этот благодетель — не знает, наверно, даже московский писатель и историк Карапет Купоросов. А Карапет много лет ведет картотеку чинов Российской империи и знает всё про всех.

— Какой князь?! — возмутился писатель и историк, когда кто-то спросил его о Завирюхе. — Председателя Вертия на хуторе кличут Понтификом. Но это не значит, что он папа Римский!?

После короткого знакомства с хутором Стамбул и с некоторыми его обитателями перейдем к главному. К женьтибе сына местного председателя колхоза Вани, то есть Ивана Корнеевича Вертия, на владелице конефермы Нине Николаевне Жерёбой.

С законным браком Нину Николаевну поздравили почти все уже знакомые нам обитатели Стамбула и другие уважаемые семейства. Разумеется, они поздравляли и Ивана Корнеевича как ее спутника.

Атаман Завирюха позвонил Нине Николаевне и попросил по причине своей немочи навестить его, чтобы поздравить и сообщить важную новость. Фермерша уважила старика и явилась к нему в тот же день. Атаман с нетерпением ждал. Побрился, расчесал слежалые и жесткие, как конская грива, волосья, помазал усы вазелином и надел парадный полковничий китель с бронзой и серебром в полпуда весом. Надел было тяжелую папаху с кокардой, но передумал и поставил ее перед собой.

Нина Николаевна вошла без стука и рассмеялась на пороге.

— Батюшки! Вылитый фельдмаршал Кутузов с двумя глазами! Что с вами, Севастьян Артамонович?

Атаман обиделся и не сказал комплимент жизнерадостной женщине. Сразу огорошил:

— Чую смертный час, Нина Николаевна! На днях помирать буду, хочу тебя попросить кое о чем...

Фермерша первый раз была в доме атамана и с любопытством оглядывала экзотическую обстановку.

— Завещаний не писал и не буду. А пару слов тебе скажу. Откройте калитку и пусть каждый, кто хочет, войдет и возьмет, что понравится. Сыновья говнюки, от отца рыла воротят... А на могиле напишите: любил горилку и Господа нашего! Как у предка моего, атамана Вертия. Мои предки с ним в близком родстве состояли...

— Бог с вами, Севастьян Артамонович! Рано о смерти думать.

— Молчи, баба!

В хате стало тихо и понятно, кто здесь атаман. Нина Николаевна села поближе.

— Мы с тобой тоже родичи. Ты лошадей любишь и я люблю... И вот какая к тебе просьба. Подбери мне коня, чтобы пройти шагом через весь хутор и левады, попрощаться.

— Молчу, молчу... Я тебе своего Графа оседлаю...

Севастьян скинул тяжелый китель и прилег на бок, на подушку. Продолжал уже другим тоном, как заговорщик.

— Ты слышала, что в Загряжске нашли могилу женки атамана Вертия? Принцессы Айгюль, дочери турецкого султана Сулеймана Великолепного, современника Ивана Грозного. На днях склеп вскрывать будут. Соображаешь? Твой законный муж Иван — прямой потомок не только атамана Вертия, но и потомственный зять турецкого султана. Отпрыск принцессы Айгюль. Соображаешь? Будет большой базар и у нас, и у турок. Ты не должна упустить момент... Все Вертии пустобрехи, кроме Ивана. Но Иван слаб на голову. Только ты можешь сыграть в шахматы с турками... Я бы мог, конечно, но я уже отыгрался... Съезди в Загряжск, а потом обсудим...

Старый атаман умер через два дня, не успев проехать на Графе по хутору, попрощаться.

Нина Николаевна имела нюх волчицы и по краткой информации Завирухи вполне оценила ситуацию. Она села в свой джип и через два часа вошла в кабинет мэра Загряжска, своего одноклассника Бурмистрова.

— Здравствуй, Бурбон!

Мэр обрадовался:

— Жерёбая!

Они посидели в кабинете, перебрали новости, попили чаю. Мэр пожаловался, как трудно быть мэром. Взять последнюю историю с могилой принцессы. В Загряжск прибыла делегация из Стамбула во главе с министром культуры. Из Москвы приехал турецкий посол с помощниками и репортёрами. Губернатор со свитой плюс все чиновники Загряжска. Всех надо поить, кормить, сопровождать каждый шаг и отвечать на каверзные вопросы. Гостья посочувствовала и перед уходом попросила школьного товарища реквизировать зуб из челюсти принцессы. Официально для местного музея. А на самом деле для нее, Нины Жерёбой. Так надо. И крепко подергала мэра за рукав.

— Сможешь?

На следующий день полиция оцепила кладбище, где проходила эксгумация. Останки быстро погрузили в цинковый ящик и увезли в Ростов. Мэр отыскал Жерёбую, вручил ей узелок из носового платка, опустил глаза.

— Я выкрал зуб... Только ради тебя.

И ушел, не прощаясь.

С узелком и с мужем Иваном Корнеевичем Нина Николаевна съездила в Москву, прожила там целый месяц. По рекомендациям нашла нужных людей и, наконец, оказалась в специальной лаборатории, где по останкам идентифицируют столетние захоронения с ныне живущими родственниками. Директор — академик и светило криминальной медицины сказал жительнице хутора Стамбула холодные, как скальпель, слова:

— Мы работаем только по представлению официальных государственных органов.

Фермерша жалостливо рассказала романтическую историю любви донского атамана Вертия и принцессы Айгюль, дочери турецкого султана Сулеймана Великолепного.

— А вот он, — Нина Николаевна вытолкнула вперед себя своего мужа Ивана Корнеевича. — Вот он, прямой потомок принцессы Айгюль. Принцессу недавно эксгумировали в Загряжске, турки просят перевезти ее прах на родину. А по нашим законам нужно разрешение родственников. Мой муж Иван Корнеевич — потомок принцессы. Вот ее зуб, прямо из склепа, из челюсти. Докажите родство научным способом. Мы с мужем очень хотим, чтобы турки попросили у нас разрешения. А мы, профессор, добровольно пожертвуем на усовершенствование вашей лаборатории денежную сумму. Вы ведь не отказываете жертвователям?

— Нет, жертвователям мы никогда не отказываем.

В хутор Стамбул молодожены возвращались с гербовой бумагой с печатью и с подписью академика о фактическом генетическом родстве Ивана Корнеевича с принцессой Ай-гюль.

Братья Вертии никогда не дружили, но и вражды не было. Председатель как старший и более успешный в жизни брат немножко снисходительно относился к горячности и нетерпимости младшего брата, бывшего бухгалтера и ревизора. Но на людях, особенно в торжественных случаях, Корней Демьянович всегда уступал первенство младшему брату.

— Я председатель и Герой труда, но не имею талантов, какие дадены Гордею Демьяновичу. Он голова! Готовый заместитель министра финансов! А если бы трошки подучиться, то цельный министр!

Гордей Демьянович обижался и ядовито кусал брата.

— Ты кто? Завхоз у капиталиста! Холуй! Профукал советский колхоз вместе с президентом, а до сих пор носишь звездочку Героя соцтруда!

Обидно было советскому бухгалтеру за брата, за колхоз, за державу. Но опять-таки, если доводилось сказать слово прилюдно, то он говорил о Корнее Демьяновиче уважительно. Как на недавнем юбилее председателя в колхозной столовой:

— Мы с братом, конечно, не во всем сходимся, а может, и вовсе расходимся. Норовы разные. Но он мой брат, и я его люблю со всеми потрохами...

Если правду сказать, то Демьян Корнеевич больше любил своего племянника и крестника Ваню. Он всегда заступался за племянника и ставил его в пример другим молодым людям. А когда отец, Корней Демьянович, усомнился в искренности брата и сказал, что грех так шутить над поврежденным на голову дитём, Демьян Корнеевич вспыхнул, как бездымный порох:

— Старый дурак со звездочкой! Это мы все вместе с президентом поврежденные на голову! У Ивана чистая душа и ум пытливым. Он, может, один такой... В нем правда живет, в укор всем нам, словоблудам! Он еще проявит себя, наш Иван, попомните мое слово. Придет время, Ивана Корнеевича будут почитать как учителя. При нем стыдно будет всем, кто отступил от правды. А от Ивана правда, как доброе слово, далеко идет и греет. Эх, вы-и-и... Слепые!

Демьян Корнеевич возмущенно развернулся, затрясся, заплакал, не стесняясь слёз. Корней Демьянович долго глядел вслед одиноко ковьяляющему брату, молча стоял возле

своей калитки, крепко почесывая затылок. Он мало общался с сыном, как и с женой, Клавдией Аверьяновной, составившейся раньше времени от изнурительных женских болезней.

Колхоз понятие круглосуточное. Дел всегда невпроворот, и сроду их не переделать, хоть расшибись. А для души, для общения всегда к услугам заветные уголки и райские куши. А какие бывают общения! Ни в Москве, ни в Питере, ни в сибирских заповедных заимках не встретите вы такого богатого общения, как в каком-нибудь захоластном колхозе. Тут бывают министры, генералы, депутаты, народные артисты и даже секретные органы. Это кроме оравы проверяющих, уполномоченных, инструкторов, шефов и т.д. Чем беднее колхоз, тем богаче угощения. И первый тост, конечно, говорит председатель. Трудно представить непьющего председателя, которому, например, певица Кадышева предлагает выпить на брудершафт. Как хотите, а я не верю в непьющих председателей. Никогда им не носить депутатских значков, орденов и медалей. В лучшем случае будет с них и похвальной грамоты. Трудна председательская стезя, и нет у них полноценной семейной жизни по причине круглосуточной ответственности.

Грянул гром, время колхозов кончилось. Бывший председатель-герой пошел служить новому хозяину москвичу, который еще ни разу не наведлся в Стамбул.

После разговора с братом Корней Демьянович как-то позвал сына в сад, в беседку, и непривычно тихо спросил, не глядя в глаза:

— Скажи, сынок, что обо мне брешут в хуторе?

Иван понимал состояние отца и старался лишний раз не попадаться ему на глаза. Отец в последнее время стал чаще выпивать и приходил домой ночью. Часто просыпался, ходил, скрипя половицами и, бывало, до утра в его спальне горел свет. Отец сильно похудел, был тревожно задумчив и, чего раньше не было, стал прятать от собеседника глаза.

— Люди брешут всякое, — отвечал Ваня просто. — Так всегда было. Раньше вы никогда не брали в голову.

— Это так. А что ты думаешь про мою теперешнюю работу?

— Люди жалеют вас, отец. Плохое говорят из жалости.

— А ты тоже жалеешь?

Ваня покраснел, но твердо сказал:

— Жалею.

Корней Демьянович усмехнулся и покачал головой.

— Нет, сынок, жалость тут хуже похвалы. Это тебя не грех пожалеть по причине повреждения на голову. А меня, старого

дурака, бог за гордыню наказал. Что жалеть! Мой колхоз умер, и я вместе с ним... Брат Гордей Демьянович прав, я теперь на правах холуя, позорю свою биографию...

Разговора не получилось, желание поговорить с сыном пропало. Корней Демьянович пожаловался на ломоту в суставах.

— Должно быть, к дождю... Пойду полежу на веранде.

На Троицу, на рассвете, когда холодное солнце окрасило в розовый цвет темные купы старых верб в леваде, лающим голосом завывла Клавдия Аверьяновна, эхо далеко покатилося по сонной глади Дона. В своем саду на старой вишне повесился Корней Демьянович.

Нина Николаевна приехала из Ростова и прямо с порога объявила мужу:

— Через неделю летим в свадебное путешествие! В Турцию, в Стамбул!

Она достала из сумочки путевку и два билета на самолет, протянула Ивану в руки.

— Держи, дорогой муженёк!

Иван присел на стул и растянул рот до ушей:

— О-о-о! В Турцию, в Стамбул!

Иван долго и внимательно изучал книжку о Турции, еще в детстве подаренную отцом. И всю книжку перетасил в свою ненасытную голову. Корней Демьянович однажды спросил:

— Прочел книжку? Интересно, например, как турки борются за урожай? Что там растет, горох, кукуруза? Есть ли у них колхозы? Или все единоличники и фермеры?

Ваня понимал шутливый тон и спокойно отвечал:

— Вы, отец, были в Турции. И турки вам показывали, как живут и работают крестьяне. И что выращивают — вы прекрасно знаете и без книжки...

Отец обиженно возражал:

— Я-то знаю! Я тебя проверял!

— Ну, я прочитал, что крестьяне там живут бедно, урожай скудные. Что турки еще не доросли до колхозов и до таких комбайнов, как наш Ростсельмаш... Ведь это неправда, отец?

Корней Демьянович рассмеялся в ладошку и погладил Ваню по голове:

— Все ты правильно понимаешь, хоть и поврежденный. Только не трепись, где попало....

И вот Стамбул.

Под ногами у молодожёнов почти тридцать веков человеческого колдования. Вспоминается загрязский монах,

побывавший в Стамбуле паломником по православным обителям с культурной программой. По возвращении домой монаха обступила братия, засыпали вопросами. Велик ли знаменитый град на Босфоре? Какие там церкви, то бишь, мечети? Набожный ли народ тамошний? Что пьют, едят, как празднуют? Какую музыку слушают, какие книжки читают? И вообще, какие красоты узрел, чем обогатился?

Монах подумал и ответил глубокомысленно:

— Людное место... Вонь от скопления и шум в ушах стоит денно и ночью. Раки у них называются омарами, смачное к пиву угощение... А девки, как и у нас, ходят прилюдно с голыми пупками.

Людской поток шириной во всю улицу подхватил и потянул молодоженов в сторону моря. Вырваться было невозможно. Поток принес их к заливу с роскошными белыми яхтами. Здесь поток разворачивался и нёс в обратную сторону. Вырвавшись из людского коловорота, не робкая Нина Николаевна облегченно вздохнула:

— Теперь любоваться красотами будем только с туристической группой.

Наутро после завтрака Нина Николаевна строго приказала Ивану:

— Подожди меня в номере, я по магазинам пройдусь...

Ване стало скучно, и он вышел из отеля на улицу. Его, как магнитом, тянула та вчерашняя улица и людской поток. Он помнил место на берегу бухты, откуда мельком увидел высокий холм с высокой каменной стеной и длинной чередой дворцов с высокими островерхими башнями. Он узнал по фотографиям древнюю резиденцию османских султанов. В этой резиденции жил великий султан Сулейман Великолепный. Здесь его любимая наложница Роксолана родила принцессу Айгюль. Волею судеб прародительницу Ивана.

Ноги сами понесли Ивана на высокий холм, и через час он стоял у входных ворот с башнями. Стоял, раскрывши рот, от предчувствия главного события в жизни. С открытым ртом как-то незаметно вошел вместе с группой туристов в музей. Билет стоил дорого, и пройти незаметно было просто невозможно. Две молодые женщины в униформе проверяли и компостировали билеты у каждого туриста. Но Ивана вела судьба, иначе никак нельзя объяснить его свободный проход во владения султанов.

Полдня он бродил по мраморным палатам, смотрел на несметное количество золота и серебра, драгоценных камней, драгоценной посуды и драгоценного вооружения. Султаны сидели и спали на золоте и, кажется, брэнная плоть их

постепенно превращалась в драгоценную материю. Оттого, наверное, и прозвали Сулеймана Великолепным. Как камень малахит или рубин.

Но одно неслыханное оскорбление преследовало Великолепного всю жизнь, да, кажется, и свело его раньше времени в могилу. Боже, язык немеет! Как мог пьяница, разбойник и голодранец Вертий явиться в Босфор, пожечь и потопить турецкие корабли и учинить грабеж во дворце султана Сулеймана! Выкрасть и увезти с собой принцессу Айгюль! Сохранились два редких документа, которые и через пятьсот лет говорят о той трагедии в Стамбуле. Два письма, копии которых хранятся в Загряжском музее. Вот их содержание.

Письмо первое.

«Великому князю всея Руси и царю Московскому Иоанну.

Я султан всех султанов. Я господин всех правителей, коронуемый королей. Я аллаха тень на земле и правитель завоеванных моими отцами земель... И владелец множества других стран...

Обращаюсь к тебе, великий государь и брат мой с печалью и гневом громоподобным. Твои люди днями назад вошли без спросу в Босфор и великим обманом потопили и пожгли мои корабли. Обманом вошли в благословенный аллахом дворец мой и там учинили грабеж и насилие. Атаман казаков твоих, дикий человек по имени Вертий, схватил принцессу, мою дочь Айгюль, и уволок на свой корабль. Разбойник держит ее в неволе и понуждает стать наложницей. Поймай его и пришли мне голову. Кровь великих султанов и падишахов вопиет об отмщении.

Султан Сулейман.

7070 года (10 июня 1562 года. — **В.В.**)».

Письмо второе.

«Божьей милостью, властью и хотением скипетродержателя Российского царства, великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси.

Божьей милостью султану Сулейману, великому государю Османскому от нашего высочайшего порога шлем свое разумение на послание великого государя Османского.

Государь, брат мой!

Твое высочайшее возмущение и укор за разбой, учиненный атаманом казаков донских в Стамбуле, во дворце великих султанов, опечалили сердце мое, и я ровняю с тобой гнев праведный и поднимаю свою руку к отмщению вору и разбойнику.

Казачи донские так же вороги наши. Они не подвластны моему скипетру, и не токмо тебя обидели, но и мои корабли по Волге, по Дону и на Яике грабят и жгут.

Если споймаю вора, пришлю живого в железной клетке, дабы сам учинил суд. А принцессу Айгюль мои люди с Божьей помощью отыщут, и отправлена будет на моем корабле в Стамбул с почестями.

Аминь!

Писано в первопрестольной Москве в 7070 году (11 августа 1562 года. — **В.В.**)

На 29 году нашего правления».

Вернемся к Ивану, который стоял у входа в сераль султана и пытался объяснить девушке контролеру, что ему нужно пройти. Девушка жестами показывала безбилетному туристу отойти в сторону и не загораживать проход. Иван не понимал жестов и стоял, как вкопанный. Девушка нажала кнопку, явился человек в синей униформе и увел Ивана в служебное помещение. Охранник попросил показать документы и проходной билет на территорию музея, он немного понимал по-русски. В комнате сидели за столами еще несколько человек. Они с любопытством смотрели на Ивана, который не понимал, что от него хотят. Он путанно объяснял, что приехал с женой из хутора Стамбул и что он присутствовал на вскрытии могилы принцессы Айгюль в Загряжске. И что у жены имеется документ о его генетическом родстве с принцессой Айгюль, которая стала женой казачьего атамана Вертия и родила от него восьмерых детей. А он, Иван Корнеевич Вертий — прямой потомок атамана Вертия...

— Жена всё вам расскажет, — уверял охранников Иван. — У нее все документы...

Охранники весело переглянулись.

— Это не наш клиент.

И позвонили в министерство безопасности.

Ивана водили по разным кабинетам и везде к нему относились вежливо и с пониманием. Никто не то чтобы не возражал, но, удивительно, все соглашались со всем, что знал Иван о принцессе Айгуль и о ее муже. Вежливые люди, правда, больше спрашивали о хуторе Стамбул и о хуторянах. Много ли богатых людей? Хороши ли дороги до Ростова и до Азова, ходят ли пароходы и катера по Дону? Бывают ли иностранцы в хуторе и как относятся русские к туркам и вообще к мусульманам? Что пьют и едят хуторяне? Какие имеются местные учреждения и производства? Есть ли и какая водится рыба в Дону?

Ваня обстоятельно и со знанием дела отвечал через переводчика про свой Стамбул, а вежливые люди кивали и улыбались. Кажется, они вовсе забыли про принцессу и про атамана Вертия. А поздно вечером хозяин большого кабинета по имени Тургай-Оглы поблагодарил Ивана за знакомство и попросил своих сотрудников отвезти гостя в отель, где его уже ждалась красивая и умная жена, госпожа Нина Николаевна. Иван удивился:

— Вы что, знаете...

— Да, мы давно знакомы. Очень умная, очень полезная женщина. Мы еще встретимся, до свиданья, Иван Корнеевич.

Нина Николаевна встретила мужа, как бы не замечая его отлучки. Иван рассказал о своем задержании и о разговорах в большом кабинете большого начальника.

— Он мне сам позвонил, — невозмутимо ответила она. — Тургай-Оглы рассказал, как ты заблудился и оказался во дворце правителей Османской империи Топкапы без билета. Познакомились с тобой, дружески поговорили и на правительственной машине подвезли к гостинице.

— Это они заманили меня во дворец, — тихо сказал Иван, неожиданно вспомнив отеческое радушие большого начальника. — Он сказал, что мы еще встретимся. Зачем мы ему нужны? Вы говорите неправду, Нина Николаевна!

— Ого! С чего ты взял?

— С того, что принцесса Айгюль их не интересуется. Тогда зачем им нужны мы с тобой?

— Они про принцессу давно всё знают. И эксгумация проводилась по просьбе турецкого правительства. Только мы с тобой этого не знали. И московская справка о генетическом родстве липовая, я за нее долларами заплатила. И никакой ты не потомок атамана Вертия, это всё придумал покойный атаман Завирюха...

Растерянный Иван стал плохо соображать, он шумно проглотил слюну и спросил неуверенно:

— Тогда зачем мы в Стамбуле?

— Ладно, скажу, раз ты любопытный такой... Я была замужем за богатым человеком по фамилии Жерёбый. У него в собственности имелись сотни тысяч гектаров сельхозугодий, бывшие советские колхозы и совхозы вместе с хуторами и селами. Муж был хорошим специалистом и хозяйственником. Бизнес приносил большие деньги, вся продукция продавалась за доллары иностранным компаниям. Жерёбый имел статус и право самостоятельно выходить на внешний рынок. Жизнь и судьба улыбались нам. Но недолго. Двое конкурентов, отпрысков кремлевских начальников, сговорились и

стали открыто отнимать бизнес Жерёбого. Высоких заступников у него не было и всё бы ушло за бесценок. В последний момент муж обратился в известную турецкую компанию и написал на нее генеральную доверенность. Турки спасли его, помогли иммигрировать в Турцию. Так мы расстались с Жерёбым. У меня осталась только фамилия и конферма, которую он заранее переписал на меня. Ты, наверно, спросишь, есть ли у меня сейчас интерес в Турции и поддерживаю ли связь с бывшим мужем?

— Да! — Хрипло ответил Иван каким-то чужим голосом.

— Хорошо! У меня есть интерес в Стамбуле! И муж, и его турецкие друзья, особенно знакомый тебе Тургай-Оглы, принимают участие в нашей с тобой судьбе... Скоро ты всё узнаешь. И еще, я люблю тебя! Знай это и не верь никому, кто злословит, что я нашла в тебе удобного дурачка. Я люблю тебя!

Через неделю Иван узнал, на что таинственно намекала Нина Николаевна. Он стал гражданином Турции!

— Вот наши паспорта!

Жена вымученно улыбалась, но лицо ее выражало радость и торжество! Мстительное торжество. Она вручала паспорт мужу, как награду, как драгоценность.

— Я.., то есть мы отказались от российского гражданства. Так надо. Теперь мы граждане Турции. Ты спросишь, а родина? Я не родину, я Россию ненавижу! У меня выжжено всё внутри, Россия выжгла... Ваня, Ваня, что с тобой?!

Иван надломился и медленно сполз на пол. Помертвевшее лицо исказила долгая и мучительная судорога.

Всё обошлось без клиники. Врач выписал рецепты, посоветовал, как лучше кормить и поить больного. Процедуры каждый день делала пожилая медсестра. Нина Николаевна с головой ушла в хлопоты, оформляла документы на квартиру в пригородном районе Стамбула. Иногда не ночевала в гостинице.

Иван скоро оправился от припадков, стал выходить из номера, спускался на лифте и подолгу сидел в холодке у бассейна, думал, незаметно задремывал... Сон сладко окутывал усталое тело, перед глазами отчетливо чередовались, как в цветном кино, знакомые места и лица.

Виделся хутор Стамбул, песчаный берег Дона прямо за родительским огородом. И пляж, где в детстве Иван прятался в кустах краснотала и подглядывал, как раздеваются и купаются девчата. И среди них одноклассница, толстомордьянка Наташка, на которой Ивану очень хотелось жениться.

Снился отец, молодой и веселый, только что избранный председателем колхоза. И счастливая мать, по-собачьи преданно глядевшая ему в глаза. Наверное, была у них любовь. Как и у всех бывает понемножку настоящей любви, которая потом помнится всю жизнь. Любит ли Иван Нину Николаевну? Любит, очень любит!

И крестный отец вспоминается, Гордей Демьянович... Он упрашивает, умоляет Ивана: «Беги, сынок, прячься от нее, от змеюки Жерёбой! Эта женщина погибель твоя! Эх Ванёк, Ванёк!..»

Привиделась принцесса Айгюль, да так явственно, что Иван застонал во сне. В белой накидке, прикрывавшей нижнюю часть лица, глаза блестели, как две смородинки после дождя. Ей очень были к лицу короткая прозрачная блузка, под которой светился открытый смуглый пупок, и розовые шаровары из шелка, перехваченные золотым пояском. Она кому-то грозила маленьким пальчиком и уверяла, что счастливо живет в Загряжке и любит своего атамана. «Он мой муж, и я подарила ему восемь сыновей. Не печальтесь обо мне, я полюбила Дон и казаков, и мое сердце теперь навсегда в России».

Каждый день спускался Иван к бассейну, и каждый день на скамейке в холодке виделись сны о Стамбуле.

Толстоморденькая парикмахерша Наташка сидит в распахнутом окне на подоконнике и умоляет Ивана поскорее вернуться. Она ушла от мужа и готова хоть завтра под венец.

Профессор Кугут одиноко сидит в саду на лавочке и сообщает всем прохожим: «Всё у меня есть: и квартира, и зарплата, и машина, а бабы нема. Посоветуйте, где пошукать?»

Атаман Завирюха сурово спрашивает Ивана: «Ведомо тебе, убогий, что я князь Российской империи»? Он отцепляет от пояса богатую саблю и широким жестом вручает Ивану с напутствием: «Вижу, много будет врагов на твою неопытную душу. Повергай их с божьей помощью, как повергал их я, за царя и отечество»!

Старенькая седая мать Клавдия Аверьяновна сидит под божницей с горящей лампадкой. Две фотокарточки перед ней. Шепчет ласково: «Соскучилась я за вами, муж мой любезный, Корней Демьянович и сынок мой ненаглядный, Иван Корнеевич. Плохо мне без вас, одной-одинёшеньке, тоска сердце точит, душу слёзы жгут...»

Ваня силился продлить сны, удержать родные лица в памяти, но городской шум безжалостно выключал сеанс. Иван томился в предчувствии больших перемен и с нетерпением ждал вечера, чтобы сказать Нине Николаевне о самом главном. И даже написал что-то на бумажке, чтобы не забыть.

Нина Николаевна пришла усталая и злая. Видя, что муж изменился в лице и приготовился что-то сообщить, предупредила:

— Говори, только короче, мне сейчас не до тебя...

— Нина Николаевна, — сказал Иван, как провинившийся ученик перед строгой учительницей. — Я вас не люблю, и вы теперь мне не жена, а чужая тетка. И Турция мне не нужна, я сжег паспорт...

Нина Николаевна подошла к Ивану, двумя пальцами взяла его за ухо и тихо переспросила:

— Сжег? Паспорт?

И закричала:

— Теперь тебе тюрьма! Надолго! Я уже ничем не могу помочь...

Дело могло принять опасный оборот. Человек без документов в чужой стране становится клиентом спецслужб. На выяснение и проверку всех обстоятельств иногда уходят годы. Всё это время подозреваемый находится в тюрьме. И не факт, что его выпустят при подтверждении личности и ходатайстве дипломатических служб.

Но судьба была милостива к Ивану. До тюрьмы дело не дошло. Нина Николаевна, стиснув зубы, переступила через себя и дважды посетила кабинет своего друга Тургай-Оглы. Он, довольный своей победой, глядел на ее покорно склоненную гордую голову. Поднялся с кресла во весь рост и с презрением швырнул перед ней российский паспорт Ивана, отчетливо выговорив по-русски:

— Свинья!

И тут же подписал распоряжение о немедленном выдворении российского туриста за грубое нарушение правил пребывания в республике Турция.

Нина Николаевна не поехала в аэропорт. До трапа самолета Ивана, как арестанта, сопровождал офицер полиции.

В кресле салона выдворенный пассажир грустно и сосредоточенно молчал. И думал, опустив голову. О чем может думать человек, возвращающийся из турецкого Стамбула в потертом спортивном костюме, без багажа, заросший густой, с проседью, щетиной. Кто знает...

Станица Старочеркасская Ростовской обл.

ЗА ДАМБОЙ

РАССКАЗ

В шесть утра он уже на ногах. Будит его своим хрипловатым пением старый петух. Объявляет начало нового дня своему куриному гарему. Обитают они в просторном курятнике, слева от закутка, где ночует Паша. Справа — длинный загон для коз. Как только поднимается Паша, козы начинают свою блеющую распевку.

Паша выбегает из сарая во двор и напрямик мчит к щелястому скворечнику туалета. Двор большой и бесформенный, запущенный и захламлённый всяким хозяйственным старьем. Дом перекособоченный. Один угол просел, и крыша над ним нахлобучилась. Двери и рамы окон покрыты чешуей блеклого баклажанового цвета.

Летом в доме живет одна мамка. Просыпается она поздно и ругается на Пашу матом, если утром ему что-то понадобится в доме. За полночь мамка смотрит в мутный подрагивающий экран черно-белого телевизора. Пьет пиво с сухариками и засыпает с включенным телевизором.

Паша телевизор не смотрит. Он не понимает того, что в нем показыва-

ПРОЗА

ют. У него есть транзисторный радиоприемник, с ним он не расстанется никогда. Приемник ему купила в городе мамка. За деньги, что Паша заработал на уборке урожая в огородах односельчан. Транзистор у него всегда работает на одной волне, где круглые сутки льется музыка и песни. Особенно нравятся Паше песни про айсберг в океане и про есаула, бросившего своего коня. Правда, он не знает, что такое айсберг и кто такой есаул. Но для него это не важно. Под айсберг он грустит, а когда скачет есаул, ему так весело, что и он скачет вместе со своими козами.

Из туалета он бежит к шахтной вагонетке, колесами просевшей в землю. В ней собирается дождевая вода для полива огорода и стирки.

Паша стаскивает с себя вылинявшую на солнце и степных ветрах футболку и остается в одних клетчатых трусах. Потом снимает и трусы. Зачерпывает из вагонетки ведро воды, пахнувшей тиной, и выливает на себя. Скача, как есаул, на месте, рычит, обнажая выпуклые розовые десна, плотно набитые крупными желтыми, как кукуруза в початке, зубами.

Ноги у Паши короткие, а торс мощный и широкий. Всё тело у него покрыто густым пушистым подшерстком. Но голова лысая с жидким рыжеватым воротничком на затылке. У Паши длинные — ладони свисают ниже коленей — мускулистые руки. Он легко вскидывает себе на спину мешок с шестью ведрами зерна. За пару часов без перерыва может лопатой вбросить в сарай три тонны угля. Или вскопать пять соток огорода. В работе он неутомим.

Футболку и трусы Паша оставляет на борту вагонетки — мамка днем постирает — и голым бежит через двор в сарай. Там на веревке, натянутой между балками, у него много разнообразной одежды: майки, футболки, шорты и спортивные штаны. Одеждой — поношенной и почти не ношенной — Пашу снабжают односельчане, которым он помогает по хозяйству.

Он выбирает оранжевую футболку с черным колесом телеги и какими-то буквами и шорты из обрезанных до коленей джинсов.

Недоенные козы блеют уже громко и отчаянно. Подхватив пустое ведро и широкую лейку, Паша направляется в загон. Козы обступают его, лижут ему руки.

Сколько голов в его стаде, Паша не знает. Может два десятка, а может и три. Он считать не умеет, но всех различает по известным ему приметам и повадкам. Козочек он называет козюльками, козлов, как и положено, — козлами, а все стадо — козлюками.

Молоко тугой струйкой бьется в жестяное дно ведра, потом журчит родничком. Надоив полное ведро, Паша рядком расставляет на полу пластиковые бутылки, по очереди набрасывает им на горлышко лейку, покрытую желтоватой марлей, и наполняет бутылки молоком под самую крышечку.

Теплыми бутылками он плотно набивает клетчатую базарную сумку, крепит ее на двухколесную тележку-кравчучку.

Своих заказчиков молока Паша называет по им же искаженным фамилиям. Например, старуху Шмелеву он называет Милевой, а Козябину — Зябой. Ему так удобнее выговаривать.

Пашины покупатели молока живут на разных улицах. Но он с удовольствием колесит со своей тележкой по просыпающемуся селу, добавляет громкости приемнику и приветливо улыбається ранним прохожим.

Пашу в селе знают все, хотя живет он здесь только второй год.

Мамка Татьяна родила его, когда ей не исполнилось и семнадцать лет. От кого родила, никто толком не знает до сих пор. Кого-то подозревали, но потом все забыли. Мать равнодушно отнеслась к ранней беременности дочери. Только и сказала: «На то у нее и приспособлено между ног».

Но когда стало известно, что у Татьяны родился неполноценный ребенок — пуповина обвилась петлей на шее и часть мозга отмерла — она написала отказное заявление. Только имя младенца в нём указала — Павел.

Потом Татьяна трижды выходила замуж. Но мужья не приживались и детей после себя не оставили.

Какое-то время она жила одна, людей сторонилась, стала попить. Ей было уже под пятьдесят, когда она вдруг занялась поисками брошенного в больнице сына. Нашелся он быстро и легко. Оказалось, что все прошедшие годы он жил в интернате для слабоумных в областном центре, в двадцати километрах от села. Татьяна долго собирала какие-то казенные бумаги, ездила в разные учреждения на приемы к должностным лицам и на комиссии.

Сельские женщины шушукались в магазине: «Танька своего недолугого из дурдома забирает, чтобы на его пенсию жить».

Весной Татьяна привезла Павла домой. Он уже был взрослым мужиком лет за тридцать. Татьяну он называл мамкой, а себя — Пасей. Некоторые слова он произносил как трехлетний ребенок. Шипящие и твердые звуки ему не давались.

Первое время Паша повсюду ходил за мамкой как привязанный, уцепившись в рукав ее кофты. Помалу он стал са-

мостоятельно осваивать пределы села. Свои длинные полусогнутые руки он носил перед собой, как кенгуру передние лапы. И всегда широко улыбался всем встречным, пугая их своим лошадиным оскалом.

Когда умерла соседка Татьяна — древняя одинокая старуха — в ее сиротском хозяйстве остались две козы и козлик. Пришлось Татьяне забрать их себе. Чтобы Паша не слонялся по селу без забот, она приохотила его пасти козлячью тропу на травянистой лужайке за огородами.

Когда повзрослел козлик, стадо стремительно увеличилось. И Паша стал выгонять козлюков на пастбище, в степь, за дамбу.

Распродав всё молоко, Паша возвращается домой. Мамка к тому времени уже проснулась и вся измятая и непричесанная с растерянным видом ходит по двору. Увидев Пашу, возвращается в дом и вскоре выносит четвертинку тетрадного листа, в столбце исписанного ее высокими острыми буквами — это записка для продавщицы магазина Любы. Паша читать не умеет, но знает, что в записке мамка перечисляет чего и сколько он должен купить в магазине. Ассортимент покупок неизменный: хлеб, макароны, растительное масло, пиво и сухарики.

В магазине Паша подает Любе влажную, помятую в кулаке мамкину записку и краем уха прислушивается к разговору покупателей.

Здесь всегда самые свежие новости. И местные, и мировые. Больше других во всем осведомлен Николай — хозяин магазина, Любин муж. Он сидит за низеньким столиком в углу магазина и из большой чашки, причмокивая и сопя, пьет растворимый кофе «три в одном», заедая его жирной колбасой, без хлеба.

— Слышали, бабы, босолобые из города выкупили наш ставок и совхозные теплицы, — громко сообщает Николай. — Собираются мальков в ставок запустить и новые теплицы построить. Будут овощи круглый год выращивать. А рыбалка будет платной. Паша, ты своих коз за ставком пасешь, ничего не приметил?

— Не-а, — решительно мотает головой Паша.

На самом деле в последние дни он заметил движение машин и людей в обычно пустынном месте у заброшенного пруда — его здесь называют ставком. Но мамка запрещает ему о чем-то рассказывать людям: «У тебя половины мозгов нету. Еще ляпнешь что-нибудь. А народ у нас — сволочь!»

Мысленно с мамкой Паша не согласен. Люди ему нравятся. Они как будто все одинаковые, но такие разные. Как козы.

— Тебе Мохиту давать? — спрашивает Люба, пересчитывая высыпанные на прилавок деньги. Паша указывает пальцем на двухлитровую бутылку «Мохито» — вкус знойной Кубы, как написано на этикетке. Паша обожает этот кисло-сладкий напиток и всегда берет его с собой на пастбище.

Перед тем как выгонять коз, Паша сам собирает себе «гормозок». Из стеклянной трехлитровой банки он достает вилкой пару добрых кусков соленого козьего мяса, серого и скользкого, как хозяйственное мыло. Берет еще несколько крупных огурцов с порывшими боками и полбуханки черного хлеба.

И всегда он берет с собой серп. Кованый, черный от древности, с зеркальным блеском острого лезвия, с резной деревянной рукояткой.

Этим серпом забойщик скота перерезает горло Пашиным козам, когда для этого его приглашает мамка. Тогда Паша уходит со двора, чтобы погоревать где-нибудь в укромном местечке. Ему так жалко козюльку, что грудь сковывает ледяной холод, а глаза застилает горячая влага. Он просит мамку, чтобы забойщик резал козлов. Но мамка возражает: у них мясо вонючее. Паша возвращается домой, когда скотобойщик с мамкой уже допивают самогон, закусывая его жареной свежиной.

Паша долго не ел козьего мяса, но другого в доме не было. А в макаронах сытости много, но жизненной силы мало.

На пастбище Паша режет серпом высокую траву — заготавливает на зиму сено для козлюков. Удобнее и быстрее было бы косить, но мамка не дает ему косы, боится, что он отрежет себе ноги.

Собравшись, Паша выпускает коз из сарая и гонит их к мосту через быструю узкую речку. Река разрезает село надвое. На низком берегу, где живет Паша, раскинулось собственно село.

На другом — высоком — берегу речки разбежались в разные стороны короткие улочки одинаковых двухквартирных домиков из белого кирпича. Эта часть села называется совхозом. Но совхоз прекратил свое существование разом с советской властью. Теперь половина домов пустует.

За совхозом до горизонта расстилается холмистая степь, бурая, как бывалая солдатская шинель. Вся в красных шрамах глинистых оврагов. Там, где два холма набегают друг на друга, глубокую впадину перегораживает высокая дамба, обложенная бетонными плитами со стороны образовавшегося пруда.

На дамбе козлюки ускорили свой ход, и Паша едва поспевает за ними. По известной им тропке в высокой траве стадо спустилось к пологому берегу и жадно приложилось к воде.

Подкова берега опоясана густыми зарослями кустарника. И только напротив постройке насосной станции песчаный берег голый. Напившись воды, козлюки набросились объедать узкие длинные листья на молодых побегах гибкого деревца.

Паша присел на степной валун и стал осматривать окрестность. Обратил внимание на новую металлическую дверь насосной станции, два узких окна под крышей отражали небо стеклами, защищенными густой железной решеткой. Развалины тепличного хозяйства расчищены от обломков кирпича, ржавой арматуры и битого стекла.

И тут до острого Пашиного слуха донеслось далекое рычание автомобилей. Он обернулся — вдалеке по грунтовой дороге к дамбе приближался караван машин: черный внедорожник, белый микроавтобус и большой грузовик с высоким брезентовым кузовом.

Поднявшись почти на середину холма, Паша залег в небольшом мелком овражке, откуда хорошо было наблюдать за происходящим у ставка.

За дамбой караван машин свернул вправо и остановил свой ход на площадке перед насосной станцией. Из черного утюга внедорожника резво выпрыгнул круглый коротышка с седым ежиком на большой ушастой голове, в черном спортивном костюме с белыми лампасами. С другого бока машины вышла высокая женщина с длинными волнистыми волосами золотистого цвета. Тоже в спортивном, но белом костюме.

Из микроавтобуса вытекло с десятков молодых парней сэкондхэндовской внешности.

Работяги стали лениво разгружать грузовик — трубы, арматуру, рулоны пленки, бумажные мешки, картонные коробки, еще какое-то железо и оборудование.

Толстяк с блондинкой вышли из насосной. Он замкнул дверь и отдал ключ напарнице.

— Ну вот, Липка, будешь ты у меня здесь смотрящей, — сказал коротышка и потискал выпуклые ягодицы блондинки. — А за хануриками смотри в оба. А то пропьют всё на хрен. Материалы, инструмент выдала — и все дела. Главное — бди за порядком и себя блюди. Не вздумай здесь забухать. Тут какой-то крестьянский дебил козлиное стадо пасет. Его козы засрала весь берег, обглодали кусты. Гони его отсюда на хрен. Через недельку обнесу территорию оградой, по периметру овчарок пушу, охранников посажу.

А насчет ментов не переживай. Они знают, что ты у меня здесь на реабилитации. Не тронут. В общем, хозяйничай. А у меня, кроме этого болота, дел выше крыши. Может, на следующей неделе нагряну. Если что, звони.

Он вскочил в свою машину, дал газу и через минуту мчал по дамбе, оставляя за собой пыльную поземку.

Паша выбрался из овражка. По холму поднимался один из работяг и держал путь к нему. Худой, с бритой наголо головой, руки черные от мазута. «Босолобый» — подумал Паша.

— Эй, мужик, покурить не найдется? — спросил босолобый.

— Не-а.

— А у тебя в огороде мак растет?

— Не-а, — повторил Паша.

— А самогон дома есть? — допытывался босолобый.

— Не-а.

— Что ты всё некаешь, как козел! — рассердился босолобый.

— Ты козел! — сказал Паша и обнажил свои страшные десны.

— Щас по макловице как перехомячу — зубы из обоймы повывлетают! — пригрозил босолобый и сделал два шага к Паше.

Но в этот момент с холма прискакал огромный белый козел с мощными ребристыми рогами. Он остановился напротив лысого, опустил голову, направив на него свое страшное оружие, и стал бить землю копытом.

Босолобый дал задний ход.

Паша вернулся на валун, разложил на коленях свой «тормозок» и стал неторопливо есть соленое мясо с огурцом, запивая «Мохито». Козлу-защитнику он отдал половину своего хлеба.

— Эй, пастух! — донеслось снизу. Паше махала рукой белокурая Липа. Но теперь она была не в белом спортивном костюме, а в узком черном купальнике.

— Иди сюда, не бойся!

Паша настороженно стал спускаться с холма. Остановился за насосной станцией.

— Здравствуй, — приветливо улыбнулась Липа и похлопала ладонью по скамейке у насосной стены.

Паша сел на самый край. Липа стала рассматривать его большими зелеными глазами.

Растянутый треугольник трусиков глубоко врезался в округлости ее широких бедер. Большую грудь едва прикрывал узкий лифчик. Паша смотрел на нее ошалелыми глазами.

— Тебя как зовут?

— Пася, — произнес Паша и улыбнулся.

— А меня зовут Олимпиада. Коротко — Липа.

Паша кивнул и рассмеялся.

— Погода сегодня жаркая. Пойдем искупаемся? — Липа потянулась, подняв руки над головой. От нее повеяло запахом женщины.

— Не умею, — сказал Паша.

— А я тебя научу. Я же пловчиха-разрядница. Тренером по плаванию работала. Давай, раздевайся.

Липа дернула за край Пашиной футболки. Он отступил за скамейку.

— Ну ладно, — согласилась Липа и, виляя бедрами, направилась к песчаному берегу. Медленно вошла по грудь в воду и поплыла, мощными толчками выбрасывая руки вперед. У дамбы она вышла из воды, села на бетонную плиту и помахала рукой. Поднялась выше и, разбежавшись, вытянув руки вперед, нырнула. Вынырнула почти на середине ставка. И поплыла, высоко выбрасывая из воды тело.

Она вышла на берег, часто и глубоко дыша, выжимая из своих локонов воду.

— Там твои козлы по степи не разбегутся?

— Не-а. Я их позову: козь-козь, они плибегут. Я их люблю, — слово «люблю» он произносил с ударением на первом слог.

— А я их боюсь, — призналась Липа. — они на чертей похожи. Паша помолчал, потом спросил:

— Это твой музик уехал?

— Костя? Да какой он мне мужик?! Он вообще не мужик.

— Он тут огулцы посадит?

— Дурную траву он тут посадит, — зло произнесла Липа.

Она спустилась к берегу и легла спиной на песок, подложив под затылок руки. Паша подошел к ней присел на корточки и не отрывал глаз от распростертого тела. Липа приподняла голову и вкрадчиво произнесла:

— Ты хочешь меня потрогать?

Паша подскочил и стал пятиться от нее, приговаривая: «Не-а, не-а...»

— Ты опять здесь блеешь, — услышал он за спиной. Обернулся — перед ним стоял босолобый знакомец. Но теперь его лоб закрывал щиток с узким стеклышком посредине.

— Липка, ты чего тут все свои сдобные места вывалила перед этим придурком?

— Ты свой гнилой язык заткни себе в задницу! — посоветовала ему Липа и села: — Придуростей тебя не бывает. Чего надо?

— Электроды давай, не хватило, — смиренно произнес бо-
солобый.

— Извини, Павел, надо поработать, — сказала Липа и под-
нялась. — Ты заходи, приятно с тобой поговорить.

На следующий день, собираясь на пастбище, Паша пересмотрел свой гардероб. Выбрал небесно-голубую сорочку с короткими рукавами и двумя накладными карманами на груди. Правда, изрядно мятую и с треугольной подпалиной от утюга на спине. К сорочке он подобрал синие спортивные штаны с белыми лампасами, как у Кости. Правда, штаны оказались длинноватыми и с жирными пятнами на заднице. Бесшумно пробравшись в дом, Паша нашел застарелый мамкин одеколон и обильно оросил им лысину.

Он выгнал стадо со двора раньше обычного и всю дорогу подгонял козлюков.

Расположившись на валуне у овражка, он стал пристально всматриваться в даль дороги за дамбой.

Площадка между насосной станцией и теплицей была пустынной. У теплиц добавилось металлических коромысел. Рядом с насосной станцией появилась трансформаторная будка.

Паша долго сидел на камне. Может, час или два. Работники запаздывали. Погода выдалась ветренная. По небу низко над землей ползли рваные фиолетовые тучи, заслоняя тусклое солнце.

Наконец до Пашиного слуха донесся приглушенный рокот автомобиля. И вскоре вдали на дороге показался белый микроавтобус. Он быстро приближался к дамбе, проскочил ее на полном ходу, лихо въехал на площадку и замер у насосной станции. Шумной гурьбой из автобуса вывалилась бригада работяг. Из водительской кабины выпрыгнула Липа. Сегодня на ней был синий рабочий халат. Тесноватый и коротковатый для ее фигуры. Две нижние пуговицы были растегнуты, и при ходьбе далеко выше коленей оголялись ее полные бедра.

Липа отомкнула дверь насосной, и работники стали вытаскивать наружу свое хозяйство. На теплицах мужики дружно закурили, и Липа присела на скамейку. Обернувшись на холм, увидела Пашу и помахала ему рукой.

Паша кубарем полетел вниз.

— Привет, Павел. Сегодня в тебе и не признать пастуха. По какому поводу такой прикид? — улыбалась Липа.

Паша пожал плечами, присел на скамейку и протянул Липе «Мохито».

— Пей, кусьно.

— О-о, нет. Я эту сладкую смерть не употребляю. Вот пиво люблю, в банках.

— Мамка любить пиво. С сухаликами, — сказал Паша.

— Ты с мамой живешь? Она тебя не обижает? — спросила Липа.

— Не-а, она холёсая. Я ее люблю.

Липа посмотрела на небо, сказала:

— Наверное, дождь будет. Совсем некстати. Мужики ра-
створ замесили.

Паша достал из нагрудного кармана сорочки цветную фотокарточку с заломленными углами, подал ее Липе.

— Я, интелнат.

— Ты в интернате жил? — спросила Липа, рассматривая фото.

— Да, дольго. Там плёхо.

— Ты тут такой молоденький, еще с рыжей шевелюрой. Новогодний праздник?

— Да, ёлка. Это тебе, на память.

— Ну спасибо, Павел, — Липа положила фотокарточку в карман халата и чмокнула Пашу в щеку.

И пошел дождь. Вначале редкие крупные капли прибили пыль на площадке, по ставку пошли круги, потом вода хлынула с неба сплошными полосами. Бросив теплицы, работники примчались к насосной и набились вовнутрь ее. Липа с водителем укрылись в кабине автобуса.

Паша, промокший до трусов, чуть ли не на четвереньках взбирался на холм. Козлюки сбились в круг и, задирая головы, громко блеяли.

Весь путь до дома Паша бежал впереди стада. Падал в лужи, валился в грязь у обочины дороги. И его нарядные одежды превратились в облепленное мокрой глиной тряпье. Он всё сбросил с себя во дворе у вагонетки и голым стоял под дождем, растирая себя руками.

Дождь утомился уже ближе к ночи. А поутру с новыми силами обрушился мочить землю.

Паша облачился в мамкин дождевик с капюшоном, обул резиновые сапоги и отправился разносить молоко. Зашел в пустынный магазин, купил всё, что мамка написала на бумажке, обойдясь без «Мохито».

Козлюки в загоне уныло питались увядшей травой и молодыми побегами кустарника, заготовленными Пашей на зиму. Он завалился в свою лёжку и стал слушать песни из приемника, думая, что по такой погоде ни одна машина не доберется до дамбы по раскисшей дороге. Да и какая может быть работа под таким ливнем?..

Как по небесному расписанию, к ночи дождь унялся. Но ранним утром едва просветлевшее пятнами небо затмили черные тучи, послышался далекий рокот грома и воздух наполнился шумом дождя.

И так продолжалось трое суток. Слюдяной рассвет четвертого дня порозовел на востоке и бледное солнце показалось на горизонте. Небо было чистым и спокойным, как стоячая вода в ставке.

Утром Паша вылетел из своего сарая, будто в нем случился пожар. Быстро управился со своими обычными делами.

В магазине женщины обсуждали минувшую дождевую стихию:

— Когда дожди нужны, спёка лупит. В огороде всё горит. А как уборочная начинается, так дожди льют.

— Мохиту давать? — спрашивает Люба.

— Не-а, пиво давай, в баньке.

— Я же тебе двушку в бутылке дала.

— В баньке дай, — настаивает Паша.

Люба качает головой и выставляет на прилавок жестяную синюю банку с нарисованными на ней пенистыми волнами.

— Ты на пасовысько собрался, Паша? — спрашивает из своего угла Николай, прихлебывая «три в одном». — Придется пару дней потерпеть твоим козам. Пока дороги подсохнут. До дамбы сейчас не добраться — грязюка по колени.

Козлюков Паша оставил в загоне. На всякий случай натянул на себя тесный мамкин дождевик, сунул в его карман банку пива.

Разъезжаясь сапогами на глине раскисшей дороги, Паша кое-как добрался до совхоза. За совхозом дорога к дамбе была занесена потоками воды с холма жухлой травой, мелким камнем. Озера больших луж тянулись по всей ее длине.

Паша возвратился домой.

Весь день разогревшееся солнце и душистый степной ветерок сушили землю. Прозрачное небо не предвещало дождя.

В шесть утра Паша был уже на ногах и бодр духом.

После дойки и похода к заказчикам молока и в магазин, он стал основательно снаряжаться на пастбище. В пастушью сумку он положил «тормозок», банку пива и серп, набросил на шею ремешок транзисторного приемника. Выпустил из сарая застоявшихся козлюков. За двором они растянулись нестройной шеренгой и быстрым ходом двинулись знакомым путем.

На подсохшей дороге к дамбе еще кое-где поблескивали лужицы, и Паша обрадовался, обнаружив на комьях глины свежие следы автомобильных колес.

За дамбой козлюки ринулись к берегу ставка на водопой. На площадке у насосной станции стоял черный внедорожник. Но дверь насосной была закрыта, а на теплицах — безлюдно.

Пока козлюки жадно обглаживали ветки кустарников, Паша вдоль берега пробрался к насосной и затаился за трансформаторной будкой. Спустя несколько минут дверь открылась. Вышел Костя, подтянул спортивные штаны. За ним появилась Липа, застегивая пуговицы рабочего халата.

— Теряешь квалификацию, Липка, — ухмыляясь сказал Костя. — Нет в тебе былого комсомольского задора.

— Да и ты, Костя, уже былую неутомимую стойкость утратил. Еще не на полшестого, но уже близко к этому, — улыбаясь, сказала Липа.

— Надо дорогу щебнем засыпать, — не в тему заметил Костя. — А здесь надо сортир поставить.

И, оттянув на животе резинку штанов, направился за угол насосной. И там он почти лоб в лоб столкнулся с Пашей.

— О-о! — воскликнул Костя. — Как говорится, на ловца и зверь бежит.

Паша хотел рвануть на холм, но Костя поймал его за рукав. — Завтра я привезу сюда овчарок и от твоих козлов останутся только рога. Понял?

— Ты козел! — улыбаясь, сказал Паша и включил висевший у него на груди приемник.

— Это ты мне сказал?!

— Ты козел! — повторил Паша и подкрутил колесико громкости до упора.

«Только небо, только ветер, только радость впереди», — неслось над ставком и улетало в степь.

— А ну выключи свою шарманку! — приказал Костя.

Паша оскалил свои звериные десны и выкрикнул ему в лицо: «Козел!»

Костя дернул за ремешок приемника, сорвал его с Пашиной шеи и, размахнувшись, забросил его чуть ли не на середину ставка.

— Лядио! — выкрикнул Паша и бросился к берегу.

Срывая пуговицы, Липа сбросила с себя халат и, оставшись в одних розовых трусиках, с разбега нырнула в воду. Доплыв до места, где по воде еще расходились круги от утонувшего приемника, Липа нырнула несколько раз и медленно поплыла к берегу. Выйдя из воды и накинув на себя халат, сказала Косте:

— Ну и мудака же ты!

— Придурок должен жить в дурдоме, а не среди нормальных людей, — изрек Костя и рассмеялся.

Паша бегал по берегу туда и обратно, кричал: «Лядио, мое лядио!» и руками вытирал на щеках слезы.

Липа обняла его и сказала:

— Павел, завтра я куплю тебе новое радио.

— Не-а, не-а! — помотал головой Паша и бросился к своей пастушьей сумке. Выдернув из нее серп, он поднял его над головой и побежал к Косте.

Липа перехватила его, обняла и осторожно высвободила из его руки серп.

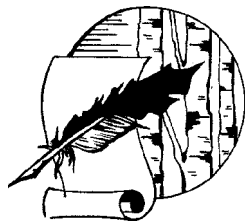
Паша вывернулся из ее объятий, подбежал к своей сумке, достал банку пива и размахнувшись, бросил ее в ставок далеко от берега. И стал быстро карабкаться вверх по крутому склону холма, то и дело выкрикивая: «Сволоть! Сволоть!»

Костя нервно ходил по площадке, приложив к уху мыльницу мобильного телефона.

Утром в сельском магазине Николай вещал покупателям свежую новость:

— А нашего Пашу закрыли в психушке, пожизненно. На теплицах молодка работала, вроде прорабши. Хозяйина баба. Вся такая вывихнутая. А Паша там коз пасет, стал к ней приставать, за сиськи хватать. Ну хозяин ему дал по мусалам и погнал от ставка. А Паша бросился на него с серпом. Ну хозяин ментов вызвал. Они Пашу часа два по степи ловили.

г. Луганск, ДНР

Олег ПОРТНЯГИН

Родился в 1948 году в г. Мариинске Кемеровской области. Служил на флоте водолазом-глубоководником. Окончил фил-фак Иркутского госуниверситета. Работал учителем русского языка и литературы.

Стихи печатались в журналах «Наш современник», «Кириллица» (Нижний Новгород), «Волга — XXI век» (Саратов), «Русское эхо» (Самара), «Сура» (Пенза), «Подъём» (Воронеж). Автор поэтических сборников «День рождения», «От любви и печали», «Излучина», «Мне жизнь такой привиделась», «Порядок слов», «Притяжение». Лауреат Всероссийской литературной премии им. Ивана Дмитриева и Губернской премии в области культуры и искусства за 2017 год.

Живёт в г. Сызрани.

ОТ ЛЮБВИ И ПЕЧАЛИ

ЗЕМЛЯ

Свет мой, свет..
Индевеющий пыл —
По упругим рябиновым веткам.
Поле пашнею, словно вельветом,
Тракторист от морозов прикрыл.
Отдыхает до срока земля,
Что вскормила и рожь, и рябину.
У неё — все равны и любимы.
Не забыла она и меня.
Не забыла в сумятице дней
Дать мне жизнь, одарить вот такого
Счастьем вымолвить тихое слово
Обо всём, что безмолвно на ней...

К ПРИРОДЕ ТВОРЧЕСТВА

Возьмите небесную твердь
И красной гуашью
Попробуйте сделать рассвет
Вчерашнего краше.
Возьмите у птиц голоса,
Попробуйте — песню.
Потом отпустите в леса,
Луга, поднебесье.
Ни песни у вас, ни зари
Не выйдет сначала.
Но пробуйте, чёрт побери,
Чтоб вдруг — зазвучало!
Пусть голос охрипнет совсем,
Кисть хрустнет в ладонях —
Уже гениальны вы тем,
Что нет вам подобных!
Соперникам не обойтись
Без вечной опаски,
Что голос ваш — в пении птиц,
В заре — ваши краски.

КЛЯТВА

И до Невы, и до Непрядвы,
И после, в дни народных бед,
Слыхала Русь такие клятвы,
Каких не слышал белый свет.

Клялись холопы и вельможи —
Все, кто не выжил из ума.
Но клятва в преданности всё же —
Ещё не преданность сама.

Другие не точили лясы.
Перед баталией любой
Никто из них ни в чём не клялся,
А просто шёл на смертный бой.

От смертоносного металла
Погибли многие в те дни.
И смерть в бою их клятвой стала,
Что не предатели они!

КУКУШКА

В тишине размеренно и скучно,
Не суля ни радостей, ни бед,
Отсчитала нынче мне кукушка
На житьё-бытьё двенадцать лет.
Почему не меньше и не больше?
Может, правда, столько по судьбе?
И ведь что обидно — не поспоришь
И не накукуешь сам себе.
Но зато махнёшь в глухие дали, .
Подождёшь кукушку в тишине:
Вдруг лесная больше нагадает,
Чем в часах, стучащих на стене?

МУЖИКИ И БАБЫ

Не, мужики, бесполезно:
Это не цирк шапито.
Если уж падаешь в бездну —
Не остановит никто.

Разве что русская баба
Схватит за шкирку тебя,
Глянет с улыбкою, дабы
Понял, что это — любя.

И ведь найдёт она выход,
И не поднимет на смех.
Жаль, мужики, баб таких вот
Нам не хватает на всех.

НА ВЕТЛУГЕ

Боже мой, как там птицы кричали!
И летели потерянно прочь...
Это я от любви и печали
Плакал их голосами всю ночь.
Это я так раскидывал руки,
Что казалось: вот-вот воспарю

Над пустынным простором Ветлуги,
Чтобы встретить пораньше зарю.
И, вернувшись, увидели птицы
Из предутреннего тальника,
Как я в птицу хотел превратиться
И не мог превратиться никак.
Было это природы проклятьем
Иль ее проявлением любви?
Но не смог я в ту ночь стать крылатым.
Что ж, опять проживу меж людьми.
Но однажды крылами взмахну я.
Ты, природа, тогда не перечь.
Даже если потом не миную
Дробь охотничью
Или — картечь.

ОСЬМУШКА

Страну не сберегли
Ни словеса, ни пушки.
Шестая часть Земли
Ужалась до осьмушки.

На запад и восток
Раскинулась планета.
Но лакомый кусок —
Лишь здесь, осьмушка эта.

Вокруг неё — зверьё,
Оскаленные пасти,
Готовые на всё,
Чтоб рвать её на части.

Теперь не до словес,
Но в арсенале пушки
У нас такие есть,
Что не отнять осьмушки.

Всех гадов не побьём,
Опять проявим жалость.
Но если пасть порвём —
Уж вы не обижайтесь!

А. П.

Ты наденешь платьице в горошек,
Я рубашку в клеточку возьму.
Вот таких, красивых и хороших,
Мы покажем городу всему.

Может, позавидуют нам люди,
Даже позлословят. Что с них взять?!
Но зато у тёщи радость будет:
Экий у неё завидный зять!

А потом за тещею, конечно,
В радость окупётся и свекровь.
Это всё так искренне и нежно,
Если настоящая любовь!

Снимков понаделаем хороших,
Чтоб увидеть через много лет:
С платья не осыпался горошек,
И рубашка сохранила цвет.

СУДЬБА

Банку тушёнки нежно вспороть,
В кружки набулькать спиртяжки.
Да не сдадутся ни души, ни плоть,
Как наши ноши ни тяжки!
Это лишь кажется, что налегке
Жизнь мы размашисто мерим.
Держит судьба нас в своём кулаке
Так, что и пикнуть не смеем.
Но разжимаются пальцы подчас
И у судьбы на мгновенье.
И уж тогда не удержите нас
Вы, ни пространство, ни время!
Шпарим зигзагами и по прямой —
Как на дистанции спринта.
Даже дышалку сбивает порой,
Словно от чистого спирта.

Пусть мы под небом встаём на постой,
Пусть обморожены щёки.
Лишь не валяться бы банкой пустой
Из-под говяжьей тушёнки.

ПОМНЮ

Одних война убила наповал,
Других годами убивала болью.
Тому, кто под бомбёжку не попал,
Могло не повезти на минном поле.

Я помню покалеченных войной:
Хромых, безногих — в самых разных видах.
Они сегодня вновь передо мной —
На костылях, в колясках инвалидовных.

Стучат неторопливо костыли,
На солнышке блестят колясок спицы.
Фронтовики проехали, прошли
По детству моему, чтоб не забыться.

И пусть калек не звали на парад —
Любой из них достоин пьедестала.
Не будь их, ног лишившихся солдат, —
Страна бы на ногах не устояла.

ПРИНЦЫ

Смешно вам, но честное слово:
Девчонка серьёзно вполне
Ждала жениха не простого,
А принца на белом коне.
Монархи ли отпрысков прячут,
Дороги ли криво легли,
Но принцы никак не доскачут
До нашей российской земли.
И сколько их ждать, этих принцев?
Сомнителен этот процесс.
У принцев, наверное, принцип:
Скакать напрямиком до принцесс.
Да если присмотришься всё же
Получше к сынкам королей —

У многих ни кожи, ни рожи,
Не то что у наших парней.
И сколько бы вы ни ворчали,
Девчонки, к чему ваш каприз?
Царевич на сером волчаре
Прискачет скорее, чем принц.

СКОРЫЙ

Скорый поезд «Самара—Москва»
Рассекает со свистом пространство.
Вроде только уснул ты едва,
Как в столице пора просыпаться.

Погуляешь в Москве день-другой,
Подустанешь от шума да гула
И почувствуешь: тянет домой —
Так, как даже в Москву не тянуло.

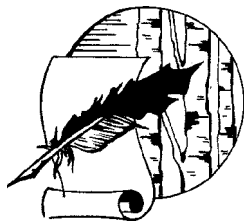
Ты успеешь опять в скорый сесть.
По пути повстречаешься с Инзой.
Можно было бы выйти и здесь,
Если б не было станции Сызрань.

То и дело глядишь из окна:
Перелески, поля, косогоры...
Где же Сызрань? Да где же она?!
Что ж ты едешь так медленно, скорый?

СТРАНА

Ребята, видно, мы не поняли,
Зачем нам Господом дана
От Балтики и до Японии
Раскинувшаяся страна.
Не поняли, зачем на нехристей
Водил дружины князь Донской,
Зачем с такой жестокой нежностью
Кутузов жертвовал Москвой.
А понимать и помнить надо бы
Всё, что пришлось перенести.
И ставить вновь стальные надолбы
У лихоимцев на пути.

Они, проныры закордонные,
И свой, отечественный тать,
Марш похоронный нашей Родине
Готовы запросто сыграть.
Но мы живём назло всем выжигам.
Свой, хоть и горький, хлеб жуём.
И — дайте срок! — не просто выживем,
Не хуже прочих заживём.
Чтоб и они однажды поняли,
Зачем нам Господом дана
От Балтики и до Японии
Раскинувшаяся страна.

Нина ПОПОВА

Я ПОСАДИЛА САД...

ПРЕДВЕСТЬЕ

Проснулась степь — раздольна и прекрасна,
Увенчана ковыльным серебром,
Ветрам полынным яростным подвластна
И зоревым омытая костром.

Растаяла полночная прохлада,
Вчерашнее встречает новый день,
Бросая в мир пригоршни звездопада,
И побеждая сумерки и тень.

В особый час на стыке тьмы и света
Пространство раскалилось добела
И настежь распахнулось для поэта,
Чтоб всё живое превратил в слова.

Неразделимый со своим народом,
Куда б ни привела судьба его,
Он обвинитель и защитник рода —
Он с каждым предком сохранил родство:

Тот возносил кресты над куполами,
Другой свергал их с Божьей высоты —
Противоречья властвуют над нами,
Темна душа, хоть помыслы чисты...

И тайну, и ответ хранит предвестье.
Звенит эпохи грозной тетива.
На путеводном звёздном перекрестье
Целительно горчит полынь-трава...

ВЕНЯ

Веселилась кофейня,
Плыл игривый вокал,
Бомж по имени Веня
Молча рядом стоял.

Обжигаясь душою,
С виду невозмутим,
Улыбался порою
Горьким думам своим.

Постаревший до срока,
Жизнью выжжен дотла,
Прозябал одиноко,
Где судьба отвела.

Он смирился однажды,
Что на свете чужой,
Он вчера точно также
Простоял у пивной.

Громкий хохот, напевы,
Балагур-тамада.
Никому нету дела,
Что у Вени беда.

Злая вьюга-подруга
Завывает вослед —
Ни жены нет, ни друга,
Эх, чего только нет!..

...Спросят, что тут такого?
И при чём, спросят, мы?
Зарекаться не ново
От суммы да тюрьмы...

ПОЛКАН

Пропал на днях Полкан —
Лютее нет в округе...
И пьяница Иван
Рыдает с похмелюги:

— Замёрз бы я и сдох,
Давно б лежал в могиле,
Но лаял кабыздох —
На помощь приходили!

Носил не только блох...
Как выпьет Ванька горькой,
На закусь пустобрёх
Таскал куски с помойки.

Хозяйский слушал бред
Про то, что жизнь — паскуда...
Был друг Полкан и — нет
Надежды ниоткуда.

...И жалится Иван
На клятую судьбину,
И слёзы льёт в стакан,
Оплакивая псину...

* * *

Чтоб душу отогреть любовью,
Из будней вырвалась с трудом
И уезжаю в Подмосковье,
В тоскующий без мамы дом...

Помедлю на родном пороге,
Где прошлое живёт всегда,
Чтоб улетучились тревоги
И упорхнули в никуда.

Печуркой старенькой согрета,
Расправлю мамину кровать —
На ней так сладко до рассвета
О незабытом вспоминать.

А утром радостно и босо
По лужам шлёпать день-деньской,
Пусть ветры выются, словно косы,
Над суперстрижкой городской.

Под мелодичный всхлип калитки
В наш сад спускается звезда,
Что помнит мамины улыбки
И светит мне через года.

И мамой вязаное платье
Со скрипом мне вернёт комод...
И только мамины объятия
Никто на свете не вернёт.

* * *

Гребёнка леса небо расчесала,
И ленту алую заплёл закат...
Для счастья нам так много и так мало
Необходимо в череде утрат.

Пронзительнее нету ощущения,
Когда в душе покой и благодать...
Природы вековечное движенье
Нам призвано о том напоминать.

Дождь распелует щёки и ладони,
Снежинка прослезится на виске,
И облаков стремительные кони
Растают в закурганном далеке...

С печалью никому не разминуться,
Но и в печали счастье нам дано.
Судьбы благословенные минуты
Храним, как драгоценное вино.

Багровое на небе в час заката,
Небесное вино сулит рассвет...
Для счастья нам совсем немного надо,
Ведь счастье в нас, и в этом весь секрет!

ВЕСНА

Из вешней песни рвался ветер —
Из каждой ноты и строки,
И день был живописно светел,
И яростны его мазки.
И превращались тучи в парус,
Ложась на синюю волну...
Лучей лирический стеклярус
Искрил, приветствуя весну.
Взрывались новой жизнью почки,
Листва на божий свет рвалась,

И в каждом маленьком листочке
Весна свою являла власть...
Художник, позабыв усталость,
Спешил весну запечатлеть...
А песня с ветром обнималась,
Врываясь в солнечную медь.

* * *

Я посадила сад... В моём саду
Ни деревца и ни травинки лишней.
Однажды тенью я в него приду
Во времени далёком или ближнем.

Приду с метелью, что белым-бела,
Снежинкою растаю на беседке,
И яблонька, что без меня росла,
Доверчиво свои протянет ветки.

Тропинкою пройду за поворот,
Увижу то, что я ещё не знаю.
И миг пройдёт, и день пройдёт, и год,
И жизнь пройдёт... короткая такая...

Покину сад спокойно. Не спеша.
У вечности шаги всегда неспешны.
И позабудет хрупкая душа
И сад земной, и путь земной и грешный.

Но верю я, что на изломе вех,
О вечном не помыслив даже вкратце,
Усталый незнакомый человек,
Войдя в мой сад, захочет в нём остаться.

ЖЕНЩИНАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Им рухнула на худенькие плечи
Такая ноша — Боже, упаси:
И вдовый плач, и кровь, и боль увечий,
И смерч войны, и стон родной Руси.

Но лёгкой доли женщины не ищут:
Уж так у нас ведётся испокон:
Им поднимать страну из пепелища,
Тайком молиться у святых икон.

Им ждать-пождать с войны родных подранков:
Любимых сыновей, мужей, братьёв.
Лечить их раны и терпеть их пьянки —
Никак не могут выйти из боёв...

Так мало хлеба, а беды так много.
Но негасим лампадок тихий свет!
Российских женщин вечная дорога...
Ну, а другой дороги просто нет.

СОЛДАТКИ

Травую поросли окопы,
Оставив на земле рубцы...
Не зарастут вовеки тропы,
Чтоб поклониться вам, бойцы!

Могилы здесь, а не пригорки.
Печально журавли кружат.
Под насыпью години горькой
Лежит Отечества солдат...

Скорбящим над могилой братской —
Земной почтительный поклон:
Сияет в подвиге солдатском
Отвага матерей и жён.

Покуда, преданы присяге,
Вы знали — отступить нельзя,
Они хранили вас в атаке,
За вас молитвы вознося.

Верны негаснувшей печали,
Солдатки чести и любви
Вас на прощанье обнимали
И память сохранить смогли.

Назло фашистскому отребью,
Вы дружно встали, как один!..
... Любимых окликает в небе
Высокий журавлиный клин.

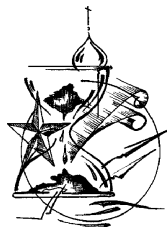
Пусть возвышается твердыней
Страна Бессмертного Полка,
Где скромненький платочек синий
Сжимает женская рука!

г. Москва

ПОЧЕМУ РАСТЁТ РЕЙТИНГ СТАЛИНА

9 февраля 1946 г. кандидат в депутаты Верховного Совета, председатель Совета Министров (тогда ещё Совнаркома) СССР И.В. Сталин выступил перед своими избирателями. Состояла речь из двух частей — отчёта партии и правительства о проделанной за 8 лет работе (со времени прошлых выборов в Верховный Совет) и о планах работы на первую послевоенную пятилетку (1946—1950), четвёртую по счёту. В первой части он много места отвёл недавно закончившейся войне, анализу причин её возникновения и причин победы над фашистским блоком, мужеству и героизму советского народа. Вторая часть была короче:

«Теперь несколько слов насчёт планов работы коммунистической партии на ближайшее будущее. Как известно, эти планы изложены в новом пятилетнем плане, который должен быть утверждён в ближайшее время. Основные задачи нового пятилетнего плана состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или

менее значительных размерах. Не говоря уже о том, что в ближайшее время будет отменена карточная система, особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путём последовательного снижения цен на все товары и на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы. Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим учёным, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны.

Что касается планов на более длительный период, то партия намерена организовать новый мощный подъём народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем. Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Менее чем через месяц, 18 марта, на первой сессии вновь избранного Верховного Совета был принят «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР». План предусматривал не только восстановление разрушенной войной экономики, но и увеличение довоенного уровня национального дохода в 1,4 раза, промышленного производства на 48%, в том числе черной металлургии на 35%, электроэнергии — на 70%, добычи угля — на 51%, нефти — на 14%.

План был перевыполнен по всем показателям: в 1948 году промышленное производство достигло довоенного уровня, а к концу пятилетки национальный доход вырос в 1,64 раза, выпуск промышленной продукции — на 73% по сравнению с 1940 годом. («Планы на более длительный период» были выполнены уже к 1960 году. На это ушло не три, а всего две «новые пятилетки» — таково было «ускорение», приданное в 1946 году.)

Было восстановлено и построено более 6200 промышленных предприятий, восстановлены ДнепрогЭС, Сталинградский тракторный, Кировский в Ленинграде, южные металлургические заводы и все остальные довоенные гиганты. Построены турбинный завод в Калуге, станкостроительные

заводы в Коломне и Рязани, свинцово-цинковый комбинат в Усть-Каменогорске и т.д., построены десятки электростанций, восстановлены сотни километров железных дорог, начато строительство крупнейших электростанций и оросительных каналов. Заводы по заранее свёрстанным планам переходили с выпуска военной продукции на гражданскую.

Лишь в сельском хозяйстве результаты оказались скромнее, причиной чего была засуха в 1946 г. и последствия войны (убийство и увод в плен оккупантами миллионов сельских жителей, уничтожение и разграбление ими сотен колхозов и МТС, хищение и истребление миллионов голов лошадей и домашнего скота).

Но это не всё. Восстановлены или заново отстроены десятки разрушенных городов и сотни деревень, в городах и рабочих посёлках введены жилые дома общей площадью 88 млн. кв. м, в деревнях — 113 млн. кв. м, построено множество школ, больниц, детских садов, пионерских лагерей.

Но и это не всё. В 1947 году были отменены карточки (даже в Англии они оставались до 1951 года) и проведена исключительно грамотная денежная реформа, которая привела к долговременному укреплению курса рубля (она, правда, ударила по людям, хранившим крупные суммы «под подушкой»), и тогда же началось тщательно продуманное ежегодное снижение розничных цен на продукты питания и товары народного потребления. В 1950 году была проведена ревальвация рубля: цена доллара снизилась с 5,3 до 4-х руб.

Жизненный уровень населения неуклонно рос, убытки же от снижения цен государство покрывало за счет роста налога с оборота, не повышая ставки налога, а налог рос пропорционально росту оборота, т.е. росту объёма торговли. Вклады населения в Сберкассу увеличились в 16 раз. За 5 лет рождаемость выросла с 20 до 26,7 чел. на 10 тыс. жителей, смертность снизилась соответственно с 15 до 9,7 чел., прирост населения составил 12,5 млн. чел.

Как такового социального расслоения не было. Чётко срабатывал социалистический принцип: «от каждого — по способностям, каждому — по труду», и высокие зарплаты руководителей предприятий воспринимались как явление естественное, тем более что зарплату им назначало государство, а не они сами себе. Крупные руководители, кроме зарплаты, имели дополнительные привилегии (закрытые распределители, дачи и пр.), но привилегии служебные, а не наследственные. Масштабы «коррупции» ограничивались шоколадками, коробками конфет да бутылками коныяка. За настоящую коррупцию надолго сажали в тюрь-

му или расстреливали, а потому коррупции при Сталине практически не было.

Наконец, самое главное: народ верил власти и твёрдо знал, что завтра он будет жить лучше, чем сегодня.

Эти фантастические результаты, названные за рубежом экономическим чудом, были достигнуты, конечно же, не каторжной работой заключённых, как твердят маньяки-антисталинисты, а в силу целого ряда причин. Здесь и энтузиазм народа, поддерживаемый грамотной агитационно-пропагандистской работой, здесь и произведения литературы и искусства, и развернувшееся воистину массовое рационализаторское движение, и эффективная деятельность учёных, и блистательная работа талантливых организаторов промышленности (как сейчас говорят, «эффективных менеджеров») — от начальников цехов до министров, и многое другое. Если объединить все причины, то это и будет та самая **национальная идея**, соединившая народ и власть в неразрывный сплав для решения общенациональной задачи, — восстановить страну, обеспечить её военную безопасность, экономическую и политическую независимость.

Всё это было сделано с опорой на собственные силы, если не считать репараций, полученных от Германии, Италии, Венгрии и Финляндии, и если не считать 4-х (по другим оценкам 5-ти) миллионов военнопленных, работавших в народном хозяйстве. Мало того, СССР оказал огромную материальную помощь странам Восточной Европы — от Болгарии до Польши — в восстановлении экономики и в устранении угрозы послевоенного голода и эпидемий (об этом там предпочитают не вспоминать).

И что очень важно, страна обошлась без внешних долгов. Ещё в январе 1945 года нарком иностранных дел В.М. Молотов обратился к правительству США с просьбой о займе 6-ти млрд. долл. сроком на 10 лет, но в апреле умер благожелательно относившийся к СССР Ф. Рузвельт, а новый президент Г. Трумэн обложил заём политическими условиями, на что советское правительство, конечно, не пошло. Дальновидно оно отказалось и от вступления в Международный валютный фонд и Всемирный банк, находившиеся под контролем США.

Единственным отступлением от пятилетнего плана было смещение акцентов с лёгкой промышленности на тяжёлую, но вина за это лежит не на Сталине и его правительстве. Вина — в холодной войне, начало которой положил 5 марта того же года бывший премьер Великобритании У. Черчилль в печально знаменитой Фултонской речи в США. Стало ясно, что о полном переходе на мирные рельсы мечтать ещё долго

не придётся. Придётся усиленно укреплять обороноспособность страны, создавать передовые виды оружия — атомную бомбу, ракеты, реактивные самолёты и т.д. Всё это было создано в годы Четвёртой пятилетки и всё это потребовало дополнительного напряжения народных сил, но результат был достигнут: холодная война не переросла в горячую. (Как известно, по плану «Троян» американцы намеревались 1 января 1950 г. сбросить на советские города 300 атомных и 20 тысяч обычных бомб, но у Советского Союза уже была атомная бомба, и когда аналитики подсчитали, что «Троян» может плохо кончиться для самой Америки, план отменили.)

Таковыми были итоги первой послевоенной пятилетки. Сравнить их с итогами последней современной «пятилетки» как-то даже неприлично. Что можно о ней сказать? Что продолжается разрушение экономики? Что продолжается обогащение олигархов и обнищание народа? Что усиливается зависимость от тёмных международных сил? Что русский народ вымирает, а число иноземцев растёт? Что будущее России, даже ближайшее, покрыто мраком?

Стоит ли удивляться, что рейтинг Сталина растёт? Впрочем, не будем о грустном. Лучше сядем у телевизора, посмотрим новости, послушаем политобозревателей, и настроение сразу станет лучше.

ИНСТРУМЕНТ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

В дни, когда в России вспоминают память жертв репрессий конца 30-х годов прошлого века, нельзя не сказать об одной очень важной и актуальной для сегодняшнего дня проблеме — использовании этого события для продвижения неолиберальных идей в России и на всем постсоветском пространстве в целом.

Действительно, тема Большого террора 1930-х гг. является очень важной в осмыслении того, какой была история нашего отечества. Мы уже писали о том, что современные так называемые неолиберальные интеллигенты любят использовать тему Большого террора для обоснования своих революционных идей. На это имеются свои причины.

Почему неолибералы вспоминают только о Большом терроре 1937—1938 гг? Одним из средств современной неолиберальной антирусской пропаганды является дискредитация России через отрицание достижений развития ее советского исторического периода, который, как правило, замазывают преимущественно чёрной краской, где инструментом как раз и выступает период Большого террора 1937—1938 гг.

Согласно тексту приказа НКВД № 00447, в период Большого террора преследованию подвергались так называемые антисоветские элементы, в роли которых выступала в основном творческая интеллигенция, священнослужители, военнослужащие и т.д. Расстрел, кстати, был самой крайней мерой. В основном людей арестовывали и ссылали в лагеря по абсурдным политическим мотивам.

Годы Большого террора 1937—1938 гг. после знаменитой речи Н.С. Хрущева о культе личности И.В. Сталина на XX съезде КПСС стали трактоваться исключительно как следствие злоупотребления властью одним человеком. Эта линия интерпретации была активно подхвачена антисоветской, а точнее сказать, антирусской пропагандой, которая стала рупором распада СССР.

К слову сказать, именно под маркой недопущения возвращения к сталинским репрессиям нашему отечеству сегодня насаждаются западные неолиберальные идеи вроде закона о насилии в семье, гендерного равенства, феминизма, ювенальной юстиции и прочих, где мужчина рассматривается исключительно как агрессор и источник насилия, а женщина и ее ребенок — как жертва этого насилия. Некоторыми это делается ошибочно, поскольку образ Сталина у них сформировал образ мужчины-тирана и агрессора, а некоторыми — вполне осознанно. И этому также есть свое объяснение.

Так почему Большой террор 1937—1938 гг. все-таки случился? На самом деле реальной целью Большого террора 1937—1938 гг. было уничтожение вождей и проводников революционных идей — Н.И. Бухарина, Г.Е. Зиновьева, М.Н. Тухачевского, ну и самого Л.Д. Троцкого, убитого в 1940 г. Эта цель стала следствием не какой-то там политической конкуренции Сталина с Троцким, а исторического поворота в сторону ликвидации политики англо-американского влияния, которое насадили троцкисты-большевики в годы Гражданской войны 1917—1922 гг.

Но помимо Большого террора в конце 1930-х гг. Советское государство переживало особые перемены. Объективный взгляд на исторический период второй половины 1930-х гг. заставляет оценить тот культурно-исторический вектор, который в целом был взят в это время и на то понимание истории, которое в эту эпоху сложилось. А вектор этот заключался в возвращении к подлинным патриотическим образам русской истории — полководцу Суворову, князю Александру Невскому, царю Иоанну Грозному, руководителям русского ополчения Минину и Пожарскому.

В культуре воспитательную функцию взяла на себя русская литература во главе с А.С. Пушкиным (пусть даже в ряду с А.М. Горьким), 100-летнюю память которого праздновали в 1937 году на государственном уровне, издав полное академическое собрание сочинений поэта и устанавливая памятники поэту чуть ли не в каждом крупном советском городе.

В семейном отношении был введён запрет на аборт, восстановлено утраченное в результате революции уважение к старшим, возвращён почёт профессии учителя. В школах была предпринята попытка вернуть поло-ролевое раздельное образование, когда мальчики и девочки учились отдельно друг от друга, как это было до 1917 года.

В результате военной реформы была также произведена милитаризация предприятий, возвращены традиционные воинские звания — лейтенант, майор, полковник и т.д., а также была предпринята попытка восстановить казачество.

Продавая зерно на Запад и покупая взамен станки для промышленных предприятий, в результате индустриализации Советское государство к началу Великой Отечественной войны смогло не только ликвидировать отставание в военном производстве от высокоразвитых капиталистических стран, но и обогнать некоторых конкурентов.

Конечно, жертвами Большого террора 1937—1938 гг. оказались и невинные люди. В стране повсюду господствовал воинствующий атеизм. Особенно в этой связи стоит упомянуть духовенство собора новомучеников и исповедников Русской Церкви. В.В. Кожинов пишет, что в результате Большого террора 1937—1938 гг. было расстреляно более 680 тыс. человек (а не 30 млн., как кричат об этом сегодня неолiberaлы и неотроцкисты).

Мы ни в коем случае не преуменьшаем этой большой русской трагедии, в которую в итоге вылилась политика Большого террора. Только на одном Бутовском полигоне было расстреляно 940 священнослужителей и мирян, которых НКВД определило как контрреволюционеров. Мы лишь пытаемся взглянуть на эти события объективно. Объективный взгляд указывает не на «замену злых людей добрыми, а на глубокое изменение климата в стране», как писал В.В. Кожинов. Изменение было настолько глубоким, что революционеры во главе с Троцким стали отовсюду заявлять о предательстве идеалов революции, о реабилитации царизма, что было откровенной ложью. На самом деле, объективно наступал период контрреволюции, о чём сам Троцкий и напишет в своей знаменитой книге «Преданная революция».

Нам нужен день памяти жертв Гражданской войны 1917—1922 гг. В годы Гражданской войны 1917—1922 гг. никаких достижений не было. Наоборот, задача троцкистов заключалась в «переделке людей», а точнее, в полном уничтожении русского народа, русской традиции, русского самодержавия, русской интеллигенции и русской семьи с целью совершения мировой пролетарской революции. О чём, например, писал тот же Н.И. Бухарин: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов... является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи...»

Этот англо-американский курс троцкистов не случайно получил название Красного террора, который, к слову сказать, оказался намного страшнее Большого террора 1937—1938 гг. Это был так называемый индивидуальный террор, совершаемый руками ненавистников всего того, что было так или иначе связано с историей, культурой Российской империи и духовно-нравственными основами русского общества. Во главе этого движения к мировой революции стояли идеолог В.И. Ленин, вождь мирового большевизма Л.Д. Троцкий и партиец-революционер Я.М. Свердлов. По подсчётам историков в годы Гражданской войны было убито от 8 до 13 млн. русских людей. Результатом этой войны стало уничтожение традиционных устоев русской цивилизации, истребление дворянства, крестьянства, духовенства, казачества и интеллигенции в целом как класса, а также разрушение института традиционной русской семьи. Людей брали в заложники, а расстрел велся практически без суда и следствия. Сами же террористы, как писал Троцкий, рекрутировались «исключительно из среды советской молодежи, из рядов комсомола и партии, нередко из отпрысков правящего слоя».

Если мы не осмыслим сегодня правильно трагедию нашей отечественной истории XX века, в том числе и период Красного и Большого терроров, нас ждут большие беды и принятие неотроцкистских идей с его трансгендерной антропологией и разрушением человека как такового.

Считаю, что для объективации, переосмысления и подлинной оценки этих исторических событий помимо дня памяти жертв Большого террора необходимо также установить в календаре день памяти жертв Красного террора и Гражданской войны 1917—1922 гг. Ведь собор новомучеников и исповедников Русской Церкви состоит не только из жертв Большого террора, но также и Красного, о которых, собственно, сегодня мало кто вспоминает.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СОЮЗА

8 декабря 1991 года в белорусских Вискулях было подписано «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств» (СНГ). Документ подписали высшие должностные лица и главы правительств трёх союзных республик: Станислав Шушкевич и Вячеслав Кебич от Белоруссии, Борис Ельцин и Геннадий Бурбулис от Российской Федерации (РСФСР), Леонид Кравчук и Витольд Фокин от Украины. Оправдывали они себя тем, что раз мы учреждали Советский Союз, мы и расторгаем. Однако учреждали-то Союз эти республики вместе с Закавказской федерацией. Но эти юридические тонкости их не смущали.

По словам Шушкевича, «мы собрались 7 декабря 1991 года в Вискулях, чтобы обсудить вопросы поставок нефти и газа на Украину и в Белоруссию».

По словам Кравчука, встретиться без Горбачёва и решить вопрос о Союзе они решили, ещё гуляя по Новоогарёвскому парку в перерывах между заседаниями. Шушкевич предложил Беловежскую пушу, поскольку в Москве «всё будет давить, Украина тоже большая».

УРОКИ ИСТОРИИ

Кебич, возглавлявший в то время белорусское правительство, утверждает, что инициатором Беловежских соглашений выступила российская делегация, а само подписание было спонтанным. По его словам, «всё это знал один Ельцин».

Он же первым решил порадовать своего друга, президента США. Позволив в Вашингтон, Б.Н. Ельцин отчитался перед дорогим Джорджем: «Мы договорились и буквально несколько минут назад подписали соглашение. Господин президент, мы лидеры трёх стран — Белоруссии, Украины и России, учитывая, что переговоры по новому союзному договору зашли в тупик, считаем образование независимых государств свершившимся фактом».

В Соглашении констатировалось прекращение существования Союза ССР как «субъекта международного права и геополитической реальности» и заявлялось о создании Содружества Независимых Государств.

Но не все были рады той встрече. Народный депутат Виктор Алкснис рассказывал: «Как только руководителям КГБ Белорусской ССР стало известно о намерении Ельцина, Кравчука и Шушкевича подписать соглашения, ликвидирующие СССР, об этом было немедленно доложено в Москву, в том числе и Горбачёву. В Вискули выдвинулся спецназ КГБ Белоруссии, окруживший лес в районе охотничьей резиденции и ожидавший приказа на арест ликвидаторов СССР. В ответ из Москвы было приказано находиться на позициях и ждать команды. Но команды так и не поступило...»

Ни президент СССР М.С. Горбачёв, ни руководитель КГБ СССР В.В. Бакатин, ни генеральный прокурор СССР Н.С. Трубин не усмотрели в этом ничего криминального. Страна распадается? Ну так что ж, наверное, это объективный процесс...

Даже тогда ещё была возможность предотвратить распад страны. Большая часть офицерского и рядового состава спецслужб и армии была готова защищать единство Родины. Но если на самом веру предатели, то ничего поправить невозможно.

Через несколько дней Беловежское соглашение было ратифицировано Верховным Советом РСФСР при усиленном давлении спикера парламента Руслана Хасбулатова. Затем последовала денонсация Договора об образовании СССР.

Члены Верховного Совета (Илья Константинов, Сергей Бабурин и Виталий Севастьянов) настаивали на том, что согласно статье 104 действовавшей на тот момент Конституции для ратификации Соглашения необходимо было созвать высший орган государственной власти — Съезд народных депутатов. Соглашение затрагивало государственное устройство республики как части Союза ССР и тем самым влекло за собой изменения Российского Основного закона.

В свою очередь народные депутаты СССР Александр Оболенский и Владимир Самарин начали сбор подписей за созыв чрезвычайного VI Съезда народных депутатов СССР. Под обращением к президенту СССР и Верховному Совету СССР с предложением созвать Съезд подписалось 397 депутатов. Но ответом было красноречивое молчание.

11 декабря Комитет конституционного контроля СССР сделал заявление, в котором указывалось, что одни союзные республики не вправе решать вопросы, касающиеся прав и интересов других союзных республик, и поэтому содержащаяся в Беловежском соглашении констатация того, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает своё существование», может рассматриваться лишь в качестве политической оценки ситуации, не имеющей юридической силы. Также в заявлении говорилось, что органы власти СССР могут прекратить своё существование только «после решения в конституционном порядке вопроса о судьбе СССР».

Но процесс разрушения единого государства при попустительстве президента СССР уже невозможно было остановить.

На встрече в Алма-Ате президенты Азербайджана, Армении, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Таджикистана, Узбекистана, Туркмении приняли решение о присоединении к СНГ.

22 декабря в Москве у ВДНХ состоялся многолюдный митинг против ликвидации СССР («Марш голодных очередей»). Но демократы учитывают мнение народа только тогда, когда нужно добиваться своего. Насколько помню, известный в то время, а ныне забытый депутат Н.И. Травкин сказал на том митинге, что единственное положительное в этом событии заключается в том, что мы наконец-то избавились от Горбачёва.

О своей отставке Горбачёв первым «предварительно сообщил» главе Германии Гельмуту Колю ещё 20 декабря. Было решено, что официальное объявление об отставке Горбачёва по телевидению прозвучит 25 декабря. До этого президент СССР доложил Джорджу Бушу-старшему, что тот может встречать Рождество спокойно, — коды от ядерных ракет будут переданы Ельцину без эксцессов.

Как это происходило, описал сам Борис Николаевич в книге воспоминаний «Записки президента»: «Мы встретились с ним в Кремле 24 декабря. У него в кабинете. Последний раз я ехал на встречу с президентом СССР. Это был тяжёлый, долгий разговор. Продолжался он несколько часов, позже к нам подключились Александр Яковлев и помощник Горбачёва Шахназаров. Горбачёв, конечно, понимал, к чему

идёт дело, всё это не было для него неожиданностью, так что «отступную» он готовил долго и тщательно».

25 декабря президент СССР М.С. Горбачёв объявил об отставке. Он своё дело сделал. С чем его и поздравил президент США Буш: «Я бы хотел выразить публично и от имени американского народа свою благодарность ему за годы неизменной приверженности миру во всем мире и свое личное уважение к его интеллекту, дальновидности и мужеству. Благодаря президенту Горбачеву произошло одно из самых важных событий этого столетия — революционная трансформация тоталитарной диктатуры и вызволение его народа из её удушающих объятий».

В восторге была и М. Тэтчер: «Это великий человек... Он вернул свободу странам Восточной Европы... Он впервые подарил её народам Советского Союза. Настоящую личную и политическую свободу. Это огромное свершение...»

Ночью в Кремле спустили государственный флаг Советского Союза и подняли трёхцветный российский.

Прощание с Горбачёвым в стране было будничным. Газета «Известия» сообщила: «Президент России Борис Ельцин утром 27 декабря уже занял кремлевский кабинет бывшего президента СССР Михаила Горбачева».

По мнению ближайших сотрудников Горбачева, это случилось быстро. Даже слишком. Предполагалось, что Михаил Сергеевич в спокойной обстановке доделает свои дела, связанные с отставкой. «Когда сегодня, 27 декабря, М. Горбачев появился по своим... делам в Кремле, в его кабинете уже сидел Б. Ельцин. Бывшему президенту ничего не оставалось, как спуститься этажом ниже к бывшему руководителю своего аппарата Григорию Ревенко, чтобы в его кабинете довершить оставшиеся дела».

Вот как об этом вспоминает член президентского совета В.А. Медведев: «27 декабря, в полдень, я позвонил в приемную Горбачева... Ответил незнакомый голос: «Его в кабинете нет и не будет».

У Горбачева на утро была намечена беседа с японскими журналистами. «Пришлось ему встречаться с иностранцами в другом месте, а оставшиеся в кабинете вещи перебазировать в комнату охраны».

Б.Н. Ельцин вспоминал: «Список претензий Горбачёва — его «отступная», — изложенных на нескольких страницах, был огромен. И практически весь состоял из материальных требований. Пенсия в размере президентского оклада с последующей индексацией, президентская квартира, дача, машина для жены и для себя, но главное — Фонд. Большое здание в центре

Москвы, бывшая Академия общественных наук, транспорт, оборудование. Охрана. Психологически его расчёт был очень прост: раз вы так хотите от меня избавиться, тогда извольте раскошелиться. Но я старался вести себя твёрдо и сказал, что вынесу этот вопрос на Совет глав государств».

На Совете многие предлагали вообще лишить бывшего президента всего. Пусть поживёт на простую пенсию. Как все. Но Ельцин упросил проводить его без скандала. Почти всё, что просил бывший Генеральный секретарь ЦК КПСС, ему дали. Горбачёв добился своего — личный автомобиль, дача, институт. Потерял страну? Что поделатъ. Во всяком деле есть издержки.

До последней минуты с Горбачёвым оставался А.Н. Яковлев. К нему были обращены последние слова первого президента СССР «Вот так, Саша». А что Саша? Саша тоже сделал своё дело. Довёл Горбачёва до логического конца.

Ветеран Управления внешней контрразведки полковник Александр Александрович Соколов утверждал, что по достоверным сведениям А.Н. Яковлев являлся агентом ЦРУ. «Владимир Александрович (Крючков. — В.А.) доложил об этом Михаилу Горбачеву, тот спросил: это что, опять следы нью-йоркского пребывания Яковлева в США? На что Крючков заявил, что это новые его дела, и попросил у Горбачева санкцию на пере проверку этой информации. Горбачев, понимая, что агентура ПГУ даст те же данные, хотя Крючков хотел информацию по Яковлеву проверить через другую агентуру ПГУ, запретил её проводить и велел Крючкову самому поговорить с Яковлевым.

Владимир Александрович поговорил с ним, хотя Яковлев незадолго до своей смерти в интервью отрицал этот разговор с Председателем КГБ СССР. А Черняев (помощник Горбачева) в своей книге этот разговор главы КГБ с Яковлевым подтверждает! И когда Крючков намекнул Яковлеву, что у ПГУ есть информация, что он шпион США, то тот побледнел, а благодаря Горбачеву пере проверка этих данных не прошла. А если бы она прошла, то и подтверждение этих данных на Яковлева было бы осуществлено. Дальше следовал бы его арест и допрос» (Тарасов И. Из истории советской разведки // Спецназ России. 1 апреля 2010).

Маршал С.Ф. Ахромеев подтверждал, что «военная разведка располагает приблизительно такими же данными, как и КГБ» о «подозрениях в связях со спецслужбами зарубежных стран» члена Политбюро А.Н. Яковлева.

В девяностые годы Александр Николаевич разоткровенничался: «Плана перехода из одного общественного качества

в другое и быть не могло. Если бы я сказал: всё, ребята, начинается другая эпоха, меня бы поставили к стенке. На первых порах перестройки нам пришлось частично лгать, лицемерить, лукавить — другого пути не было. Мы должны были — и в этом специфика перестройки — мобилизовать на неё стержень тоталитарного строя — тоталитарную коммунистическую партию. Все члены Политбюро голосовали за перестройку, все пленумы ЦК, все партийные органы на местах» (Нуззов В. Александр Яковлев: Нам приходилось лгать и лицемерить. // Вечерняя Москва. 03 августа 2005).

Свою привязанность к Михаилу Сергеевичу Александр Николаевич сохранил до последнего дня. На вопрос, с кем из бывших коллег по Политбюро вы поддерживаете отношения? — он ответил: «Только с Михаилом Сергеевичем Горбачевым. С остальными мне общаться просто неинтересно, да они оказались по ту стороны баррикады, именуемой перестройка. Я наблюдал членов Политбюро близко, пишу о них в последней книге. Горбачеву посвящена в ней глава в 100 страниц, об остальных пишу бегло, поскольку это были просто партийные чиновники. Но надо отдать им должное: все-таки они голосовали за перестройку, только потом сообразив, что голосовали против себя».

Для объективности добавим противоположное мнение о первом президенте СССР. Народный депутат, полковник В.И. Алкснис считал, что Горбачев — главный виновник распада СССР: «В отличие от многих других стран в России в силу исторических традиций роль первого лица государства огромна. Это было и при царях, и при генсеках, и при президентах. И то, что Горбачев в силу своих чисто человеческих качеств (интеллекта, образования, политической воли) не мог быть первым лицом государства, думаю, понятно теперь всем. Вместо того чтобы провести капитальный ремонт здания огромной сверхдержавы, постепенно заменяя сгнившие и устаревшие элементы, он начал крушить всё, включая и несущие стены. И в результате крыша обрушилась на голову ему и нам. Беда также заключалась в том, что ближайшее окружение Горбачева было таким же, и там не нашлось людей, которые хотя бы попытались его остановить в этом процессе разрушения. И более того, некоторые, например, А.Яковлев, Шеварднадзе, Бакатин и другие подталкивали его к продолжению губительного для страны курса. И эти люди тоже несут ответственность за гибель великой страны. И при этом они не являлись агентами ЦРУ в прямом смысле этого слова (вероятно, Виктор Имантович не был знаком с документами, имеющимися в распоряжении КГБ), хотя А.Яковлева можно на-

звать агентом влияния США» (Виктор Алкснис: Горбачёв — главный виновник распада СССР. Красноярская правда).

24 декабря 1991 года Россия заняла место СССР в Совете безопасности ООН. Событие показательное. Если бы в то время в России не было демократического (по мнению Запада) правления, то никакого признания не было бы ни за что. Сама идея независимости России от СССР была разработана в США ещё при Андропове. Мировое сообщество посчитало её правильной.

Тогда же Верховный Совет принял решение переименовать РСФСР в Российскую Федерацию (Россию). Ее президент Б.Ельцин подписал Указ № 2126 «О Государственном флаге Российской Федерации», утвердивший бело-сине-красный триколор дореволюционной России.

Но на этом борьба за Большую Россию не закончилась. По факту уже не было в СССР ни президента, ни законодательной, ни исполнительной власти. Но юридически страна сохранилась. Не было законного прекращения существования государства Советский Союз. По закону он имеет право на жизнь. Даже российское законодательство не подтвердило Беловежское соглашение. В апреле 1992 года VI съезд народных депутатов России трижды отказался ратифицировать это Соглашение.

Впоследствии на заседании комиссии Госдумы Руслан Хасбулатов признал, что ратификация Беловежского соглашения находилась в исключительной компетенции Съезда народных депутатов: «Документ не ратифицирован. С точки зрения Конституции это был вопрос Съезда. А то, что принял Верховный Совет, могло иметь всего лишь рекомендательный характер».

15 марта 1995 года Государственная дума приняла постановление «О юридической силе для Российской Федерации результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР». Пункт третий Постановления гласит: «Подтвердить, что Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года, подписанное президентом РСФСР Б.Н. Ельциным и государственным секретарём РСФСР Г.Э. Бурбулисом и не утверждённое Съездом народных депутатов РСФСР — высшим органом государственной власти РСФСР, — не имело и не имеет юридической силы в части, относящейся к прекращению существования Союза ССР».

Хотя политических последствий это Постановление не имело, но способствовало созданию нового Союзного государства. 2 апреля 1996 года был подписан Союзный договор России и Белоруссии.

Следует добавить, что в мае 1999 года Специальная комиссия Государственной Думы установила, что при подписании Беловежских соглашений «Б.Н. Ельцин пошёл на грубое нарушение статей 74–76 Конституции СССР, статей 4, 5, 68, 70, 71, 76 Конституции РСФСР и совершил указанные действия вопреки воле народов РСФСР о необходимости сохранения СССР, выраженной во время Всенародного голосования 1991 года».

Комиссия признала, что «в действиях президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина... имеются достаточные данные, указывающие на признаки тяжкого преступления, предусмотренного статьей 64 УК РСФСР (275 УК РФ)» и «заключающиеся в измене Родине путём подготовки и организации заговора с целью неконституционного захвата союзной власти, упразднения действовавших тогда союзных институтов власти, противоправного изменения конституционного статуса РСФСР» (Заключение спецкомиссии Государственной Думы по отрешению от должности президента Российской Федерации Б. Ельцина. 1993).

Но все эти важные юридические определения пока мало кого волнуют.

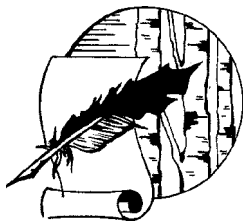
Мировое сообщество, которое учит нас демократии и соблюдению закона, не только не замечает нарушений, но стоя аплодирует им.

С Советским Союзом было покончено. США оставались единственной сверхдержавой. Теперь предстояло ослабить и по возможности расчленить и Россию.

Существует несколько причин «успеха» перестройки. Одна из них заключается в том, что она являлась способом захвата собственности советской элитой, которая была больше заинтересована в «приватизации» огромного состояния государства, чем в его сохранении. Советская номенклатура имела личной собственности меньше, чем принцы банановых республик. И уж тем более сливки общества западного мира. Ещё в хрущёвские времена часть партийного аппарата задумалась об изменении советского строя, чтобы превратиться из простых управленцев во владельцев государственной собственности.

Но не только советская «элита» соблазнилась. Многие «простые» граждане дружно бегали на демократические митинги, восхищались зажигательными речами демократов и перспективой зажить, «как у них», жаждали «свободы» и перемен.

Но ещё Феофан Затворник поучал нас, неразумных: «Господь вразумляет тем, чем мы увлекаемся». Хотели перемен — извольте получить.

СТИХИ ПОЭТОВ СЫЗРАНИ

Сергей КИРЮХИН

ЗА МНОГО ЛЕТ

Мне повезло. После войны
В сороковых успел родиться.
И в годы лучшие страны
Прекрасной жизнью насладиться.

Я книжки нужные читал.
Героев познавал характер.
А знаете, о чём мечтал?
Быть, как отец мой — горный мастер.

И знания, данные страной,
Мне в этой жизнигодились.
Судьбы я не желал иной.
Все планы у меня сходились.

Да, капиталов не нажил
За много лет в моей Отчизне.
Я честно Родине служил
И был своей доволен жизнью.

И я не плачу над судьбой,
Но всё же хочется, ребята,
Чтобы стране потомок мой
Служил, как мы с отцом когда-то.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вячеславу Суспицину

Жить в Средней Азии нельзя.
Нет россиянину там счастья.
Он ничего с собой не взял,
Когда в Россию возвращался —

Мой друг, привыкший к тем местам,
Где льнёт к арыкам жар пустыни...
Где стал родным Узбекистан.
Хотя и не родней России.

По свету белому несло...
Никто не ждал его на Волге,
Но здесь российское село
И встретилось ему в дороге.

Изба его — что жизнь его...
И сверху льёт, и снизу сыро...
А он смеётся: — Ничего,
Вполне приличная квартира!

С утра, чуть свет, спешит в поля,
А ночью сторожит сараи.
Порой, просёлками пыля,
Он к мыслям рифмы подбирает

О сельской жизни и о нас,
Забывших сельские дороги.
Он пишет жёстко. Без прикрас.
Какая жизнь — такие строки.

Его загнали за флажки,
Но он ушёл в края родные...
Тебе такие мужики
Неужто не нужны, Россия?!

ДОРОГА

На запад и восток дороги на вокзале.
На запад и восток раскинулись пути.
Позвали нас с собой неведомые дали.
Мы втиснулись в вагон. Вперёд, локомотив!

И вот уж позади «в коммуне остановка»,
И наш локомотив по рельсам не летит.
Вся ржавая, в углу валяется винтовка.
И мы уже стоим на запасном пути.

На запад и восток — путей не так уж много.
И стрелок нет таких, чтоб сразу напрямик...
Но есть зато своя — российская дорога.
Вот только б сгоряча не угодить в тупик.

Галина ЕЛИСЕЕВА

* * *

Стихает шумных святок суета
Пред светлым днём Господнего крещения.
Царят покой небес и чистота.
Душа взывает к небу о прощенье.

Нешуточный на улице мороз
Остановил метания погоды,
Развесил льдинки на ветвях берёз
Красавицам заснеженным в угоду.

А в церкви приготовили купель,
Распятём древним освятили воду.
И тянется живая канитель
Людскими ручейками по проходам.

Чудесны водосвятия деньки.
Сияет золочёное распятие.
И души просветлённые легки,
Наполненные радостью и счастьем.

* * *

Вот на воробьиный скок
Стал светлей, длинней денёк.
Но старается январь
Силу показать, как встарь.

Он призвал сестру-метель
Подпушить ему постель.
А племянница пурга
Собирает снег в стога.

Рада матушка-зима:
Снега полны закрома.
Раззадорился мороз:
Щиплет глазыньки до слёз.

Точен метеопрогноз.
Всё взаправду. Всё всерьёз.
Мрачен и тягуч рассвет.
Говорю унынью: «Нет!»

Хоть порою и взгрустну,
Всё ж предчувствую весну.
Посреди разгула бурь
Вижу чистую лазурь.

Александр МИШЕНКОВ

ГРОЗА

Гроза рычала зверем разъярённым,
Разламывая небо на куски,
И бухал гром, как молот многотонный,
Тупою болью в сонные виски.

Надрывно выл охрипший в злобе ветер,
Свирепо налетая на дома,
И ржавый стон скрипящих где-то петель,
Казалось, нас с тобой сводил с ума.

Как на экране, всё вокруг мелькало
Тоскливой, бледно-мёртвой синевой...
Быть может, ночь нам души наполняла
Своею обнажённой красотой?

* * *

Прохладные ночи.
Лиловые звёзды.
За речкою дремлет село.
И влагой дождей
Переполненный воздух
Лежит на полях тяжело.

Окончена жатва.
Не пахнет уж хлебом.
Ушли на покой старики...
Лишь осень порою
Бездонное небо
Качнёт в колыбели реки.

Наталья ОКУНЕВА

О ЛЮБВИ К РОДИНЕ

Меня учили: Родину люби.
За что её любить, не говорили.
Но как-то летом в лодку посадили,
Весло вручили: ну-ка, погребите!

И капли с деревянного весла
Срывались, будто крошечные солнца.
Я слышала, как старший брат смеётся.
А лодку Волга на себе несла.

Однажды в жизнь вошёл сосновый лес.
Как пахло в нём, как чисто птицы пели!
Я там жила счастливых три недели
В ребячьей буче посреди чудес.

И было за околицей моей
Ржаное поле — золотая нива,
От спелости вальяжна и ленива.
Блаженно солнце утопало в ней.

Вбирало сердце навсегда лишь то,
В чём были правда, красота и сила.
Я всё сильнее Родину любила
И никогда не думала, за что.

Вот только жаль, что мне пришлось принять
Условие, навязанное жизнью:
Чтобы любить без горечи, Отчизну
От государства надо отличать.

ПОЛЕ

Всё чаще слышу: дикая страна.
И сердце ноет от дочерней боли.
Моё червонно-золотое поле,
Как мне теперь любовь твоя нужна!

Ты помнишь, поле, — я в тебя вошла,
Над нивой только маковка мелькала.
Там, сквозь колосья пробираясь ало,
Заря тебе и мне тепло несла.

А лёгкий ветер заставлял шуршать
Твои ещё незрелые колосья.
Казалось мне — мои девчачьи косы
Своим плетеньем были им под стать.

С тех пор ты стало вехою в судьбе.
К тебе я возвращалась через годы.
В лихое время вышло ты из моды,
Но я тебя лелеяла в себе,

Чтоб вновь с тобою встретиться в пути,
Припасть к тебе и напиться силой.
И если впрямь нужна страна-мессия, —
Надёжней на планете не найти!

* * *

Синяя ты моя, синяя!
Стынущих берегов линия.
Давняя ты моя, древняя,
С заводами-деревнями.

Песни тебе поют разные,
Сколько красивых слов сказано!
Сердце тебе навсегда отдано.
Пахнет твоей водой Родина.

Полям иду, а стерня колкая.
Имя твержу, а зову Волгою.
Жизнь уместилась в твоём имени,
Синяя ты моя, синяя!

Илья ПОРТНЯГИН

ЛЕТО

Ушло в никуда долгожданное лето.
Слезает загар, словно кожа змеи.
Значительно позже дыханье рассвета
Наполнит восток и пределы мои.

Спускаются снова в чуть тёплую реку
Озябшее солнце и с ним облака.
Но так хорошо и легко человеку
От мысли, что осень за дверью пока.

Но слышится звук, различимый едва ли
В дождях многодневных, настырных ветрах.
И дымкой седую подёрнутся дали,
И зелень сгорит в ярко-рыжих кострах.

А осень с зимой потеряются где-то.
Весна убежит, и за нею — вода...
И снова придёт долгожданное лето,
Чтоб с нами остаться почти навсегда.

* * *

Памяти Сергея Есенина

Мальчишка, золотая голова,
Пришёл навеки, а ушёл так рано...
Простые и понятные слова
Сумел найти в России, что не странно.

Мелькает чёрно-белое кино:
Кудрявый ангел, бессловесный ложно,
Был славою обласкан всё равно,
Хоть с властью вёл себя неосторожно.

Зловеще неприветлив Петербург
И «Англетер» — как хищник перед схваткой.
И смерть пришла не сразу и не вдруг
Своей походкой медленной и шаткой.

Написаны бессмертные слова.
И вспять не смогут повернуться реки.
Мальчишка, золотая голова,
Он обречён с Россией быть навеки!

Игорь РАБШТЕЙН

ЖИЗНЬ

Земную жизнь ничуть не презирая,
Я всё же о небесной помолюсь.
Ну а пока я вне пределов рая
С земною расставаться не стремлюсь.

Я жизнь люблю! И пусть её дыханье,
Испепелить способно нас дотла,
Зато во мне живут воспоминанья
И ощущение счастья и тепла!

Моя любовь не до конца остыла,
Есть что желать, хоть есть о чём жалеть.
Не всё сбылось, зато так много было.
И хочется так многое успеть!

Земная жизнь... К чему жалеть о прошлом?
Земная жизнь — и та, что за чертой.
Иду вперёд, поскольку жребий брошен.
Вот вывод гениальный и простой.

ДВУХТОМНИК

Памяти Ольги Берггольц

Держу в руках я старенький двухтомник,
Здесь мелкий шрифт и небольшой тираж.
И всё-таки какой же он огромный!
Не брежу я, слова мои не блажь...

Держу в руках я исповедь блокады,
Все девятьсот ужасных, страшных дней.
Держу в руках я совесть Ленинграда.
И что-то просыпается во мне.

Вот женщина худая, как тростинка,
Она без сил, едва-едва стоит.

И тонкой серой шали паутинка
В порывах ветра злобного дрожит.

Стоит она, как будто чуть живая,
Но взгляд её, как невский камень, твёрд.
В руке бессильной край платка сжимает,
Глядит с тоской на тусклый невский лёд.

Ей выжить суждено в блокадной стыни
Средь ужаса бомбёжек и смертей.
Вот только жаль: почти не помнят ныне
Стихов её в бездарной суете.

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Я жду весну из года в год,
Пусть позднюю, пусть на исходе.
Любую! Пусть она придёт
Назло взбесившейся погоде!

С ней ненадолго, на чуть-чуть
Вернутся запахи и краски.
И повседневной жизни муть
В ней растворится, словно в сказке.

Хочу, как прежде, опьянеть,
Дурман весенних дней вдыхая.
Пусть ароматов круговерть
Пьянит от марта и до мая!

Пусть лето душное придёт,
А там и осень золотится.
Но дней весенних хоровод
Ночами будет вечно сниться!

Александр КАРЯКИН

МОЛИТВА

Ещё за морем спит восход
И не стучат в селе калитки,
А мама просьбы к Богу шлёт
В своей предутренной молитве:

«Прими погибших на войне
С проклятым ворогом-германцем,
И всех замученных в Чечне,
И не вернувшихся афганцев.

Прими и души их спаси,
Дай упокоя душам этим...»
Лишь после: «Господи, прости,
Дай сил и счастья нашим детям».

Так каждый день из года в год
Молитву повторяет снова,
Поклоны Господу кладёт,
Но в просьбах о себе — ни слова!

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ

На перекрёстке двух дорог,
Там, где тайга вонзилась в небо,
Я на могильный бугорок
Кладу цветы и водку с хлебом.
Кто здесь лежит, не знаю я,
Но как родного поминаю,
Чтобы забвения змея
Не увела его из Рая.
На сотни вёрст нет ни души.
Тайга стеною да болота,
Но в этой северной глуши
О нём обязан вспомнить кто-то!
Он здесь ходил не так давно —
По этим мхам и плыл по рекам...
Он был с природой заодно...
В глазах зверей был человеком!

ПРИСТАНИ

Страна — житейский океан:
Шторма... цунами...
Всегда ли знает капитан,
Что будет с нами?
И окажусь ли на мели,
Плыву ли долго,

Я знаю: пристани мои —
Сибирь и Волга.
Мне разъезжать не привыкать
По всей России,
Но ждет меня в Сибири мать
Анастасия.
В Поволжье ляжет путь, а тут
Нет ярче точки,
Чем Сызрань, где скитальца ждут
Жена и дочери.
Покамест есть еще дома,
Где отогреют.
Меня житейские шторма
Не одолеют!

Надежда ЧВАНОВА

СВЕРЧОК

Звенит сверчок в тиши вечерней
Морзянкой лета среди лугов,
Такой на удивленье верной,
Передающей всё без слов:

Природы сладкое томленье,
Шептанье полусонных трав
И новых зорь предвосхищенье,
Чей так лучист и светел нрав.

Успокоительной волною
Сверчок звучанье в сердце льёт.
А значит, лето стороною
Меня никак не обойдёт.

Галина ЦЫПЛЁНКОВА

СВЯТКИ

Скучает полночь на завалинке.
Молчит разлучница-гармонь.
Горит в моей уютной спальне
Волшебный святочный огонь.

И я, ну право же, потешная,
Наивная, любви ждала.
Но счастье тоже небезгрешное,
Как свечи, воск и зеркала.
Мне насоветуют с три короба:
Метни-ка валенок в окно...
Метну без сожаленья оба я,
В ремонт уж просятся давно.
В испуге скрипнут тихо ставенки,
Погаснет святочный огонь.
И о моих заплачет валенках
Твоя несносная гармонь.

На пленуме Союза писателей России в декабре 2021 года было утверждено решение секретариата СП о присвоении г. Сызрани почётного звания «Литературный город России». Редакция «Молодой гвардии» сердечно поздравляет всех жителей Сызрани с этим событием.

Андрей ЗЕЛИНСКИЙ,
доктор исторических наук

НАД УКРАИНОЙ КРЫЛЬЯ ЛЮЦИФЕРА

Глядя на то, что происходит сегодня на Украине, невольно задаешься вопросом: а не видим ли мы всё это в страшном «гоголевском сне»? Почему западный мир, особенно в лице Америки, прилагал и прилагает столько усилий, не жалея средств для окончательного отделения Украины от России. Ответ на этот вопрос пытался дать Збигнев Бжезинский — теоретик и практик глобального разрушения нашего великого Русско-евразийского государства. «Украина, — писал он, — новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей... Однако если Россия вернет себе контроль над Украиной, с ее 52-миллионным населением и крупными ресурсами, а также выходом к Черному морю, то Россия автоматически превратится в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии» (Бжезинский З. Великая шахматная доска).

Вспомним, что названия «Азия» и «Европа» восходят к представлениям древних ас-

РУССКИЙ МИР

сирийцев, столица которых — Ниневия — находилась в междуречье Тигра и Евфрата, где недавно было государство Ирак, разгромленное и разграбленное американцами. Вероятно, названия эти происходят от индоевропейских корней «асу» и «эрб», означающих «свет» и «тьма», «восход» и «заход» и «Восток» и «Запад» соответственно. С этой точки зрения Европа могла бы начинаться уже к западу от Евфрата. Геродот (V век до н.э.) проводил эту границу еще западнее, по восточному берегу Средиземного моря и, далее, на север. Во времена знаменитого греческого астронома и географа Клавдия Птолемея (II век н.э.) эта граница, между Азией и Европой, еще сместилась к западу и стала проходить через проливы Босфор и Дарданеллы, что сохранилось по традиции и до сегодняшнего дня.

Если от Александрии — древнего международного центра, где в эллинистическое и римское время происходила встреча культур Запада и Востока, провести прямую линию через Никею на азиатском берегу Босфора к устью Дуная, а затем продлить ее мимо Киева до Санкт-Петербурга, то линия эта почти совпадет с меридианом Пулково (30° восточной долготы), что наводит нас на некоторые важные умозаключения.

Русско-евразийское континентальное пространство отделено самой природой климатической границей от Европы, соответствующей средней температуре (изотерме) января и проходящей меридианально с севера на юг через Прибалтику, Белоруссию и Украину до Черного моря. «К востоку от этой границы, — отмечал мой учитель и друг Л.Н. Гумилев, — средняя температура января — отрицательная, зима холодная, морозная, часто сухая, а западнее преобладают влажные теплые зимы, при которых на земле слякоть, а в воздухе туман» (Гумилев Л.Н. От Руси к России). Но гораздо важнее другое: с каждым шагом к западу от Пулковского меридиана мы входим в другую не только климатическую, но и геокультурную сферу. Псков еще со времен Ливонского ордена (т.е. рубежа XII—XIII веков) воспринимался на Руси как пограничный город. К западу от него и теперь уже явственно начинает ощущаться смена ментальностей, нравов, характеров, стереотипов поведения, «коллективной личности», народа. Следовательно, область Пулковского меридиана можно рассматривать как область перехода, как религиозно-географическую границу или как «границу мировоззрений».

Этот невидимый водораздел можно еще назвать в исторической ретроспективе византийско-русским «духовным меридианом» веры и культуры. Со времен Крещения Руси в 988 году он символически соединял по меридиану с юга на север

Царьград (Константинополь) — первую христианскую столицу «Второго Рима» и первую христианскую столицу Древней Руси — Киев с последней христианской столицей Императорской России — Санкт-Петербургом почти прямой «вероисповедной осью». С другой стороны, в широтном направлении, он подчеркивал духовную границу между Западом и Востоком, т.е. своего рода линию православной обороны от многовековой агрессии католицизма.

Вся первая половина XIII века, начиная с разгрома и разграбления крестоносцами Константинополя (1204 г.) и кратковременного образования на месте Православного царства Латинской империи (1204—1261 г.) проходит в непрерывающихся попытках папской курии насадить любой ценой католицизм на Руси. В середине XIII века происходит окончательный раскол на пролатинскую (Даниил Галицкий и Андрей Владимирский) и промонгольскую (Александр Невский) группировки. О том, что само папство способствовало этому, свидетельствует тот факт, что папа Иннокентий IV на Лионском соборе (1245 г.), перечисляя «пять скорбей» католической церкви, на первом месте упоминает татар и православных. Пролатинская группировка была разбита с помощью татарских сил, и в 1252 году Александр Невский получил от внука Чингисхана Батые ярлык на великое княжение. Время рассудило, на чьей стороне была правда в этой трагической исторической коллизии. «Православие или смерть» — мог бы так выразить свое духовное кредо благоверный князь Александр Невский.

Принятие русскими князьями католицизма (в добровольной или принудительной форме) означало бы уничтожение православной веры и культуры, привитой от великого византийского древа. Православие (на примере Византии и Руси) оказалось духовно, психологически и исторически несовместимым с католицизмом, а «русскость» с латинством. Как бы ни относиться к этому факту, его надо принять как историческую реальность, как глубинное различие духовных архетипов, проявляющееся в стереотипах коллективного поведения.

Вспомним XIV век, когда в Западную Русь пришло господство Польши и Великого княжества Литовского, девять десятых земель которого было занято тогда православным русским населением. Но после династической унии Польши и Литвы в 1385 году римский католицизм был объявлен государственной религией, и гонение на православие начало набирать силу. Но православное русское население с трудом поддавалось латинизации, отстаивая свою веру. В этом его

всегда поддерживало казачество, которое само было порождением Украины в первоначальном значении этого слова, т.е. окраины пограничной земли. Именно от этого слова и произошло сначала неофициальное название Украины (Вернадский Г.В. Россия в Средние века).

Литва и особенно Польша прекрасно осознавали, что наиболее надежный путь — психологически приспособить западнорусских крестьян и часть православного дворянского сословия к новому порядку с помощью подрыва традиционной независимости западнорусской церкви и подчинения ее владычеству римского папы. Однако время показало, что такое обращение не только трудно, но и вовсе невозможно. Поэтому в Риме решили подготовить переход православных в католичество путем постепенных различных уступок. На этой почве и созрела у католиков еще в XIII веке идея унии — слияния православного и католического исповеданий при полном догматическом и каноническом господстве последнего, но с уступкой православным в отмене celibата (запрещения на брак), в богослужении на родном языке и сохранении восточных обрядов.

При этом католики не посчитались с тем, что нельзя насильственно ломать старую форму отношений человека с Богом и навязывать новую. И справедливо писал в своем знаменитом труде «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский, говоря о психическом строе европейских народов: «Одна из таких черт, общих всем народам романо-германского типа, есть насильственность». Насилие есть и остается донине фундаментальной чертой психического склада романо-германской Европы. Насилие же в области веры есть высшая форма такого духовного и психического насилия. Вера — это главная, таинственная и глубоко сокрытая, личная интимная сторона души верующих, которая проявляет себя в определенном духовном и церковном алгоритме, сформированном веками соборного опыта религиозной жизни.

Насильственное вторжение в налаженный ритм этой жизни можно назвать, используя терминологию Владимира Соловьева, «религиозным палачеством» со многими непредсказуемыми последствиями. Эти последствия могут быть названы если не «духовной кастрацией», то во всяком случае «духовной мутацией» национального «психо-ментального» поля, искажающей траекторию традиционной религиозной жизни народа. И изменения эти сказываются на всей социальной жизни людей в их новых межконфессиональных взаимоотношениях друг с другом, которые рождают не суще-

ствовавшие ранее негативные стереотипы коллективного поведения, часто не поддающиеся коррекции.

Здесь важно подчеркнуть, что сам никонианский раскол в Русской церкви был тесно связан с процессом, который Н.С. Трубецкой назвал «украинизацией великорусской духовной культуры» на рубеже XVII и XVIII веков. Надо помнить, что западнорусская редакция богослужения на церковно-славянском языке была при патриархе Никоне признана единственно правильной! «Единая русская культура послепетровского периода, — считал Н.С. Трубецкой, — была западно-русской, т.е. украинской по своему происхождению, но русская государственность была по своему происхождению великорусской, а потому и центр культуры должен был переместиться из Украины в Великороссию. В результате и получилось, что эта культура стала не специфически великорусской, не специфически украинской, а общерусской».

Для этой «общерусской культуры» было характерно, что все, кто попадал в поле ее тяготения, рано или поздно до известной степени «обрусевали», становясь в той или иной мере русскими. Таковыми были: «русский грузин» и любимец Суворова Петр Багратион; «русский армянин» великий маринист Иван Айвазовский; «русский еврей», певец русской природы, великий пейзажист Исаак Левитан; «русский бурят» и легендарный врач, крестник Александра III Петр Бадмаев; «русский украинец», великий писатель земли русской, Николай Васильевич Гоголь. И примерам этим несть числа.

Всё сказанное свидетельствует о том, что «гравитационное поле» общерусской православной культуры Святой Руси обладает уникальными и неповторимыми духовно-энергетическими свойствами планетарного масштаба.

Навязанная Римом Византии Флорентийская церковная уния 1439 года, осужденная на Константинопольском соборе 1450 года, просуществовала всего десять лет. Это случилось накануне падения Царьграда под ударами турок. Многими православными современниками эта произошедшая катастрофа расценивалась как Божье наказание за унию. В самый день гибели Православной столицы «Второго Рима» (29 мая 1453 года) последним свободным волеизъявлением греков был клич «Лучше рабство мусульманам, чем соглашение с латинянами» (Соловьев В.С. Собр. соч. Т. 4. С. 96).

Но Флорентийская уния дала повод латинским властям в Литве и Польше преследовать православных, что уже полностью осуществилось в эпоху католической контрреформации и при активном содействии иезуитов. 9 октября 1596 года, несмотря на протест Православной Церкви, униатский

собор в Бресте торжественно провозгласил унию Западно-русской церкви с Римом и отлучил от церкви всех епископов, священников и монахов, отказавшихся принять ее. Это было уже генеральное наступление на Православие в западно-русских землях.

Для Западной Украины гонения на православие закончились лишь в 1794 году после окончательного третьего раздела Польши при Екатерине II, когда ею был издан указ, разрешающий свободное и добровольное воссоединение униатов с Православием, что к концу ее царствования составило свыше двух миллионов человек. Но это почти двухсотлетнее гонение и насильственное внедрение унии не могли не оставить тяжелых следов и незаживающих ран в коллективной психике народа.

Украина сегодня — это трагический отголосок старой религиозной борьбы за землю и за человеческие души, но уже на новом эсхатологическом витке истории. Еще раз вспомним кровавый майдан февраля 2014 года, с которого начался процесс «сатанизации» Украины. «Лиха беда начало!» В августе того же года в селе Пастырское Черкасской области открылась, завезенная из США, церковь сатаны. Это была первая подобная «структура» на постсоветском пространстве. Поклонниками этой церкви в Америке были такие ненавистники России и Православия, как экс-президент США Рональд Рейган, экс-премьер Великобритании Маргарет Тэтчер и экс-претендентка на пост президента США сенатор Хиллари Клинтон. Как говорится, комментарии излишни.

Сейчас, с внешней стороны, конфессиональные вопросы как будто отошли на задний план. Но именно они создают тот устойчивый пассионарный фон непримиримой борьбы и внутреннего напряжения массовых страстей, что все мы можем наблюдать сегодня. Это невидимое поле конфессионального «психо-ментального» фронта эксплуатируется всеми теми, кто хочет еще больше углубить трещину между двумя родственными народами великого славянского древа и приватизировать Украину.

«За беспорядками в Киеве стоят американцы» — так называлась статья известного журналиста Иэна Трейнора, опубликованная в газете «Гардиан» 26 ноября 2004 года, где он писал: «Эта кампания — творение американцев, утонченное и блестяще спланированное учение по массовому маркетингу и продвижению западного бренда, которое было использовано в четырех странах за четыре года для спасения фальсифицированных выборов и свержения непривлекательных

режимов». Ничего не изменилось с тех пор, только всё усугубилось и накалилось до предела. Теперь объединенная «Новая Европа» выступает уже не под католическим флагом, а под лозунгом «мирового рынка». Здесь надо вспомнить «Конституцию Европейского Союза», подписанную в Риме 25 странами 29 октября 2004 года. Среди ее «ценностей» нет даже упоминания христианства — многовековой основы европейской цивилизации, на что в свое время с прискорбием обратил внимание приснопамятный Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Люцифер расправляет над объединенной Европой свои сатанинские крылья.

Россия и Украина должны объединиться прежде всего для охраны своих нравственных и духовных границ, ибо мутные воды западной массовой культуры с пропагандой сатанизма, наркотиков, гомосексуализма, лесбиянства, содомии и педофилии захлестывают последние островки нравственного сознания заблудшего «евро-человечества».

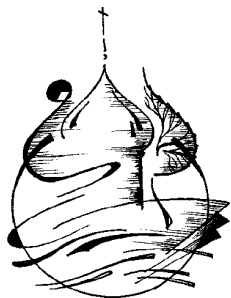
ТРИ ВОЗРАСТА СТАЛИНА

Условно весь жизненный путь Вождя народов можно разделить на три временных отрезка — три «эпохи», три «возраста».

Первый возраст — 1879—1917 гг. *«Самодержавная Россия»*.

Сталин родился 21 декабря 1879 года, в г. Гори Тифлисской губернии в семье сапожника. В 1894 году окончил Горькое духовное училище, проявив энергию и большие способности к учению, и поступил в Тифлисскую духовную семинарию. Здесь Сталин перестал стремиться к успехам в учебе, т.к. занялся социалистическим самообразованием и революционной деятельностью. Исследователи жизни И. Сталина отмечают, что духовное образование предопределило довольно высокий интеллектуальный и социальный уровень поведения Сталина, высокий вкус в оценке бытовых явлений, произведений искусства и литературы.

Чтобы представить себе обстановку в России в то время, процитируем известного, мы бы сказали — уникального — писателя Ивана Лукьяновича Солоне-

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

вича из его, ныне ставшей знаменитой, «Диктатуры сволочи» («Россия и революция», М., 2007): «...я обучался в Санкт-Петербургском Императорском университете. Нас обучали по преимуществу марксизму. Но так как у русской профессуры никогда ничего собственного за душой не было, то всё, что нам преподавалось, было основано на германской философии истории, истории философии и истории философского права, философии морали... Все было взято из немецких шпаргалок...»

Жёстко и, может быть, несправедливо по отношению к тем русским публицистам, у которых «за душой» были собственные мысли и наблюдения, которые СМИ так широко не освещали; но в целом сказанное И. Солоневичем — справедливо и истинно, и не только тогда, но и почти за весь период существования советской власти.

Заметим, что кроме перманентно внедряемого «простодушного» западничества массовое сознание в то же время интенсивно подвергалось обработке языковыми подменами. Например: вторая половина XIX века, первые террористические акты «народовольцев», убийство Александра II, «дело Нечаева» и т.д.

Тот же И. Солоневич говорил по этому поводу: «...будучи литератором по профессии, я проектирую для будущей России довольно утопический закон, который должен будет ввести для литературной братии телесное наказание — розгами. За каждую сознательную ложь, доказанную на гласном суде присяжных заседателей. Тогда после нескольких сот тысяч розог, может быть, окажется возможным установить значенные терминов и понятий...» Простим автору его негодование, но преувеличений здесь нет! Такие подмены, в том числе и в «общественной мысли», позволили вывернуть наизнанку сознание большей части общества.

Средства массовой информации, газеты, журналы, светские учебные заведения, правовые государственные институты, знаменитые литераторы, юристы, адвокаты и несть им числа... насаждали в обществе вирусы убийства и самоубийства, делая его терпимым (толерантным) к жестокости и готовя его к взаимоистреблению сначала в гражданской войне (сравните с нынешней картиной на Украине — лекала те же), а затем и к мировой бойне.

Атмосфера ожидания «новой жизни», «светлого будущего», разложившая элиту и общество, захватила и девятнадцатилетнего И. Сталина. Войдя в 1898 году в первую грузинскую социал-демократическую организацию, он начал вести пропаганду в рабочих кружках. В 1899 году Сталин оста-

вил духовную семинарию — официально был исключен «за неявку на экзамен».

Обратим внимание на то, что до 19 лет И. Сталин обучался в духовных учебных заведениях и накопленный запас знаний позволял ему лучше разбираться в людях, видеть по тем или иным поступкам их внутренний мир, что помогло ему в дальнейшем в кадровом отборе (помните сталинское — «кадры решают всё»).

В 1901 году он перешёл на нелегальное положение, работая под партийными кличками Коба, Давид, Сталин и др., являлся членом Тифлиского, Батумского комитетов РСДРП. С 1902 по 1913 годы был 8 раз арестован, 7 раз сослан, но после коротких сроков ссылки Сталин бежал (кроме ссылки 1913 г.). В 1906—1907 годы, добывая деньги для партии, Сталин планировал и организовывал вооруженные ограбления почты, банков («экспроприации») Закавказья. Хотя лично в разбойных нападениях он не участвовал, мы все-таки не можем считать подобные деяния соответствующими «благим целям» для... «освобождения человечества от гнёта».

Второй возраст — 1917—1936 г. *«Советская Россия»*.

Известно, что Россия потеряла с 1917 г. по 1941 г., как во время Гражданской войны, так и голода 1922 г., 1932—1933 гг., коллективизации, раскулачивания — миллионы человеческих жизней. Этот период характеризовался, во-первых, борьбой двух течений — построения «социализма в отдельно взятой стране» (И. Сталин) и интернациональной линией, ориентированной на мировую революцию (Л. Троцкий). Именно эта, интернациональная линия унесла из жизни эти миллионы русских и не только русских жизней. И если личная борьба за власть являлась неременной составляющей этого противоборства, то у И. Сталина личные властные амбиции все-таки совпадали с национальными великодержавными устремлениями.

Как человек дальновидный, И. Сталин уже в начале 30-х гг. стал отходить от интернациональной ориентации в руководстве страной. Хотя есть свидетельства, что в ряде случаев это имело место и гораздо ранее. Так осенью 1920 года, когда армия Тухачевского шла на Варшаву (по планам В. Ленина и Л. Троцкого), чтобы сбросить польское национальное правительство и установить интернациональную власть (во главе с Дзержинским), Сталин задержался с 1-й Конной армией во Львове; возможно, задержка была необходима для зачистки будущих тылов от поляков. Армия Тухачевского, поторопившись (хотелось быть первым), потерпела разгром, и в плен к полякам попали около семидесяти тысяч русских

(вольных и невольных) «интернационалистов». По этому поводу В. Ленин в адрес Сталина сыронизировал: «Кто же на Варшаву через Львов ходит?», хотя потом дезавуировал свою иронию: «Всё было правильно!»

В 1929 году Л. Троцкий был выслан за границу. Но в стране осталось много его последователей. И поэтому троцкистские заговоры, внешние и внутренние, гражданские и военные не давали покоя И. Сталину, не оставляя возможности для сосредоточения всех его сил на решении текущих и стратегических задач.

Третий возраст — 1936—1953 гг. *«Советская Империя»*.

Чтобы ослабить влияние интернационального партийного сегмента в руководстве страной (а последним реверансом государства в сторону Интернационала было участие СССР в гражданской войне в Испании на стороне «социалистической демократии»), Сталин поменял руководителей органов госбезопасности.

Период 1937—1938 гг., называемый «ежовщиной», позволил «вычистить» из НКВД большое количество космополитических и инородных руководителей и перераспределить кадры во всех структурах страны с упором на национально-ориентированные слои. Поэтому в некоторой степени этот период можно характеризовать как частичную нейтрализацию «пятой колонны» и организацию «опричнины» — хотя и не в таком масштабе, как это сделал Иван Грозный в своё время — не те условия. Понятно, что за этот период наряду со «старыми большевиками» в стране погибло много совершенно неповинных людей, и нас может здесь утешить только та мысль, что за их гибель виновникам — воздастся.

В этот период на И. Сталина можно смотреть как на великого строителя (сталинские пятилетки) и одновременно как на Бич Божий, наказывающий население страны за отход от Бога, предательство царя Николая II и сдачу власти инородным правителям.

Органично вписавшись в «революционный» контекст международного заговора Фининтерна (западные государства, Англия, США) против России, Сталина как наследнику В. Ленина неоднократно приходилось «расписываться в лояльности» этому антирусскому сообществу. Поэтому полномочием И. Сталина этот период назвать нельзя; впрочем, так же, как и всё время, оставшееся до его кончины.

Поневоле напрашивается такое сравнение — белый волк в серой стае. Известно, что уже в 20-х гг. он прослыл в узком ленинском кругу «великорусским шовинистом», а позднее, в конце 20-х — начале 30-х, многие иностранные наблюдате-

ли подмечали за ним следование тенденции не теоретически принятого партией коммунистов — интернационального, а реального, принятого народом — национально-государственного строительства.

По мере реализации И. Сталиным руководящих функций партийного и партийно-хозяйственного плана в среде соратников-коммунистов контроль над его действиями осуществлялся повсеместно, и немудрено, что 22 июня 1941 года — нападение фашистской Германии на Советский Союз — явилось для И. Сталина достаточно неожиданным. Совокупная информация, которой он располагал к тому времени, позволяла предположить, что это нападение должно произойти не ранее 1942—1943 гг.

Кроме того, могла ли Германия осмелиться воевать на два фронта — с Англией и с СССР? Англия не давала гарантий Гитлеру, что не будет вести против него полномасштабную войну. Сейчас у нас есть основания предполагать, что такие гарантии — были (т.н. «миссия Гесса»).

Но, увы, Вторая мировая война, начавшись в 1939 г., продолжилась (нападением на Россию в июне 1941 г.) так, как это планировал объединенный Фининтерн: банкиры США, Англии и Германии. Дальнейшие события показали, что часть населения ждала нападения немцев как избавителей от иностранных правителей, захвативших власть в феврале 1917 года. Это объясняет, почему в первые же месяцы войны в плен к немцам попало более миллиона человек.

Современные исторические исследования показывают, что сложности внутривластной обстановки в стране, сложившиеся после окончания Гражданской войны, повлияли на результаты начала Великой Отечественной. Потери «в живой силе и технике» были огромны. Однако, в дальнейшем удалось наладить контроль над управлением войсками и повернуть ход войны в желаемом направлении.

Но вернёмся к осени 1941 г. Отметим, что нравственный уровень населения перед Великой Отечественной войной был достаточно высок. Под толстым слоем лозунгов, транспарантов, марксистско-ленинской макулатуры в стране тлел огонь тысячелетней православной традиции. Это отмечает большинство исследователей-историков. С началом войны пропаганда атеизма в стране приутихла.

В первые месяцы на оккупированных территориях немцы открывали и восстанавливали церкви, чтобы привлечь народ на свою сторону; но затем стало ясно, что целью нашего шествия является полное порабощение населения, уничто-

жение русской нации, превращение страны в протекторат Германии.

По существу, интернациональная армия Гитлера, костяк которой составляли хорошо обученные регулярные немецкие войска, включала румын, итальянцев, венгров, испанцев и двенадцать языков... Так же, как и армия Наполеона во время нашествия 1812 года. Повторялись традиции крестовых походов Запада на православную Византию, Русь, Россию, теперь вот — на СССР.. Традиции походов католического, протестантского, атеистического Запада на Православие.

В середине октября 1941 года И. Сталин принял решение не оставлять Москву, хотя всё было подготовлено для эвакуации: правительства в Куйбышев, а предприятий промышленного и оборонного значения — на восток. Так же было решено не сдавать немцам Ленинград и Сталинград. В декабре 1941 года немцы были остановлены под Москвой ценой невероятного напряжения и больших потерь в технике и людях.

Хорошо известно, что ключевыми моментами в войне была оборона Москвы, битва за Сталинград (окружение сотысячной группировки Паулюса), Курская битва. Метафизика этих побед — и многие читатели это знают — неразрывно связана с тогдашней жизнью Русской Православной Церкви. Во внутренней политике в середине войны произошли примечательные изменения. Сейчас стала широко известна полная стенограмма встречи трёх иерархов Русской Православной Церкви — митрополитов Сергия, Алексия и Николая — с И.В. Сталиным, состоявшаяся 4 сентября 1943 года, когда авторитет Сталина стал авторитетом Победителя.

Итогом этой встречи стало в относительно короткий срок учреждение или восстановление Патриаршества и выборы Патриарха, открытие около двадцати двух тысяч храмов (до этого было от 150 до 400 приходов), возвращение на свободу значительной части репрессированного духовенства, прекращение прямых гонений на верующих, открытие большого числа духовных учебных заведений.

В беспримерной по своему размаху и ожесточению войне с Православной Русью богоборцы были вынуждены отступить. В мае 1945 года на победном банкете И. Сталин произнёс знаменитый тост «за великий русский народ», чем и подвёл «окончательную черту под изменившимся самосознанием власти, соделав патриотизм официально признанной опорой государственной идеологии» (Митрополит Иоанн (Снычев).

Самодержавие духа). Патриотизм, основанный на традиционном русском православии...

Однако правящая партия оставалась — коммунистической, основной идеологии которой было богоборчество...

«Ленинградское дело», возбуждённое, по существу, по признакам фракционности против «русской» (ленинградской) группировки (1949 г.) не ставило И. Сталина перед выбором режима власти — «построение социализма в отдельно взятой стране» или возврат к великодержавной русской империи. Такая альтернатива на «повестке дня» еще не стояла. Оно ставило его перед выбором вариантов удержания и укрепления власти — власти личной и власти государственной как инструментов «построения социализма в отдельно взятой стране».

Как ее удержать (и укрепить), имея в наличии компартию российской федеративной республики (русских коммунистов) или — не имея ее? И поэтому многие, проходившие по этому делу, были репрессированы. Кто-то может трактовать этот период как «партийно-фракционные разборки» с победой «интернациональной идеи». Другие исследователи придерживаются версии о целой серии актов грубого нарушения партийно-хозяйственной дисциплины, подтверждаемых документально.

Но можно предположить, что маленькие «национализмы» партий — даже если это и была бы партия государствообразующего народа — очевидно, по мнению Сталина, нарушали единый властный партийно-хозяйственный монолит. Да к тому же слишком много сил было потрачено в прошлом в борьбе с фракциями, особенно с троцкистскими. Но этот вопрос еще ждёт своих исследователей.

На крутых поворотах спирали истории — Святослав Храбрый, Иван Грозный, Иосиф Сталин — увы, не обходились без жёстких и крайних мер. Мер, выверить которые с математической точностью по параметрам человеческой необходимости и достаточности у простого смертного не получится!

После войны И. Сталин предпринимает какие-то попытки, чтобы хоть как-то национализировать политику страны и уменьшить партийное влияние инородцев. Однако, заданный вектор партийного руководства и его окружения, в котором борьба за власть занимала далеко не последнее место, не позволили проявить здесь достаточной широты и гибкости.

За победу в Великой Отечественной войне, за возможность строительства могучего национального русского государства было заплачено много жизней. В марте 1953 года И. Сталин

так же заплатит своей жизнью... За что? За выправление каркаса русской государственности и за восстановление Русской Православной Церкви.

О насильственном устранении Сталина предсказала в 1943 году блаженная Матрона близко знавшей ее Зинаиде Ждановой. Всё это показывает нам о действующем в нашем мире Божественном Промысле. А святоотеческая история рассказывает и показывает тех, чья воля подчиняется Ему.. Или не подчиняется.

Можно предположить, что влияние русской цивилизационной культуры, обучение в духовном училище и в православной семинарии послужило залогом пробуждения у Сталина инстинкта строителя великодержавного государства. Как справедливо отметил русский духовный писатель о. Димитрий Дудко: «Если с Божеской точки посмотреть на Сталина, то это в самом деле был особый человек, Богом данный, Богом хранимый... Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для всего мира. Не случайно в Русской Православной Церкви ему пропели, когда он умер, даже «Вечную память»: это случайно не могло произойти в самое безбожное время... Сталин по-отечески заботился о России».

Мы смотрим на портрет русского грузина И.В. Сталина с одной звездой на груди — звездой Героя Советского Союза — и вспоминаем Л.И. Брежнева с его четырьмя такими звездами. И догадываемся, как они будут соотноситься на весах истории...

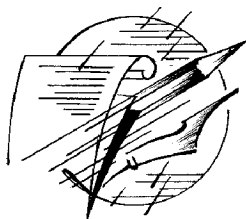
БЕСЕДА СО СВЯЩЕННИКОМ

По словам председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона, многочисленные экспертизы убедительно показывают, что под Екатеринбургом найдены действительно останки царской семьи. Но для того, чтобы Церковь это признала, нужно, чтобы все архиереи ознакомились с результатами. Об этом я решила побеседовать с одним известным священником, пожелавшим отвечать на вопросы инкогнито.

— *Отче, митрополит Иларион сделал заявление, в котором сообщил, что следствием признаны подлинными останки членов царской семьи, найденные в Поросенковом логе...*

— Знаете, мы, люди преклонных лет, выросли в стране, где все понимали: то, что говорится, — это одно, а на самом деле происходит другое. Была надежда, что обманывают нас с неким добрым помыслом, дабы не говорить о плохом, и со временем мы преодолеем все трудности... И понятно, всё это развалилось, потому что одними идеалами, пусть и очень светлыми, человек жить не может.

Сейчас нас всё больше затягивает в знакомое с юности пространство лжи, в

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

некую «черную дыру», где всё «понарошку». Всё можно высмеять, всё подменить. Действительно, во многих областях жизни декларируемое не совпадает с реальностью. Но самое страшное, когда дело касается вещей неприкосновенных, святых, когда стремятся опозорить и низвергнуть сам идеал. Чтобы подступиться к таким вещам, надо сначала изменить их «правоту», названия поменять, сменить представления, которые за этими святынями закрепились. Если такое удастся повернуть, это может полностью размагнитить «внутренний компас» человека.

— Сюда же относится и вопрос об останках, найденных в Поросенковом логе, которые сейчас различными экспертами признаны царскими...

— Да... Всё это очень печально. Многие чувствуют, что так просто это не пройдет, и будет серьезное наказание Божие... Видите, для простых верующих тут вопрос вообще не стоит. Все знают не только основную суть материалов следствия, проведенного в 1918 году после взятия Екатеринбурга и окрестных земель белыми, но и множество небесных явлений Царственных мучеников. Именно явления духовного порядка подтвердили версию, которая была зафиксирована следователем Соколовым, Дитерихсом и другими.

Для нашего народа эта история — не просто красивая сказка, ставшая на место реальности, как иногда бывает с очень отдаленными по времени событиями, но кровоточащая рана, которая, подобно Голгофской Жертве, нас питает и животворит. Конечно, их ставить в один ряд нельзя — это события несопоставимого масштаба. Но есть ключевые события в истории народов — они как краеугольные камни, положенные в основание: тронь один из них — и всё здание завалится. Так, сербский народ вырос под знаком Косовской битвы — фактически страшного внешнего поражения, но несмотря на это, победы духовной. Они чтят день этого поражения — Видовдан во много раз больше, чем мы — победы на Куликовом или Бородинском полях.

Так и для всякого русского заколотые, растерзанные, а потом сожженные тела Царской семьи — не просто исторический факт кровавого времени, это мистическое знамя нашей русской державы, пусть и находящейся еще под властью другой власти. Это и величайшие ходатаи за Землю Русскую на небесах. Кто их выдвинул на это место? Выбор их душ, как у князя Лазаря Сербского, как у первых русских святых Бориса и Глеба. Им можно было избрать совершенно иной путь, но они выбрали свою Голгофу, до конца не зная, какой страшной она для них будет. Из рук Господа приняли

они этот жребий, и Он Сам принял их Жертву и возвысил их, как захотел.

— *То, о чем Вы говорите, — это взгляд над-исторический скорее...*

— Познается это только духом, через молитву. И это не тайна за семью печатями, она открывается всем искренно молящимся... Но если мы начнем рассматривать эти смысловые вопросы рационально, то утонем в противоречиях, которыми полна история. Она ведь почти не знает однозначно «хороших» и категорически «плохих». Царю Николаю выпал жребий стоять во главе такого... многомерного государства, в очень сложную эпоху, «эпоху перемен». Государя многие обвиняли в бездеятельности, нерешительности. Думаю, они по-своему правы. Но если взять «решительные» фигуры того времени — помилуй Бог! Они столько нагородили! Мы до сих пор не осознали деяния всех этих «энергичных» Витте, Пуришкевичей, Юсуповых, Милюковых, Керенских, Родзянко. Что было бы, если бы они остались у власти? Возможно, решали бы они вопросы менее кроваво, чем большевики, но это была бы уже совсем не Россия.

— *В отличие от них, у Царя Николая определяющим мотивом решений была вера.*

— Да! Можно это с уверенностью сказать. Но только рассматривать его жизнь надо не через чтение его дневников, очень формальных, а через его поступки, принципиальные выборы. Конечно, ошибки были, но это был очень честный, порядочный человек, не позволявший себе малейшей лжи, лукавства или корысти.

— *Да, именно этого так не хватает в наше время. Отче, простите, я знаю, что про Государя вы можете говорить долго, но хотелось бы вернуться к нашей основной теме признания подлинности вот этих новоявленных останков. Б.Ельцин не смог узаконить эту ложь, Б.Немцов не смог... Неужели время пришло, и России сломают ее духовно-идеологический хребет?*

— Вокруг останков очень много возни, дискуссий всяких, выяснений мельчайших подробностей. Нас пытаются «утопить» в мелочах, к выяснению которых мы даже не допускаемы вследствие сложности экспертиз и отсутствия множества специальных знаний. Но нужно ли погружаться в эти тонкости? В вопросе об экспертах главное, что человек очень слаб сам по себе, а вовсе не методики, приборы или реактивы. Есть множество факторов, которые на человека влияют коренным образом. Если не удастся эксперта подкупить, то можно угрозами его родственникам или похожими мерами все равно добиться того, что человек уступит. Не секрет, что несколько

прежних экспертов вдруг кардинально поменяли свое первоначальное мнение. Вы скажете: зачем устраивать криминальные разборки вокруг такого мирного вопроса, от которого никакой корысти никому не предвидится?

— *Всегда есть люди, которым истинная святость не по нутру.*

— Тут всё сложнее, и явно есть одна сильно заинтересованная сторона. Кажется, в 2000 году, или немногим позднее, приезжал в наш монастырь известный археолог Сергей Алексеевич Беляев, недавно скончавшийся. Когда-то он помогал нам обретать мощи старцев. Он знал о почитании Царственных мучеников в нашей обители. В беседе мы коснулись вопроса о найденных Рябцевым мнимых останках. В год прославления Царя и Его Семьи казалось совершенно нереальным, что когда-то этот вопрос еще всплывет. Но Сергей Алексеевич заметил, что была у него беседа с одним московским цадиком, и тот сказал: *«Мы не пожалеем никаких денег, чтобы доказать, что ритуального убийства не было».*

— *Вот как! Выходит, авторы сего исторического «шедевра» проявили себя еще раз. Недаром говорят, что убийца всегда приходит на место преступления. Просто у него там есть свои интересы.*

— Еще какие! Они десятилетиями ожидали этого убийства. Это триумф для них! Воплощение многовековых мечтаний — взять власть в таком огромном государстве. В этом они и исторические параллели усмотрели. Так и в самой революции для них был не столь важен вопрос социальный, сколько вопрос этническо-религиозного торжества, хотя об этом и не говорилось открыто. И сейчас упоминать об этом не хотят. Их верхушка пойдет на всё, чтобы на место реальных знаний о смерти Царя поставить нам очередную небылицу.

— *Да, теперь их заинтересованность понятна. Не приходится сомневаться, что, будучи мастерами всевозможных мистификаций, они и тут постарались всех запутать.*

— О «научных» исследованиях мы уже говорили. Что касается другой стороны утверждения этих вопросов, то ведь не обязательно подкупать того или иного политика, пусть даже в белом клобуке; достаточно подкупить человека или людей, которые дают ему указания. Конечно, мы говорим об «управляемых» митрополитах и политиках. Есть, несомненно, и иные, хотя их и меньшинство... Церковь земная не может не контролироваться извне. Слишком многие силы заинтересованы в том, чтобы влиять на ее поведение и решения. Это было и в прежние века, но в наше время стало очевидным. Люди не понимают, насколько сложное положение

у епископов, ведь многие из них искренне верующие, но они — заложники своей власти, своего статуса. Не всякий способен потерять разом всё свое влияние. Ну а «горячие головы» в архиепиеи обычно не попадают, там тщательный отбор...

— *Вы затронули очень важную тему. Действительно, многие разочаровываются в епископате. Ждут от них, что они, подобно Марку Эфесскому, будут биться за истину. Но этого не происходит.*

— Может быть, кто-то и бьется, мы многого не знаем. Осудить-то очень просто... Без промысла Божьего ничего не случается. Просто нужно понять, чего от нас хочет Господь. Может, Он пытается нас таким образом «стянуть с печи». Сейчас в руках мирян оказалась уникальная возможность: их неравнодушный голос, благодаря всемирным сетям, становится слышен. Вот тут-то бы бросить свою «лепту вдовицы» на чашу весов лжи и правды, а то словно малые дети... Как нас еще пронять? Да, мы достойны не только смущающего многих титула «страстотерпцев», которое прилепили к именам мучеников, делая тем самым повинным в их крови русский народ! Мы достойны и лже-мощей и лже-молитв перед ними.

— *Но для нас, наверное, вопрос «канонизации» этих останков важен еще и потому, что является серьезной угрозой раскола Церкви. Нас ведь предупреждали. Помните слова Царя (в видении святому Иоанну Кронштадтскому): «Могилы моей не ищите...»? За слушание мы будем серьёзно наказаны Богом. Батюшка, но народ же все равно не пойдет в Поросятков лог и в Петропавловку к этим ложным мощам на поклонение?*

— Это очевидно!.. Устроить церковную смуту — как это старо! Но в подобных случаях бездействовать нельзя. Каким образом? Через молитву. Дыхание молитвы в сердце Господь очень хорошо слышит... Мы ведь не равнодушное, бессловесное «быдло», которому можно навязать всё, что угодно; в нас идеалы еще живы. А вот кухонные возмущения — вещь абсолютно бесплодная, и, хотя у них бывает большая энергия, всё это уходит в землю. А вот вопль к небу в сердце, чтобы Господь вмешался и всё изменил, — это сила, и сила реальная, она небеса прожигает!

ИСТОРИЯ ПРОВАЛА

А ведь казалось, что всё идет неплохо!.. 9 ноября 2021 года «Роснано» на своем сайте отчиталось о хороших финансовых результатах. Выручка увеличилась в 6 раз, валовая прибыль — в 5,3 раза. Ну красота же!

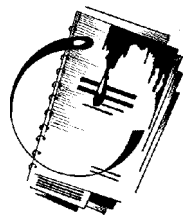
Однако уже в этой жизнерадостной новости внимательный читатель усматривал намек: похоже, скоро грянет буря.

«Остаются факторы, сдерживающие развитие. Речь об исторически сложившихся обязательствах. Задача менеджмента — снижение уровня долговой нагрузки, сформированной до начала 2021 года», — таким комментарием была снабжена отчетность за девять месяцев.

Обратим внимание: не просто какие-то обязательства, а «исторически сложившиеся». Запомним эти слова, они ключевые.

Вечером 19 ноября на сайте «Роснано» появляется сообщение: состоялась встреча с кредиторами и обсуждались «возможные сценарии реструктуризации». На биржевом языке это называется техническим дефолтом — у компании нет денег, чтобы платить по долгам.

ДОСЬЕ "МГ"

Но ведь деньги были, и было их навалом! Только на создание госкорпорации в конце «нулевых» ушло 130 млрд. рублей — 5 млрд. дол. по тогдашнему курсу. Куда они делись? Чтобы в этом разобраться, давайте окунемся в историю. И ответим на вопрос, что все эти годы делала компания «Роснано» и почему она делала это плохо.

Нет, деньги не украли. По крайней мере, следствием это не доказано. Их просто потратили неэффективно. Вот, скажем, купили вы лотерейных билетов на тысячу рублей, а выиграл только один из них, да и то червонец. У «Роснано» масштабы другие и процесс вложений посложнее, но суть проблем примерно такая же.

«Роснано» создавалось 13 лет назад как инвестиционная компания. Ее задача — находить на рынке молодые перспективные фирмы, связанные с нанотехнологиями, вкладывать в них деньги и помогать им развиваться. Если молодая фирма добивается успеха — инвестор богатеет; если фирма накрывается — вложенные в нее деньги вылетают в трубу. Проблема в том, что «молодые перспективные фирмы» куда чаще погибают, чем выживают.

«Модель, применявшаяся при создании «Роснано», с самого начала была провальной. Потому что компания создавалась на государственные деньги. При том, что ее вложения были чрезвычайно рискованными: дай бог, если из десяти проектов один «выстрелит». При этом остальные проекты похоронят деньги налогоплательщиков», — говорит профессор, доктор экономических наук Никита Кричевский.

«Во всем мире подобными рискованными инвестициями занимаются, как правило, частники. У нас же государство не просто дало на это деньги, но и оказалось не готово списывать убытки, которых при такой схеме не избежать. Результат такого подхода предсказуем: либо уголовные дела, либо дефолт», — констатирует Дан Медовников, директор Института менеджмента инноваций Высшей школы экономики.

Так зачем вообще создавали «Роснано»? Да потому что очень «нано» было.

«Структура создавалась как синекура для господина Чубайса. И огромные средства были направлены ему для того, чтобы он чем-то занимался и получал пенсию от своих трудов, коими отметился в 90-е и «нулевые», — говорит Никита Кричевский.

А упор был сделан на нанотехнологии, поскольку в «нулевых» эта тема была очень модной во всем мире.

«Идея нанотехнологий действительно красиво звучит: работа с микроскопическими частицами, где кроется большой потенциал для изобретений, инноваций. Руководство страны серьезно заинтересовалось этой темой», — говорит Дан Медовников.

И под эту тему можно было выбить очень хорошее финансирование. А уж с лоббистскими возможностями и связями Чубайса...

Анатолий Борисович — менеджер, конечно, эффективный. Ну, так было принято говорить в 90-е. Однако для успешной работы с инвестициями и уж тем более нанотехнологиями этого явно мало.

«Компания «Роснано» создавалась конкретным человеком, под этого человека и работала в стиле этого человека. Можно сказать, Роснано = Чубайс + его команда. Раньше эта команда занималась энергетикой, потом взялась за нанотехнологии. Но это очень специфическая сфера. Нужно во многом разбираться, ведь нанотехнологии можно применять во многих отраслях, от фармацевтики до производства труб. Они учились, ошибались, нарабатывали опыт... На это потребовалось немало времени», — говорит Дан Медовников.

Неплохой «грант» на обучение — 5 млрд. долларов! А когда прошли годы и команда Чубайса чему-то научилась в новом деле, стало понятно:

«Ставка на нанотехнологии, которая делалась в «нулевые» годы, не сыграла. Прорыва в этой сфере не случилось, все занялись цифровизацией, искусственным интеллектом. Именно там — сегодняшние основные инновации, деньги, прибыль. Заметьте, о нанотехнологиях уже несколько лет не говорит практически никто, кроме «Роснано». Возможно, технологическая мода на них вернется, но не в ближайшее время», — комментирует Дан Медовников.

При этом у компании оставалось жесткое ограничение — вкладывать деньги только в проекты, связанные с нанотехнологиями. Люди, знакомые с ситуацией, рассказывали: Чубайс пытался «расширить мандат», просил у правительства разрешения инвестировать в более прибыльные отрасли. Но получил отказ: вот твоя наноделянка, ее и обрабатывай.

И «Роснано» ее обрабатывало, причем яростно.

«Институт развития должен помогать предпринимателю развиваться, обслуживать его. А «Роснано» поначалу очень активно вмешивалось в работу компаний, в которые входила, — говорит Дан Медовников. — Часто бывало так: пре-

жних руководителей отодвинут, а первую скрипку начинают играть представители «Роснано». Это стилистика хищной агрессивной корпорации, а не института развития.

При этом — вспоминаем — ни опыта, ни нужной квалификации для достижения этого успеха у роснаноцев долго не было. В результате под чутким руководством менеджеров «Роснано» перспективная компания быстро загибалась. История знает массу таких примеров. Приведем три самых громких.

1. Крематорий для кремния. Почти 14 млрд. рублей «Роснано» потратило на создание предприятия по производству поликристаллического кремния (применяется в солнечной энергетике). При этом Чубайс заявлял: «Гарантий, что мы не провалимся с новым проектом, нет». Как в воду глядел: «*Внезапно* оказалось, что китайцы делают тот же продукт минимум в четыре раза дешевле», — напоминает профессор Никита Кричевский.

Счетная палата позже утверждала: в «Роснано» знали, что цены на поликремний падают из-за роста выпуска в Китае. Себестоимость производства, которое пытались наладить в Иркутской области, в разы превышала его рыночную цену. В итоге завод так и остался на бумаге. А вот Счетная палата, изучив бурную деятельность по его созданию, обнаружила «признаки отмывания и легализации средств».

2. Подножка от Джобса. В 2011 году Чубайс поразил общественность супер-инновационной разработкой — планшетом с гибким экраном. Главный инноватор всея Руси грозился уже к 2013 году запустить в производство 2,1 млн. таких дисплеев в год. В проект было вложено 240 млн. дол. (7,5 млрд. рублей по тогдашнему курсу).

Как мы понимаем, никакого завода не появилось: новинка оказалась никому не нужна. «Эта черно-белая электронная книга была не в состоянии конкурировать с айпадом от Apple. Он оказался лучше по многим характеристикам», — объясняет Дан Медовников.

3. Аккумуляторы сели. Новосибирский «Лиотех» был заявлен как «крупнейший в мире завод по производству литий-ионных аккумуляторов». По разным оценкам, в проект вложили от 13,5 до 15 млрд. рублей. Это не только деньги «Роснано» — например, 500 млн. рублей выделили местные власти.

В 2011 году завод запустили, но он столкнулся с той же проблемой — слабым спросом на продукцию. В 2012 году в компании прошла реорганизация, в ходе которой «потерялось» 513 млн. рублей — Счетная палата усмотрела в этом

«признаки мошенничества». Вдобавок предприятие набрало кредитов на 10 млрд. рублей и с 2016 по 2019 годы находилось в процедуре банкротства. Потом с кредиторами удалось договориться о рассрочке. Однако в сентябре 2021 года здание завода выставили на продажу за 1 млрд. рублей как «производственно-складской комплекс».

«Признаки мошенничества» — не единственное, что увидели аудиторы в работе госкомпании. Вот некоторые выводы Счетной палаты после проверки «Роснано» от 2013 года (дословно):

— Расходы на оплату труда в расчете на одного человека за пять лет увеличились более чем в девять раз.

— Ряд сделок обладают признаками отмывания и легализации средств.

— В рамках расходования средств «Роснано» допускаются сделки с заинтересованностью.

Задержимся на последнем пункте. «В проектах «Роснано» принимали участие многие близкие к Чубайсу люди, — расшифровывает выводы Счетной палаты Никита Кричевский. — Например, в создании завода, выпускающего солнечные батареи, принимали участие структуры Виктора Вексельберга. Они имели определенный спрос внутри страны, но с самого начала были менее эффективны, чем существовавшие тогда зарубежные аналоги». Речь о заводе «Хевел» в Чувашии. Он создавался как совместное предприятие «Роснано» и «Реновы» Вексельберга. В финансовых операциях вокруг завода Счетная палата увидела «признаки коррупционной составляющей».

«Не все, но многие проекты были прикрытием для воровства бюджетных средств. За время существования «Роснано» около 120 млрд. рублей были выведены в Нидерланды, Кипр, Сингапур. На этот счет есть статья 160 УК РФ (Присвоение или растрата. — Ред.) По ней можно получить как минимум пять-восемь лет и спокойно ехать к господину Улюкаеву», — обрисовывает возможные перспективы Никита Кричевский.

А у Чубайса немало старых друзей.

«Есть еще папаша Минц, который ныне спокойно поживает в Лондоне» — напоминает профессор Кричевский. Борис Минц — хрестоматийный персонаж эпохи приватизации. В 90-х работал в подчинении Чубайса, в Госкомимущество и в администрации президента. В 2000 году Минца от власти отлучили, и применение своим талантам он нашел в бизнесе. Основал строительную фирму «О1» и финансовую группу «Открытие». В 2013 году стал скупать негосударствен-

ные пенсионные фонды и объединил их в одну структуру с красивым названием «Группа «Будущее». Она стала крупнейшим в России держателем пенсионных накоплений — около 300 млрд. рублей.

В 2017 году Forbes оценивал состояние Минца в 1,3 млрд. дол., а уже через год он вместе с тремя сыновьями сбежал в Лондон. И вскоре стал обвиняемым по уголовному делу о растрате 30 млрд. рублей. Минца подозревают в махинациях, которые привели к финансовым проблемам «Открытия» (в 2017 году ЦБ пришлось начать процедуру финансового оздоровления банка).

Казалось бы, при чем тут «Роснано»? А дело в том, что еще несколько лет назад Счетная палата предъявляла госкомпаниям претензию: вместо того, чтобы инвестировать, часть денег она держит на банковских вкладах (то есть фактически ссужает их под процент). В каких именно? Открываем финансовые документы «Роснано» за 2014—2015 годы и видим: несколько миллиардов рублей и 20 млн. дол. «Роснано» держало в «Открытии». Это, конечно, не преступление. Но задачи-то государство ставило совсем другие.

Справедливости ради отметим, что Минц, по сообщениям СМИ, в 2013 году продал свои акции «Открытия». Однако связи никуда не делись. Например, до 2017 года банком руководил Евгений Данкевич, давний соратник и бывший коллега Минца по «Открытию». По версии следствия, те махинации, в которых подозревают Минца, он проворачивал вместе с Данкевичем, который ныне объявлен в международный розыск, что не мешает ему наслаждаться жизнью в солнечном Израиле.

Кстати, даже после серьезных обвинений Чубайс публично поддержал старого товарища.

«Борис Минц был, есть и останется моим другом. Я не верю в виновность Бориса Минца и его сыновей и уверен, что придет время — и Борис снова будет строить в России новые прекрасные здания», — написал Анатолий Чубайс на своей странице в Facebook.

«Тьфу на вас!» — мысленно отвечало руководство «Роснано» недоброжелателям и продолжало жить на широкую ногу. Про доходы сотрудников «Роснано» не писал только ленивый. По данным Счетной палаты, в 2014—2015 годах средняя зарплата в компании составила 1,2 млн. рублей в месяц — в 40 раз выше, чем по стране. А сам Чубайс за 2014 год заработал 207 млн. рублей (после этого данные не публиковались).

И конечно, было бы дурным тоном не вспомнить фразу Чубайса, сказанную на корпоративе в честь встречи 2016 года. «У нас очень много денег. Их просто вот совсем много. А значит, у нас есть вторая премия помимо первой!»

Откуда же взялось это «много денег», коли свои миллиарды компания либо положила на депозиты, либо спалила на проектах вроде гибких планшетов?

«В госкомпаниях применялась ущербная схема финансирования инноваций при помощи заемных средств: кредитования и размещения облигаций», — говорит Никита Кричевский.

Аппетит пришел во время еды, и 130 млрд. рублей, полученных на старте, быстро закончились. Словно игроман, занимающий у всех вокруг в надежде взять реванш в казино, «Роснано» побежало просить денег взаймы. Чтобы снова их куда-нибудь вложить в надежде получить хорошую прибыль и отбить потери.

И ведь выпросили же! Благо, волшебная приставка «гос» перед словом «компания» вызывает доверие не только у старушек, но и у банкиров с инвесторами. Корпорация набрала кредитов на 76,3 млрд. и продала облигаций на 71,6 млрд. — итого почти 150 млрд. рублей. Которые направила туда же — на инвестиции в молодые компании, которые потом заглохли или просто не принесли никаких доходов.

«Рынок не принял ни одну из идей. Ни один проект «Роснано» так и не вышел на биржу», — подводит грустный итог Никита Кричевский.

Сомнений не оставалось — проект окончательно потерпел крах. 3 декабря 2020 года Чубайс вместе с командой покинул тонущий корабль, оставив после себя те самые «исторически сложившиеся обязательства».

Часть кредитов и облигаций «Роснано» обеспечены госгарантиями, то есть деньги под это в бюджете отложены специально. Но десятки миллиардов не обеспечены ничем, кроме честного слова прежнего руководства. Минфин в декабре 2021-го высказался: обязательства, обеспеченные госгарантиями, будут выполнены. Об остальных долгах — ни слова.

«Никаких препятствий к банкротству «Роснано» на сегодняшний день нет, — говорит Никита Кричевский. — Решение вопроса только одно — заплатить деньги. Но ни банки, ни правительство в «Роснано» вкладываться не хотят. Все понимают, что это дырка от бублика.

Есть ли у компании будущее? Нет. Это если коротко. А теперь поясним. Допустим, кто-то очень добрый и бескорыстный — например, Российская Федерация — даст компа-

нии денег, и она выплатит свои долги. А дальше что? В 2022 году «Роснано» должно выплатить по облигациям 30 млрд. рублей. Потом подойдет время отдавать кредиты. При этом не надо забывать, что задача компании — не только платить долги, но и инвестировать, поднимать нанотехнологии на Руси. Сможет ли новая команда успешно всем этим заниматься?

«При всем уважении к тем людям, которые сейчас возглавили «Роснано», они никогда не занимались инновационным бизнесом, — говорит Дан Медовников. — Им тоже, как когда-то команде Чубайса, придется учиться, делать ошибки, набирать опыт. Этот опыт был у прежней команды. Да, он провальный, но очень важный. Надо было проанализировать работу команды Чубайса, поговорить с ними и понять, почему были допущены ошибки — только так их можно избежать в дальнейшем. К сожалению, такой анализ сделан не был — вместо этого просто поменяли руководство.

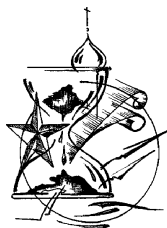
<https://www.kp.ru/daily/28362.5/4510611/>

КОМУ СЛУЖИТ ТАИНСТВЕННАЯ КУБЫШКА?

Всё-таки хорошая вещь — телевизор! Интересные вещи там показывают. Середина рабочего дня, разгар рабочей недели. Казалось бы, кто в такое время у экрана? Вакцинированные пенсионеры да детишки малые, несмышлёные. Им бы что-нибудь лёгкое, информационно-диетическое подать. А тут на тебе — явление в эфире самого министра финансов Антона Силуанова.

Слегка важничая, высший чиновник сообщает народу: «Мы будем систему отслеживать, и если инфляция будет выходить за наши прогнозируемые параметры, мы будем принимать соответствующие решения...» Какую же, интересно, «систему» собираются отслеживать? И каких ещё можно ждать «решений», если цены за прошедший год выросли на всё, кроме человеческой жизни?..

Министр, правда, не стал объяснять, зачем надо ещё в большей, чем прежде, степени вывозить деньги из страны и размещать их в Фонде национального благосостояния (ФНБ). Про «повышение уровня отсечки» он упомянул вскользь, как о чём-то фатально-неизбежном, не поддающемся управленчес-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

кой коррекции. Но заверил: вывозить будут больше, чем в прошлые годы. Кое-что, впрочем, потратят и на Россию — 2,5 трлн. рублей за три года.

Незадолго до этого державного телеэфира представитель Минфина и Центробанка ждали на заседании Совета Торгово-промышленной палаты РФ по промышленному развитию и конкурентоспособности экономики России. Деловые люди обсуждали «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов». Документ был принят в конце сентября Минфином и избежал широкого общественного внимания. А жаль. Сия тощая брошюрка стоит многих томов. Прямо-таки «Манифест колониального госкапитализма».

В чём суть? Основная идея документа — накопление денег на зарубежных счетах и в зарубежных активах. Зачем нам нужна такая гигантская «кубышка» и почему она непременно должна храниться за границей? Твёрдо это знают в Центробанке и в Минфине, но убедительно объяснить не могут. Посему местный народ в сильном недоумении.

«Предусматривается огромный профицит бюджета — порядка трёх триллионов рублей в год. Конечно, он завалирован с помощью понятия «бюджетное правило». Вроде бы деньги, полученные государством с доходов нефти выше определённого уровня — это уже не бюджет, а внебюджетные фонды, ФНБ. Но это эвфемизм, это изъятие денег, которое предлагается осуществлять постоянно. Порядка 3 трлн. рублей в год предлагается выводить в Фонд национального благосостояния и на 90—95% направлять за рубеж», — заявил на заседании ТПП глава Совета промышленник Константин Бабкин. И добавил: «Эти деньги предполагается выводить за рубеж, назад их возвращать не планируется. Вернее, как написано в документе, можно возвращать небольшую часть, не более 400 миллиардов рублей в год, на условиях коммерческой окупаемости и строгой возвратности. Таким образом, деньги ФНБ, а сегодня там накоплено порядка 19 трлн. рублей, рассматриваются как нероссийские. Они не должны работать на экономику страны».

А речь-то идёт об огромных средствах! 3 трлн. рублей — такую гору деньжищ даже вообразить сложно. Это в два раза больше, чем уходит на годовой гособоронзаказ — закупку всех вооружений в России. В 100 раз больше, чем тратится у нас на строительство больниц. В 300 раз больше, чем идёт ныне на поддержку и модернизацию сельского хозяйства.

Что это? Патологическая жадность? Некомпетентность? Злой умысел? «Оброк»? Дань? Хитрый план?

А, может, как уверяет нас Минфин, вложение денег в экономику России взвинтит инфляцию? Но покупка зарубежных передовых технологий, оборудования, производственных линий никак не может повлиять на рост цен на хлеб, бензин, на повышение тарифов на электроэнергию или на железнодорожные перевозки. Однако в «Основных направлениях...» не ставится задача развития обрабатывающих секторов промышленности или поддержки сложных производств. Слезать с сырьевой иглы в ближайшие три года Минфин не намерен.

А как же импортозамещение? Или это была информационная компания, очередная ревакцинация пиаром?.. Кстати, о шприцах. Гендиректор компании «М.К. Асептика» Ольга Пелехатая рассказала на Совете ТПП, что из шести крупных отечественных заводов, выпускающих шприцы, от повышения цен на металл и пластик в прошлом году скончались два. В документе Минфина, между прочим, «предусматривается... постепенное прекращение мер поддержки, принятых на период пандемии».

Есть ещё одна удивительная вещь в нашем госуправлении, на которую обратила внимание член Комитета Госдумы по бюджету и налогам Оксана Дмитриева. «Бюджет сформирован с профицитом в 1,3 триллиона рублей. При этом чистые заимствования превышают 3 трлн. рублей. И примерно на такой же объём осуществляется вложение в Фонд национального благосостояния. Его пополнение — 3,4 триллиона рублей. <...> Зачем одновременно отправлять деньги в ФНБ и на тот же объём осуществлять заимствование? Это же вещь недешёвая!.. По займам нужно платить проценты, расходы на обслуживание долга. <...> При этом долг нарастили так, что расходы на его обслуживание уже сейчас превышают расходы федерального бюджета на образование. На обслуживание долга тратим 1,4 трлн. рублей, расходы на образование — 1,2 трлн».

Что тут скажешь? «Крепкие хозяйственники» у руля! Получается, что правительству важнее инвестировать в чужие экономики, а не в свою, если оно покупает ценные бумаги других государств и копит деньги в ФНБ? И тут же занимает. И платит проценты по кредитам.

Сумасшествие, да и только! «Накопления ФНБ — это вообще какой-то сюрреализм, — заявил Владимир Гамза, председатель Совета ТПП по финансово-промышленной и инвестиционной политике. — Фонд национального благосостоя-

ния в 2024 году практически сравняется с федеральным бюджетом. Я не понимаю, почему это делается, у меня в голове никак это не укладывается. Я не нахожу объяснений этому. Использование средств из ФНБ, вот эти 2,5 трлн. за три года, это вообще смешно... Это 0,6 совокупного трёхлетнего ВВП».

Основой для высокого экономического роста в любой стране мира являются инвестиции в основной капитал. Но откуда ж им взяться в России, если деньги изымаются и вывозятся за рубеж? Вот хорошо было бы, если бы по телевизору сразу вслед за Антоном Силуановым показали Алексея Корукова, учредителя компании «ВНИТЭП». Его предприятие выпускает станки лазерного раскроя и экспортирует их в США, Европу, на Тайвань. Успех? Да. Но при этом «...станкостроение в России по сравнению с 1990 годом сократилось катастрофически. Падение объёмов — в 167 раз! Мы довольно сильно отстали технологически. Кадры на 95% утеряны. Отрасль надо не возрождать, а создавать заново», — говорит Коруков.

Интересно, это как — прорыв, рывок или скачок? А может, у нас присмотром над станкостроением иностранные агенты занимались? «Офицеры МВФ»? Коруков рассказывает: «По заключению экспертов Торгово-промышленной палаты, 87% компонентов моих станков производится в России. И несмотря на это, я так и не получил звания российского производителя... Банковская и налоговая система тоже токсичны для станкостроительной отрасли. Мне кажется, что роль государства, роль министерств, ведомств — это создание инфраструктуры и конкурентного рынка, а не монополизация отраслей, как это сейчас очень часто происходит».

Подведём итоги. Минфин в «Основных направлениях...» планирует 3-процентный рост ВВП страны. Рост мировой экономики ожидается в пределах 6 процентов. Совет ТПП по промышленному развитию и конкурентоспособности экономики России предлагает меры, позволяющие развиваться выше среднемирового уровня. Эти предложения разработали не кабинетные люди, а практики, сумевшие создать передовые производства вопреки проводимой в стране денежно-кредитной и таможенной политике. Почему же наши «рулевые» выбирают путь стагнации, а не развития?.. Почему «кубышка» — это наше всё?..

Практика — критерий истины, и на стороне разумной экономической политики опыт успешных стран. Да, в России всё делается очень медленно. Но прогресс и законы развития общества отменить невозможно. Перемены неизбежны, а уж каким путём они произойдут, покажет жизнь.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ПАСПОРТ

В ближайшее время российскими бюрократическими силами предполагается присвоить всем гражданам России электронные паспорта вместо бумажных. К чему это приведёт? Как это судьбоносное небывалое явление повлияет на жизнь людей и на судьбу страны? Причём, граждан России вообще не спрашивают, хотят ли они иметь такой паспорт!

Вспомним, в чём смысл государства? Прежде всего в том, чтобы обеспечить защиту его граждан от внешних и внутренних врагов. В России некие силы хотят ввести электронный паспорт. Нужно ли это народу нашей страны? Как повлияет такой паспорт на жизнь каждого гражданина и на судьбу всего народа? Этого никто народу не объясняет, такую мы имеем демократию. Но эта невиданная демократия уже совершила ряд деяний, по которым мы можем судить, чем угрожает народу очередная ее затея.

Уже давно всем присвоен ИНН — личный номер каждого гражданина (налогоплательщика). Этот номер присвоен и младенцам, которые налоги не платят. Этот номер остается за человеком и после его смерти, ни к кому из новорожденных он не переходит, но сохраняется навечно в общегосударственном компьютере. Со всеми личными данными человека с этим номером.

Когда поголовную нумерацию людей в РФ внедряли, всем объясняли, что так необходимо, чтобы уплата налогов была прозрачной и государственные деньги никто не смог бы украсть. С тех пор государственных денег украдено больше, чем до введения ИНН, и государство не смогло ни предотвратить, ни отследить их исчезновение. Только из Пенсионного фонда РФ украдено пятьсот миллиардов, и экономист Т.Голликова, возглавив Счетную палату России, найти этих денег не смогла, после чего стала вице-премьером РФ.

Как реально повлияло на судьбу народа России загадочное внедрение ИНН? Очень скоро после этой законодательной процедуры в подземных переходах Москвы и Санкт-Петербурга стали продаваться диски с личными данными на всё население России. Так всей стране было доказано, что наши персональные данные никак не защищены и никто не гарантирует, что эти данные не попадут в руки преступников. И сейчас эти данные можно получить в интернете, чем и пользуются мошенники и воры, возможности которых с тех пор возросли.

То есть общегосударственный компьютер абсолютно не защищён! Не только от крупных бандитов, корпораций, иностранной разведки, но и от мелких торгашей, чей бизнес осуществляется через торговлю с рук в городских подземных переходах.

Массовое мошенничество, когда у людей через звонки на личный телефон обманом выуживают деньги, распространилось именно после того, как появилась возможность узнать личные данные любого гражданина РФ через те самые диски, продававшиеся в подземных переходах.

Мы уже знаем, какими опасными оказались, казалось бы, удобные денежные электронные карты. Сегодня среди населения, потерявшего деньги с этих карт, тысячи жалоб, но вернуть украденные деньги невозможно.

Согласно данным МВД РФ, с января по сентябрь 2019 г. зарегистрировано 10,3 тысяч преступлений, квалифицированных по ст. 159.3 УК РФ («Мошенничество с использованием электронных средств платежа»). Это на 417,3% больше, чем за аналогичный период 2018 года. Всего за указанный период зарегистрировано 205 тысяч преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 69% больше, чем в предыдущем году. То есть прогресс достижений преступников очевиден, и предела ему нет и явно не будет. Но и наша бюрократия хочет шагать в ногу с прогрессом.

И вот задумано в замену бумажного паспорта и всех документов ввести в РФ единый документ — электронный паспорт в виде маленькой пластинки, где в микросхеме будут уложены все данные о личности носителя паспорта. Нужно ли это российским гражданам? Об этом их не спрашивают, потому что у нас демократия. При этом никто и не объясняет никому, зачем этот прогресс нужен народу. Потому что народу электронный паспорт не только не нужен, но опасен и для каждого гражданина, и для существования всего государства. И

для судьбы народа! Ведь база наших личных данных открыта для любого преступника.

Есть ли гарантия, что в мире, управляемом компьютерной кнопкой, возможно улучшение участи человечества? Нет, наступает эпоха электронного управления народом.

Хорошо оснащённая и постоянно растущая армия электронных воров может использовать данные электронных паспортов, например, для покупки на ваш паспорт дорогостоящих товаров или получения банковских кредитов, и обворованный гражданин должен будет оплачивать это воровство. Но есть и другие силы, которым нужно привязать нас к электронному паспорту, чтобы через него управлять нами из-за рубежа.

Как сообщает в своем блоге «За углом» главный редактор еженедельника «Аргументы недели» А. Угланов, 10 марта 2021 года все информагентства России сообщили о сбое в работе сайтов госорганов. Днём не открывались сайты главных государственных учреждений России, включая сайт Кремля. Неожиданно и разом зависли и перестали открываться сайты президента и правительства России, Госдумы, Совета Федерации, Роскомнадзора, Совета безопасности, Министерства экономики, Минпромторга, Роскомиздата, Следственного комитета и другие. Произошёл сбой в работе «Ростелекома».

Продолжалось это несколько часов, и специалисты пришли к выводу, что российский сегмент мировой сети интернета мог быть подвергнут нападению в киберпространстве и что против нас была проведена генеральная репетиция начала боевых действий кибервойны.

У специалистов нет сомнения, что мы подверглись первой массовой кибератаке со стороны американцев, чьё государство сегодня откровенно объявило себя врагом России. Причём за два дня до этой атаки главная газета США «Нью-Йорк таймс» предупредила, что такая атака состоится.

Став придатком электронного паспорта, граждане РФ ставятся в условия постоянного риска быть беспомощными перед любым, кто завладеет данными этих паспортов. Это событие станет трагическим и для тех законодателей, которые внедряют электронный паспорт, ведь и о них можно всё узнать, а им есть, что потерять.

А если, как пишут СМИ, этот паспорт разработан и будет делаться за рубежом, тогда никто в России — ни президент РФ, ни премьер, ни ФСБ, ни контрразведка не знают, что реально заложено в этой микросхеме и как через нее можно влиять на жизнь граждан.

Нажатием кнопки можно будет парализовать каждого, лишив его права на жизнь.

Сегодня в России это понимает только Православная Церковь. Вот слова из обращения Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла к Уполномоченному по правам человека РФ (28 июля 2009 г.): *«По сути, определённая часть нашего общества, которая включает пенсионеров, людей трудоспособного возраста и молодежь, оказывается выброшенной на обочину жизни. Большую часть этих людей составляют православные христиане, которые опасаются, что использование новых технологий может привести к тотальному идеологическому и иному контролю над личностью...»*

Архиерейский собор Русской Православной Церкви в 2013 году заявил, что *«в обществе распространяется обоснованная тревога по поводу того, что использование пожизненного персонального цифрового идентификатора в виде кода, карты, чипа или тому подобного может стать обязательным условием доступа каждого ко всем жизненно важным материальным и социальным благам»*.

Известно, что в уничтожении СССР по американскому сценарию важную роль играли агенты влияния, действующие в пользу нашего врага. Есть они и сейчас.

В нашей стране на высоком государственном уровне действуют силы, о которых никто не знает. Мы видим, что безбожное сознание проникло и в коридоры Российской власти, и чиновники отдельных министерств разрабатывают планы порабощения народа.

Президент РФ наверняка даже не подозревает, что в Минэнерго РФ в сентябре 2007 года принята прямо сатанинская «Стратегия развития электронной промышленности России на период до 2025 года», где утверждается: «Внедрение нанотехнологий должно ещё более расширить глубину проникновения наноэлектроники в повседневную жизнь населения. Должна быть обеспечена постоянная связь каждого индивидуума с глобальными информационно-управляющими (!) сетями типа internet».

«Наноэлектроника будет интегрироваться с биообъектами (биообъекты это мы! — Д.М.) и обеспечивать непрерывный контроль за поддержанием их жизнедеятельности, улучшением (???) качества их жизни и таким образом сокращать социальные расходы государства» (вот когда государство разбогатеет, забыв о социальных расходах! — Д.М.).

«Широкое распространение получают встроенные беспроводные нанoeлектронные устройства, обеспечивающие по-

стоянный контакт человека с окружающей его интеллектуальной (скорее — криминальной! — Д.М.) средой, получат распространение средства прямого беспроводного контакта мозга человека с окружающими его предметами, транспортными средствами, другими людьми. Тиражи такой продукции превысят миллиарды штук в год из-за её повсеместного распространения».

Миллиарды чипов на сто сорок миллионов человек — зачем так много? Значит, казнокрадство предстоит небывалое. Причём, согласно приказа Минэнерго РФ №311 от 7 августа 2007 года, уже определены конкретные объёмы финансирования обозначенных в «Стратегии» мероприятий. Разумеется, эта «Стратегия» разработана тайно от народа и нигде публично не обсуждалась. И ясно, что она продиктована американскими «партнерами».

Не так давно наш президент публично предупредил о сборе американцами на нашей территории личных данных граждан России. А в преддверии присвоения всем нам электронного паспорта на территории России финансовыми структурами ведётся насильственный сбор биометрических данных наших граждан. Разумеется, все данные на всё российское население американцы получают. И кто тогда будет управлять Россией?

Ни для кого не секрет, что американцы стремятся захватить Россию, но им мешает наше ядерное оружие. И вот они нашли оружие, которым можно одолеть и ядерную державу. Это электронные паспорта, через которые любого гражданина России можно сделать беспомощным и неспособным защищать ни свою страну, ни свою семью, ни самого себя.

Чего стоит электронный паспорт, если в городе отключат электричество? Тогда и миллионеру в магазине буханку хлеба не купить. Всем известный Сноуден утверждает, что в США существуют технологии, позволяющие с помощью спутников отключить электричество в целом государстве. Мы — заложники технического прогресса.

При землетрясении, урагане или других катаклизмах, отключающих электричество, человек с электронным паспортом — никто!

Разместив возле границ России военные базы и лаборатории по созданию биологического оружия, США сегодня демонстративно грозят нам войной. Присвоение нам электронных паспортов обеспечит победу в этой войне нашим врагам. И теперь возможна ситуация, когда самое лучшее наше оружие может оказаться парализованным и бессильным, а народ России станет беспомощным.

ОПАСНОСТИ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ВАКЦИНАЦИИ

Среди сторонников принудительной вакцинации («ваксеров») преобладает мнение, что все, кто не спешит прививаться от ковида, — мракобесы. Но это явно не так. Мало кто из сомневающихся спорит с тем, что эта болезнь действительно существует, а вакцины в борьбе с подобными недугами порою остаются единственным средством. Людей пугает стремительность появления «спасительных вакцин», а более всего то, что вакцинацию навязывают насильственно, угрожая колеблющимся или упорствующим в своём неприятии принудительной вакцинации ущемлением прав и свобод.

«Ваксеры» часто приводят в пример отношение к вакцинации в СССР, но забывают добавить, что там была полностью исключена погоня за прибылью. Это во-первых. Во-вторых, не было сокрытия планов, целей власти от народа. Сегодня же, например, многие никак не могут забыть откровения о власти руководителя Сбербанка РФ Германа Грефа, названные в народе циничными. На Петербургском экономическом форуме в 2012 г. он, в частности, сказал: «Любое массовое управление подразумевает элемент манипуляции. Как жить, как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации, все имеют возможность получать напрямую не препарированную информацию через обученных правительством аналитиков, политологов и огромные машины, которые спущены на головы, средства массовой информации, которые как бы независимы, а на самом деле мы понимаем, что все средства массовой информации всё равно заняты построением, сохранением страт?»

Правда, как сообщает РИА Новости, Герман Греф попытался всё перевести в шутку: «Честно говоря, когда я узнал, какие глубокие выводы сделали некоторые интернет-мыслители из моих шуток во время нашей сессии, я от души посмеялся. Неужели умному человеку может быть не понятно, что роль модератора предполагает провокационные реплики, которые подогревают дискуссию? Ребята, ну нужно ведь обладать хоть каплей чувства юмора!» Надо заметить, что народ в основной своей массе это объяснение не принял...

В 1987 году на экраны кинотеатров вышла фантастическая антиутопия Георгия Данелии «Кин-дза-дза». И до сей поры этот фильм приковывает внимание очень многих равнодушных людей: что хотел донести до нас этот художник? Полагают, что идею фильма Данелии подбросил итальянский поэт, сценарист и кинорежиссёр Тонино Гуэрра. Но только лишь подбросил идею, а не подсказал ли он ему многое из того загадочного, что есть в этом фильме? Благо, услышать на Западе о планах глобальных элит Тонино Гуэрре было у кого...

Давно занимала мысль: по какому признаку делили обитателей планеты Плюк в этом фильме? И недавно Александр Леонидович Гинцбург, руководитель центра имени Гамалеи, создавшего вакцину «Спутник V», «пояснил», как это возможно: по наличию или отсутствию в организме «маркеров вакцинации». В связи с этим диалог из фильма: «Ты кто? Я спрашиваю — ты кто? — Пришелец-прораб. — Нет, ты пацак! А ты кто? — Я грузин. — Не-ет, ты тоже пацак! Ты пацак, ты пацак и он пацак! А я — чатланин! И они — чатлане! Так что ты цак надень и в пепелаце сиди, ясно?»

На помощь расвирепевшему чатланину, пытающемуся «поставить в стойло» землян, приходит его напарник пацак: «Посмотри на меня в визуатор, родной. Какая точка отвечает? — Зелёная! Теперь на него посмотри — тоже зелёная. И у тебя зелёная! А теперь на Уэфа посмотри, какая точка — оранжевая? Это потому, что он чатланин!»

Но загадка разделения не давала покоя землянам. Это было так необычно для пришельцев из СССР, что один из них не выдержал и стал задавать вопросы: «Скрипач: Извините, а чатлане и пацаки — это национальность? Уэф: Нет. Скрипач: Биологический фактор? Уэф: Нет. Скрипач: Лица с других планет? Уэф: Нет. Скрипач: А в чём они друг от друга отличаются? Уэф: Ты что, дальтоник, Скрипач, — зелёный цвет от оранжевого отличить не можешь? Турист...»

Вот так и сейчас: всего лишь «маркеры вакцинации», но они резко и, выходит, если вакцинировать принудительно,

бесповоротно делят людей на «чатлан», имеющих привилегированный статус, и «пацаков», отверженных и ущемлённых в правах. Думается, что бизнес легко освоит производство дешёвых визуаторов, определяющих наличие «маркеров вакцинации»: в Китае, говорят, уже налаживают их выпуск — к слову, с такими же сигнальными цветами, как и на Плюке...

Чудно, но вспомним, что мужчины-чатлане носили свою «основу жизни», яички, висящей на груди. Что это? Намёк на что? Но, пожалуй, самое удивительное, что в обществе планеты Плюк не видно детей. Упущение режиссера? Вряд ли: скорее всего, это «фантастическое отражение» действительных планов глобальных элит...

Не забудем здесь и разговор о «цветовой дифференциации штанов» (о стратах общества в понимании нашего премудрого Германа Грефа), потому что *«когда у общества нет цветовой дифференциации штанов, то нет цели!»*

И ещё один момент. Русских на Западе всегда называли медведями. А это о чём говорит? Совершенно очевидно — о том, что наши западные соседи наблюдают у русских определённый крен в психотипе в «медвежью», то есть во флегматическую сторону. А если давить на флегматиков так же, как и на, скажем, сангвиников (а у немцев, с точки зрения русских, явный крен в «волчью»), то есть в сангвиническую сторону, что заметили наши предки, назвав их рыцарей «псами»), то хорошего из этого ничего не выйдет. В лучшем случае, «медведь» «уйдёт в глушь леса», как это было со старообрядцами, а в худшем — последует взрыв («революция», восстание, переворот...). А может быть, кто-то из системных либералов умышленно ведёт к последнему, зная эту особенность русского народа? Посмотрите, как отреагировал на административную «борьбу с ковидом» посредством штрафов президент республики Беларусь Александр Лукашенко: отлуп дал сразу же всем зарвавшимся чиновникам. Политик он очень опытный: стало быть, почувствовал в принудительной вакцинации и в «жёстких мерах профилактики» серьёзную опасность для государства.

В принципе, понятно, почему так усердствуют некоторые добровольные помощники сторонников принудительной вакцинации: **страх смерти**, волну которого подняли и разогнали ведущие мировые и отечественные СМИ, мешает трезво оценить обстановку. Уже многие, в том числе и автор этих строк, потеряли родных и знакомых, умерших от ковида. Но надо взять себя в руки: принудительная вакцинация и «жёсткие меры профилактики» до добра не доведут...

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2021 год
(Ноябрь — декабрь)

Наверное, так случайно совпало. Вскоре после встречи с Путиным нового премьер-министра Израиля Нафтали Беннета Министерство юстиции РФ признало экстремистским советский документальный антиссионистский фильм 1973 года «Тайное и явное». Ну и, конечно же, просионистское лобби в российском правительстве не могло не сыграть свою роль. Помнится, в советское время этот откровенно-убедительный и доказательный фильм шёл по центральному телевидению.

Но самое странное заключается в том, что даже после этой встречи удары израильских ракет по Сирии не прекратились...

Похоже, израильские «печеньки» действуют только в одну сторону... И никаких ответных действий Израиль не получает. То есть донбасская история, по воле Кремля, повторяется и в Сирии...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

* * *

4 ноября, в т.н. «День народного единства», четверо уроженцев ближнего южного зарубежья, получивших российское гражданство, в Москве напали на русского мужчину с ребенком. Один из них угрожал ножом. Естественно, в знак празднования «Дня народного единства»...

* * *

По поводу российского заявление о росте военной активности США и НАТО в Черном море представитель Пентагона Джон Кирби сказал: «Мы продолжим летать, плавать и действовать в международном воздушном и морском пространстве, как посчитаем нужным...» Вот как нужно отвечать на все подобные претензии с чьей-либо стороны, а не жевать на каждом шагу сопли и оправдываться за каждый свой чих.

Но почему в это же самое время нет наших военных кораблей и самолетов у берегов Кубы и Венесуэлы? Причём без каких-либо оправданий?

* * *

Первые шаги по созданию электронного концлагеря на российской территории уже сделаны. Правительство направило на утверждение в Госдуму законопроект об использовании QR-кодов на транспорте, в магазинах и в общественных местах. Как я и писал ранее, невакцинированные становятся людьми вне закона, и конституционные «права человека» на них распространяться уже не будут. А глава Роспотребнадзора Анна Попова предлагает в 2022 году начать штрафовать тех, кто не привился от ковида.

Как быстро всё это произошло! Не успели мы опомниться от жутких телезаявлений Мурашко, Поповой и Голиковой, как непривитые люди уже стали изгоями общества, сильнее всего ненавидимыми и презираемыми той частью населения, которая не только вакцинировалась, но и вторично укололась. В Казани их, не имеющих QR-кодов, уже выкидывают из автобусов. Их уже выгоняют с работы из МГУ. А региональные власти требуют возбуждать против них уголовные дела. Как говорить, приплыли... Чем это отличается от классовой ненависти столетней давности?..

Опять власти нас раскололи. Когда-то — по религиозному признаку, потом — по классовому, а вот теперь — по медицинскому. Всё идет к тому, что ретивые чиновники из Минздрава запретят невакцинированных бесплатно лечить. И впрямь, к чему, по закону концлагеря, лечить изгоев?..

Видимо, никогда не потеряют актуальности пророческие слова М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Российская власть должна держать свой народ в состоянии постоянного изумления».

* * *

Утром 26 ноября нам сообщили окончательную цифру погибших шахтеров и спасателей в кузбасской шахте «Листвяжная» после взрыва метана 25 ноября — 51 человек. В Кемеровской области был объявлен трехдневный траур. Вечером в программе «Время» шёл репортаж из столицы Кузбасса о причинах и виновниках очередной кузбасской трагедии. И в это самое время, в 21.00, — параллельно — по российскому каналу в запись был запущен «фестиваль юмора» из Сочи с ведущим Н.Басковым. На телевидении ни у кого не хватило ума в связи с нашей жуткой трагедией перенести эту «юморную» запись на другой день. И никто из властей предрержащих не посоветовал телеруководство исключить из сетки вещания неуместное ржание. Весь вечер 26 ноября канал «Россия-1» демонстрировал на всю страну это лошадиное ржание вместе с кривляниями на сцене всех этих давно обрыдших нерусских «юмористов».

Лишний раз убеждаешься в том, что российское телевидение к народу России не имеет никакого отношения.

P.S. По сообщению ТАСС, глава Кемеровской области Сергей Цивилев отправил в отставку избранного главу города Прокопьевска Вячеслава Старченко, по случаю инаугурации которого прошла торжественная церемония с банкетом в день трагедии на шахте «Листвяжная». Но отчего же кремлёвским миротворцем не отправлено в отставку руководство телеканала «Россия-1», устроившего всероссийское ржание в день траура по погибшим в Кузбассе горянякам?

* * *

Русские позволили немцам объединиться, несмотря на понесенные от них страшные потери в Великой Отечественной войне. Но немцы не позволяют русским объединиться с Донбассом. Да и наше объединение с Крымом они тоже не признают. Более того, Германия присоединилась к экономическим санкция против России. Вот в этом и состоит ничтожество и подлость Европы. Мы действительно с ними абсолютно разные.

* * *

Похоже, новый африканский штамм ковида «Омикрон» обнуляет все существующие вакцины и обесмысливает

куар-коды. Этого следовало ожидать. И это лишний раз подтверждает то, что не вакцину нужно было изобретать, а срочно разрабатывать эффективное и доступное для населения **лекарство** от коронавируса. Тогда и смертельных исходов было бы гораздо меньше. Но российская власть решила встроиться в общемировой тренд по всеобщей вакцинации. И уже становится всё яснее и яснее, что этот путь — тупиковый. Нет вакцины ни от СПИДа, ни от сифилиса, ни от туберкулеза, ни от гепатита. Но зато есть лекарства от них, и потому эти болезни перестали быть смертельными. И не надо в этих случаях ломать иммунную систему организма.

Государству нужно бросить все силы не на разработку и испытание новых вакцин от ковида, а на создание лекарства от него. У американцев оно есть, но крайне дорогое. Нам нужно своё и доступное для всех. Это единственно правильный путь. Все другие — только множат проблемы, озлобляют и разделяют людей.

* * *

Узурпацию Крыма в свою пользу и в ущерб России дважды осуществила Украина — причем без согласия, без референдума, без опроса населения полуострова. Сначала по волюнтаристской воле Хрущева в 1954 году, а затем — Ельцина в 1991-м. Это и являлось в действительности настоящей аннексией Крыма Украиной. Русские жители Крыма считают эти два года чёрными датами в своей истории. И в марте 2014 года произошел не просто акт исторической справедливости, а **освобождение** Крыма от украинской аннексии. Очень точно гласит мудрая русская пословица: «Вор громче всех кричит «держи вора». Тот, кто дважды вопреки воле народа аннексировал Крым, теперь громче всех кричит об аннексии Крыма Россией. Но воля народа и крымский референдум показали всему миру, кто узурпатор и кто освободитель.

* * *

Как следует понимать, после своей виртуальной встречи с Байденом в начале декабря Путин ради запуска «Северного потока-2» вновь пожертвовал Донбассом. Двухчасовая их беседа держится в большом секрете, но очень похоже на то, что наш президент пообещал Байдену не вводить войска на Украину, если будут сняты санкции против нового газопровода в Европу. И сделка, как все поняли, состоялась: уже на следующий день все санкции по отношению к «Северному потоку-2» американские конгрессмены сняли. Это после их резких угроз уничтожения трубопровода... «Наши» газовые

олигархи могут спать спокойно. Их интересы и доходы Кремлю гораздо важнее и дороже «непризнанных республик». (Кстати сказать, не признанных именно Путиным в 2014 году. Как он теперь признался, «пока») А ДНР и ЛНР могут еще восемь лет подождать.

* * *

9 декабря во время онлайн-встречи В.В. Путина с членами Совета по правам человека, куда были приглашены «деятели культуры» из либерально лагеря, кинорежиссер А. Сокуров предложил президенту «отпустить на свободу» кавказские республики. В.В. Путин был, конечно, возмущён подобным предложением и долго объяснял, почему этого нельзя делать. «Вы хотите развалить страну? Вам было мало 1991-го и 1993 годов?! Вам было мало чеченской войны?!» Правда, монолог президента закончился для Сокурова весьма мирно и безобидно: «Александр Николаевич, мы с вами давно не виделись, заходите ко мне, нам есть о чём поговорить...» То есть заявления весьма определенных «деятелей», подобных Сокурову, идущие в разрез как с Уголовным кодексом, так и с Основным Законом, сходят для них, как с гуся вода... И телевидение эти заявления демонстрирует на всю страну... А заодно и поднимает на новый уровень патриотизм президента...

Но возникает естественный вопрос: отчего же наш президент встречается, мирно беседует и отвечает на вопросы только подобных «деятелей культуры» — то есть либерального толка, а точнее говоря — представителей той самой «пятой колонны»? Почему иначе не бывает? Отчего наш президент никогда не встречался и не отвечал на вопросы патриотического крыла русской культуры? Неинтересно, что ли? Или боится их вопросов, при которых патриотическим пафосом не отделаешься?..

* * *

13 декабря на 93-м году жизни остановилось сердце великого русского человека — не просто Народного художника России, а именно Человека с большой буквы и моего давнего старшего друга — выдающего скульптора Николая Александровича Селиванова. Для меня это была огромная личная потеря. Николай Селиванов создал целую галерею скульптурных портретов истинных героев России — от исторических героев до легендарных русских деятелей науки, искусства и литературы. Его авторские памятники русским героям стоят как в России, так и за рубежом. Это был простой, доб-

рый, отзывчивый и необыкновенной души человек. Я любил бывать в его мастерской, где нередко в теплом застолье собирались наши друзья: писатели, артисты, художники, политики...

Николай Александрович до своих преклонных лет находился в постоянной творческой работе. Однако наша очень «заботливая» московская власть на его 90-летие у него эту мастерскую отняла. Не помогли никакие наши письма и обращения к вышестоящим властям.

О смерти поистине великого русского человека ни на одном канале ТВ не было сказано ни слова. Да, конечно, это не певун Градский-Фрадкин...

Г-н президент, вот это и есть вопиющий факт русского геноцида.

* * *

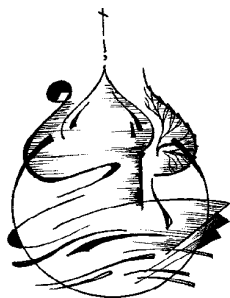
Вот что значит делать карьеру и деньги на территории врага. Руководство Национальной хоккейной лиги США и Канады (НХЛ) приняло решение (естественно, по совету из Госдепа) об отказе в участии в Зимних олимпийских игр в Пекине в феврале 2022 года. Зарубежным хоккеистам, задействованным в чемпионате НХЛ, в том числе и российским, так же не будет позволено выступать за свои национальные команды на этой Олимпиаде. Так что тот, кто мечтал увидеть в нашей хоккейной сборной Овечкина, могут пролить скупую мужскую слезу.

Впрочем, национальной российской олимпийской команды в Пекине вновь не будет. Опять будут «нейтральные» игроки под белым флагом... И это сразу после кремлевского «ультиматума» всему западному миру...

ЛЮДИ ОСЕНИ

Кто ответит на вопрос: почему солнце русской поэзии Пушкин, это «наше всё», предпочитал осень всем временам года? Разумеется, он не делал из обозначенной причины тайны, называя «наше северное лето карикатурой южных зим». Но здесь скорее отговорка, необходимая для того, чтобы слегка прикрыть некую суть.

Почему эту суть следовало прикрывать? Чтобы кого-нибудь ненароком не обидеть. Осень — время зрелости, время принесения плодов. Между тем, кто-то застывает в своем внутреннем развитии в подростковом возрасте, кто-то — в юношеском, кто-то во времени начала взросления. Первые бывают склонны к импульсивности, обидчивости, а иногда — и злопамятству. Могут до страсти любить разного рода игры. Вторые влюбчивы и склонны к авантюрам. Третьи либо чрезмерно агрессивны, либо, наоборот, слишком податливы. А кто-то, пройдя все переходные возрасты, восходит на ступень душевной зрелости. Последние обогащают самим фактом своего присутствия других людей. Именно таким был Пушкин. Осень наиболее соответствовала его душевному складу.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Кто-то достигает возраста зрелости уже в младенчестве, кто-то — в подростковом возрасте, кто-то — в юности. Это, в первую очередь, христианские мученики. Они собраны в житницу Божию и радуются обилию плодов, что принесли их души. Однако здесь мы имеем дело, скорее, с исключением.

Правило же — созревание личности как постоянный, растянувшийся на десятилетия, процесс: «От силы в силу» (Пс. 83: 8).

Осень являет скрытую энергию растений: поглощенные ими из почвы и воздуха вещества, оплодотворяемые животворной мощью солнца, выстраиваются — молекула за молекулой — в самые удивительные по форме, цвету, аромату и вкусу плоды.

Так и человек, который творчески впитывал с младенчества ощущения, чувства, знания, в пору своей зрелости приносит еще более удивительные плоды в виде гимнов, поэм, симфоний, картин, храмов, теорий и законов, образцов общественного и государственного благоустройства, ратных подвигов, изобретений, тщательных возделанных полей и садов.

Впрочем, всё перечисленное — лишь внешние проявления душевных сокровищ, имеющих цену только в земной жизни. Поэтому куда важнее невидимые плоды в виде восстановленного духовными подвигами богоподобия. Здесь — высший смысл существования человека на этой Земле.

Народ — подобная живая душа с теми же периодами развития. Шпенглер в «Закате Европы» век тому назад предлагал разделять жизнь народа на период расцвета культуры и на время развития цивилизации. Второй растрчивает ранее накопленный потенциал, распространяясь вширь, а не вглубь. Из выбранного Шпенглером заглавия явствует, что он вслед за теми, с кем развернул свою полемику, продолжал воспринимать Европу в качестве всемирного светила, изливающего неисчислимыя блага обитателям прочих континентов, с тем лишь недостатком, что оно уже вошло в фазу заката.

Немецкий философ выступил в известной степени реформатором, отвергнувшим европоцентричную модель мира и принявшим попытку отказаться от вошедшего в привычку европейского самолюбования. Сделать столь решительный шаг было, наверное, не проще, чем в свое время Копернику, выступившему против геоцентричной модели мира. Ведь польский астроном не касался чьих бы то ни было, столь обыкновенно ранимых, национальных чувств. Шпенглер этого не постеснялся, однако не смог убежать самовлюбленности европейца.

Н.Я. Данилевскому было, вероятно, проще критически анализировать европейскую (или, как он чаще выражался, романо-германскую) цивилизацию, поскольку он почитал русских представителями иного культурно-исторического типа. Так что Николай Яковлевич высказался на полвека ранее Шпенглера значительно более определенно и последовательно.

Поэтому немецкий философ много потерял от того, что не удосужился ознакомиться с творением русского мыслителя. Он не почитал Россию носителем самобытной культуры, но в лучшем случае — лишь вторичным светом западноевропейской.

Данилевский говорит, что, как в развитии человека можно различать три, четыре и даже семь возрастов (в последнем случае это «младенчество, отрочество, юность, молодость или пора зрелости, возмужалость, старость и дряхлость»), «так же точно можно отличать и различное число периодов развития и жизни исторических племен».

Николай Яковлевич вывел пять законов исторического развития, никем пока не опровергнутых. Нас интересует пятый из них, который гласит:

«Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплотным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз и навсегда их жизненную силу».

Обозначенный «период цветения и плодоношения» Данилевский и называет цивилизацией. Для Рима, например, он почитает им отрезок времени в полтысячелетия — от Пунических войн до III века по Рождестве Христовом. Это римская осень, оставившая свой неизгладимый отпечаток на физиономии, если можно так выразиться, целого мира.

Согласно Данилевскому, европейский (или романо-германский) культурно-исторический тип поднялся до стадии цивилизации в XVI веке. Шпенглер, разумеется, понимающий цивилизацию несколько иначе, счел ее началом XIX век, отмеченный успехами немецкого оружия в 1813 и 1870 годах и, уже в XX веке, — в 1914 году. Коль скоро, по представлению Шпенглера, пришла пора европейской цивилизации (на смену одноименной культуре), ничего выдающегося в области последней ожидать не приходится, отсюда вытекает рекомендация:

«Если под влиянием этой книги представители нового поколения займутся техникой вместо лирики, мореплаванием вместо живописи, политикой вместо теории познания, — они совершат то, что соответствует моим желаниям, и ничего лучшего им пожелать нельзя».

Некоторые воспользовались данным советом, а также и другими, которые, что называется, витали в воздухе. Так параллельно «Закату Европы» родилась идея «Триумфа воли» в окружении нацистских знамен.

Жизнь всегда богаче любых схем. Поэтому, как в Риме периода цивилизации процветали искусства с наукой, так и в Европе XX века они не спешили умереть. И хотя Шпенглер достаточно произвольно ограничил развитие западной культуры, по сию пору она существует и продолжает лидировать в планетар-

ных масштабах по целому ряду направлений, в этом плане выгодно отличаясь от русской культуры, которая вошла в начале XXI века в период стагнации. Возможно, перед предстоящим рывком вперед.

Данилевский рекомендовал России держаться от Европы подальше, дабы избавиться от позорной для русских болезни «европейничанья», поскольку Европа, в известной мере, препятствует развитию ее самобытного потенциала. Русский мыслитель выделяет четыре основы, на которых развиваются цивилизации различных культурно-исторических типов. Причем наиболее древние из них — вавилонская, египетская, индийская и китайская — отличались синкретизмом. В еврейской, по его мнению, преобладала религиозная основа, в греческой — культурная, в латинской — политическая. Западноевропейская (или романо-германская) цивилизация наиболее сосредоточилась на культуре и науке. В грядущей славянской цивилизации русский мыслитель предполагает развитие всех четырех основ — религиозной, политической, научной и культурной.

Теоретически это более чем возможно. В прежние времена цивилизации начинались вслед за преодолением великих политических потрясений. Войны греков с персами, римлян с пунийцами, Реформация в Европе, сопровождавшаяся всеевропейской войной, — вот рубежи, за которыми следовал расцвет. Вполне закономерно после мощнейших пертурбаций, постигших Россию в XX веке, ожидать чего-либо подобного и от неё.

Русский культурно-исторический тип сформировался позднее западноевропейского. Раньше в этом видели большой недостаток и пытались догнать Запад, как в свое время Рим гнал себя за достижениями эллинской культуры. Рим, правда, не сомневался в своем политическом превосходстве перед разлагавшейся государственностью эллинского мира, поэтому стал возможным синтез.

Россия со своим Православием и органической связью с Азией оказалась намного дальше от западноевропейской цивилизации с её папством и протестантством, а затем — секуляризмом, нежели в свое время Рим от Эллады. Поэтому, вопреки всем усилиям так называемых западников, синтез не удался.

Век тому назад Шпенглер говорил о закате Европы. Закат, пожалуй, произошел: только не Европы, а ее прежнего светила — Христа. И сама идея поставить на место Богочеловека культурный феномен среднего достоинства (потому что цивилизация, по самому Шпенглеру, предполагает усредненность) — есть признак широчайшего отступничества от первоисточка европейской культуры. В до сих пор не ратифицированной Конституции Евросоюза даже не упомянуто о значении христианства для развития Европы, хотя присутствуют лестные слова в адрес древних Греции с Римом.

Шпенглер в главе «Физиогномика и систематика» говорит: «Дон Кихот, Вертер, Жюльен Сорель — портреты эпохи, Фауст же — портрет целой культуры». Таким образом, пылливое, ни на чем не останавливающееся и потому разрушительное начало Шпенглер почитает самой сутью западной цивилизации. Прав ли он, приняв цветение болезни, убивающей организм, за цветение самого организма? Думается, не прав и в известной степени близорук, что и показал его соотечественник Томас Манн в романе «Доктор Фаустус» (1947 г.). Писатель заканчивает действие романа 1944-м годом, предвкушением политического разгрома Германии. Развитие фаустовского начала — одержимости главного героя — совпадает с установлением и утверждением нацистского режима в стране. Экспансия этого режима совпадает с су-масшествием главного героя. Далее — смерть.

Закат Европы был ускорен соотечественниками Шпенглера, потому что в 1945 году ее уже делили между собой на сферы влияния США и Россия. В то же время, благодаря означенному разделу, старушка получила своего рода второе дыхание.

Чем была Вторая мировая война? Следствием пассионарного взрыва (если мы воспользуемся терминологией теории этногенеза Гумилёва), объявившего кольцом весь мир — Японию с Турцией и Россией в Азии, ту же Россию с Германией в Европе?

Если брать только внешнюю связь событий, с этим можно согласиться. Но если встать на духовную точку зрения, следует сказать: то была война цивилизаций — уходившей (европейской) и приходившей (русской). Обе были пьяны революционными стихиями, но перед самым столкновением произошла поляризация сил — в сторону внешне довольно благопристойного, поддержанного Ватиканом, но внутренне богоборческого, фаустовского начала и в сторону внешне неблагообразного коммунистического, но внутренне христианского начала. Последнее явилось миру в 1945 году, чтобы уйти до лучших времен в тень русских глубин.

Современный мир чем-то стал проще, а чем-то сложнее, влача за собой с неотвратимой необходимостью шлейф информационных и коммуникационных потоков. В нём происходит смешение народов и цивилизаций. Свежая кровь вливается в, казалось бы, омертвевшие формы, и почти засохшие деревья начинают давать юную поросль.

Однако не стоит обманываться — её отдельные очаги не делают весны. Они не способны поднять почти уже зимнего солнца на высоту, дающую обилие света и тепла, но способны распространить вокруг себя животворящей энергии всеобщего цветения. Они лишь дают зрению некую обманчивую отраду.

Может ли она сравниться с торжеством красок и плодов настоящей, только вступающей в свои права, осени? Может ли поспорить с нею щедростью дарований? Может ли по-настоящему пленить сердца людей, ищущих подлинной отрады?

После второго дыхания Западная цивилизация выдыхается и агонизирует. Огромный ущерб ей принесло отчасти удавшееся на излете XX века поглощение Русского мира. Дело в том, что всякое поглощение не требует творческой энергии, оно расслабляет и отупляет поглотителя, отнимая слишком много внимания на переваривание проглоченных кусков. Тогда как сопротивление поглощению вызывает всплеск творческой активности.

В романе Достоевского «Братья Карамазовы» автор в уста Ивана вкладывает слова, по-видимому, близкие самому себе:

«Я хочу в Европу съездить, Алеша, отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище... вот что!.. Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни, и плакать над ними, — в то же время убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище, и никак не более.»

Полтора века тому назад подобное высказывание, вероятно, многим казалось странным, даже дерзким. Однако сейчас, когда в европейских странах проводятся референдумы, в ходе которых люди массово отрекаются от своих традиций в пользу гомосексуальных браков, эвтаназии, аборт и прочих экзотических плодов иных культур и цивилизаций, справедливость вышеприведенных слов всякий раз подтверждается.

Итак, остались камни, где-то подёрнутые изморозью, где-то присыпанные снегом. Остались оголившиеся от листвы сумрачные силуэты деревьев — печальные напоминания о былой красоте. Остался вздымающийся и закрывающий собою перспективу солнечного заката Атлантический океан, который согревает своим дыханием остывающий материк, где нет-нет, да и проглянет нечто свежее и зеленое. Но в глухих недрах океана давно погребена Атлантида...

Неотвратимость финала европейской цивилизации чувствуют лучшие умы Запада. Многие отождествляют с ним и всеобщий финал человечества. В книге «Смерть Запада» Патрик Дж. Бьюкенен, советник президентов Никсона и Рейгана, выдвигавший свою кандидатуру в президенты США от Республиканской партии в 1992 и 1996 годах, объемлет термином «Запад» даже Россию с Японией. Конечно, его удовлетворяет победа США и союзников в Холодной войне. Однако он видит куда более страшного врага Запада в лице «культурной революции», поднявшей голову в 60-х годах прошлого века. Он не желает уничтожения России и открыто выступает против расширения НАТО в восточном направлении, видя в подобном продвижении фактор самоубийства Запада.

Бьюкенен пишет:

«За треть столетия, в течение которой контркультура стала доминирующей культурой, а доминирующая, по выражению Гер-

труды Химмельфарб, превратилась в «диссидентскую культуру», Америка превратилась в идеологизированное государство, в «мягкую тиранию», насаждающую принципы новой ортодоксии не через армию и полицию, а через инквизиторов от масскультуры».

Отождествление Бьюкеноном Русского мира с Западом можно воспринимать двояко: или как верхоглядство, или же как прозрение будущего. Если Запад в узком смысле этого слова вступил в стадию постхристианства, перед ним две перспективы. Первая из них: самая реальная и осязаемая смерть. Вторая: активное принятие русской цивилизации. Ватикан, в первую очередь, будет стремиться оседлать последнюю, чтобы паразитировать на ней. В этом случае он убьет её в разы быстрее, чем убил романо-германскую цивилизацию. Ватикану не должно быть места в Русском мире. Это вопрос жизни и смерти.

Ватикан вполне устраивает рай на земле без Христа, то есть, если выразиться определённое, — царство антихриста. О реальных очертаниях этого выморочного царства, уже проступающего, точно сквозь туман, из-за завесы будущего, так говорит тот же Бьюкенен:

«Отмирание национальных государств и возникновение мирового правительства было мечтой интеллектуалов со времен Канта. Несмотря на всю свою утопичность, эта мечта оживала в каждом поколении. С точки зрения христианства это — ересь. Когда философы Просвещения отвергли Церковь, им потребовалась замена обещаемому Церковью небесному видению. И они созидали представление о человечестве, совместными усилиями строящем рай на земле. Подмена потусторонности посюсторонностью — та же самая сделка, какую осуществил Исава, продавший Иакову право первородства за чечевичную похлебку. Дети Просвещения стали реализовывать этот план. С ослаблением влияния христианства на Западе они уже успели заложить фундамент и возвести первый этаж здания мирового правительства».

Далее Бьюкенен цитирует своего единомышленника профессора Джеймса Курта (ученика и последователя Хантингтона, который, в отличие от Шпенглера, в числе девяти прочих, ставит на первом месте «Православную цивилизацию»):

«Подлинное столкновение цивилизаций — не схватка между Западом и кем-то из остальных. Это будет схватка между Западом и «Пост-Западом», сложившемся в рамках западной цивилизации. Столкновение уже началось — в мозгу западной цивилизации, среди американских интеллектуалов. Да, столкновение началось, и сегодня оно распространяется от мозга по всему телу...»

Так, на фоне всё более безжизненных пейзажей воздвигается очередной вариант Вавилонской башни — продукт совместного творчества демонической и человеческой природы. Над нею реет знамя внешне мудрого и внутренне лукавого Фауста, что так завораживает западного человека своими баснями о дерзновенных исканиях и свободе творческого полета. Под сенью

фаустовского знамени на подступах к башне воют голодными волками с округлившимися от безумия глазами новые Содом и Гоморра.

Постхристианство или, если быть точнее, антихристианство вырастает из недр западной цивилизации, чтобы проглотить её, подобно тому, как семь тощих коров из сна фараона съели семь тучных коров и не стали толще (Быт. 41: 1-4). Или подобно тому, как вырастает рог в пророчестве Даниила: «Я смотрел на эти рога, и вот вышел между ними еще небольшой рог, и три из прежних рогов с корнем исторгнуты были перед ним, и вот в этом роге были глаза, как глаза человеческие, и уста, говорящие высокомерно» (Дан. 7, 8).

Самоотрицание ради эфемерных мечтаний, самоликвидация, постепенное, завораживающее кружение в водовороте, завлекающем в беспросветную бездну; в конечном итоге — самоубийство.

Век назад Россия подхватила лозунг европейских маргиналов-космополитов «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Правда, всего лишь через два десятилетия Коминтерн был изъят и придушен Иосифом Виссарионовичем.

Теперь Премудрость Божия обращается к пролетариям, что означает в буквальном переводе *неумущим*. Речь здесь, правда, идет не о материальной собственности — о разуме. Таким образом, на пир осени призываются пролетарии ума. В их слух вкладываются слова: «Оставьте неразумие, и живите, и ходите путем разума» (Притч. 9: 6).

В данном призыве неразумие (а в церковно-славянском варианте перевода еще откровеннее — «безумие») выступает синонимом гордыни. Европа столетиями гордилась перед другими культурами и цивилизациями своими достижениями. И каково-то теперь бросить всё в подмерзшую грязь и растоптать! Каково-то расстаться с интеллектуальным аристократизмом! Каково-то стяжать евангельскую нищету духа!

Но по-другому нельзя: новое вино можно влить только в новые мехи. И если под мехами понимается разум, нужно его изменить в русском направлении.

Аромат молодого вина зовет людей в Хартленд, как век тому назад назвал Россию профессор Оксфордского университета Маккиндер. Здесь виноделы поют свою простую и вместе величественную песнь, здесь исполняют завораживающий танец. Здесь порождаются феномены русской цивилизации, русской осени. Каковы они будут, об этом рано еще говорить. Ведь осень только начинается. И чтобы она была плодородной, нужны люди осени.

г. Ярославль

ЛИТЕРАТУРА КАК ЖИЗНЬ И СУДЬБА

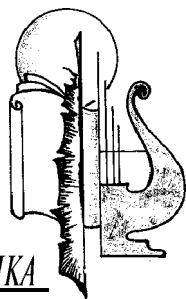
К 100-летию журнала «Молодая гвардия»

...И дышат почва и судьба.
Борис Пастернак

1

Никто из нас не усомнится в том, что история существует во времени: в прошлом, настоящем и будущем. Время и ритм определяют её главные моменты. Можно сказать и так: всему есть своё время — взрослению и становлению, есть время собирать камни и время разбрасывать их. Вот и мы, уподобясь Екклесиасту, соберём самые лучшие впечатления, самые яркие воспоминания, которые остались в нашей памяти и которые связаны с журналом «Молодая гвардия». Разумеется, всё охватить невозможно! Журнал основан в 1922 году! Коснёмся лишь более новых, недавних номеров этого поистине легендарного издания, в особенности запомнившихся произведений поэзии, прозы, литературоведческих статей и публицистических очерков. Литература, как и история, тоже живёт во времени, для каждого из нас являясь русской наукой жизни. Именно она выводит человека в свет — из тьмы времён — и не даёт усомниться в письменном слове, настойчиво заставляет отстаивать своё право на правду, истинность, человечность.

Говорят, что время многое разрушает. Сегодня очевидно, что внутри русской культуры пи-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

сатели XXI века потеряли единую и неделимую Родину. Несмотря на определённую растерянность литературы перед временем, не оставляющим иллюзий, предстоящее 100-летие журнала «Молодая гвардия» убеждает в ином — время календарное не всегда совпадает с литературным. И с общественным — тоже. Оглядываясь назад, мы понимаем, какой тернистый и вместе с тем прекрасный литературный путь прошёл журнал. 100 лет — завидное рабочее долголетие! Журналу удалось сохранить реалистическую традицию отечественной словесности, отстоять её христианский идеал, воплотившийся в Православии. Ибо по-прежнему важным вопросом нашего бытия и нашей общей истории остаётся человек — народ, национально-культурная общность, которая всех нас объединяет.

Валерий Васильевич Хатюшин, будучи главным редактором журнала «Молодая гвардия», продолжает русскую традицию, начатую его предшественниками, писателями классического реализма, непреклонно доказывая читателям: традиция как никогда актуальна! Благодаря ей он утверждает собственное самостояние писателя и свою личную ответственность гражданином. Русский поэт Татьяна Глушкова отмечала, что традиция включает в себя как открытие нового, так и возвращение к старому, к извечным истокам народной культуры. И в нынешних условиях, когда нет должной государственной поддержки, работа над выпуском каждого номера — духовный подвиг! Не даром журнал овеян исторической славой и проникнут непоколебимым мужеством. Нынче часто можно слышать: а зачем нам вообще традиция? Разве нельзя писать и даже издавать написанное, не обращаясь к традиции? Эпоха глобального интернета это позволяет: теперь не нужно отстаивать своё право, чтобы напечататься в «толстом» журнале — оказывается, можно смело тиражировать любое произведение, не публикуясь в периодических изданиях. Но литературная жизнь такова, что заставляет осмысливать художественный процесс во всём его многообразии, ведь настоящее литсобытие нельзя представить без «толстых» литературных журналов, всегда неукошнительно формировавших уровень творчества, задачи произведения, читательские вкусы. И подлинная история литературы заключается как раз в том, что она имеет дело с самым высоким — нравственным — измерением.

Валерий Хатюшин прежде всего опирается на прочную русскую почву, чувствует саму глубину традиции, возвращает нас к сокровенным родникам народной памяти, к ясному осознанию единства всего живого на земле, к той русской корневой системе, что помогает обрести кровное родство и философское странство. В период общего упадка отечественной культуры, ослабления роли литературы в общественной жизни он как писатель и редактор не прекращает литературный диалог с нашим современником. Для него человек — это всегда надежда,

всегда вера и всегда любовь. Неоднократно убеждаешься в том, что ему дано сопрягать реалии земного пути с высшей духовностью. Ведь главная задача литературы и искусства — рассказать о человеке, рассказать об истории его души. Валерий Васильевич твёрдо и целенаправленно отстаивает собственную позицию, оставаясь равным самому себе, при этом не переставая поражать потрясающей широтой суждений. Востребованное, умное, наполненное правдой жизни русское слово — как оно необходимо нам! В нём сосредоточено духовное будущее страны, нашедшее своё многогранное отражение на страницах его журнала. Бесславную эпоху перемен мы пережили и благодаря слову, заключающему в себе определённую колоссальную энергию и информацию.

Читая журнал «Молодая гвардия», понимаешь, что литература, если она настоящая, имеет слишком много измерений. Здесь важно национальное сознание, важна природа собственной внутренней культуры писателя, занимающегося таким непростым делом — как издание литературно-художественного и общественно-политического журнала. Современный литпроцесс мельчает, дробится. Можно часто слышать, что нынче у нас есть верный помощник интернет, вполне достаточно всего лишь сделать клик, чтобы отыскать необходимое. Но именно «толстые» литературные журналы в отличие от большинства нелепых текстов Википедии и надоевших нахальных интернетовских подсказок определяют индикатор общественных настроений, аккумулируют наиболее ценные моменты творчества как такового, продолжают великую духовную традицию и следуют правде жизни. С потерей могучей Державы и все литературы потеряли своё былое влияние. Никто не выиграл от разделения. К сожалению, общая коллективная позиция уже невозможна! Однако Валерий Хатюшин благодаря своему патриотическому мироощущению заново открывает старые истины. Через слово и веру он передаёт любовь к Родине, любовь к читателю. Обладая абсолютным литературным слухом, исключительным вкусом, когда талант является первостепенным критерием его редакторской оценки, Валерий Хатюшин представляет в журнале широкоформатную панораму русской поэзии и прозы, являя читателю действительно интеллектуально насыщенные материалы. Примеров этому множество. Приведу, пожалуй, такой, из рубрики поэзии одного из номеров, в котором дано творчество Алексея Прасолова, Натальи Егоровой, Светланы Супруновой, Николая Коновского и самого Валерия Хатюшина. Как видите, на редкость блистательный ряд имён! Валерий Васильевич открывает читателю истинные подлинный Храм отечественной словесности. Разумеется, в большей степени на страницах его издания отражается творчество наших современников.

Нужно сказать, что при всех потерях и неудачах литература остаётся эпицентром русской жизни, потому что она никогда

не была равнодушна к человеческим страданиям и никогда не предавалась унынию, никогда не обманывалась ложным. На изломе двух столетий Валерий Хатюшин показывает нам зримый образ эпохи. В его журнале идёт борьба за человека! За новые смыслы: философские, нравственные, психологические. Да, традиционной литературе крайне непросто мириться с постмодернизмом. Культура высокого напряжения смыслов требует понимания и восприятия смысла как формы духовной связи с Родиной. Литература и создаёт, и пробует, и утверждает смыслы, актуальные для данного времени, данной культуры, данного поколения, каждого конкретного человека. Сегодня, когда происходит разрушение смыслов, журнал «Молодая гвардия» концентрирует в себе мощный спасительный потенциал литературы.

2

«Слово поэта уже суть дела его», — гениально изрёк Александр Сергеевич Пушкин. Значимость слова поэта отчётливо подчеркнул и наш современник Валерий Хатюшин: «Поэт в России, он — поэт, / не больше и не меньше». Таким убедительным образом автор этих строк выразил собственную гражданскую позицию. Да, подлинный поэт — пророк, думающий о судьбе Родины. Пожалуй, самый неповторимый и запоминающийся раздел журнала «Молодая гвардия» — поэзия. Хочется сказать о личном впечатлении, которое непосредственно связано с творчеством Валерия Васильевича, без сомнения, оказавшего благотворное влияние и на моё собственное мировоззрение в постижении тайн русского лирического стиха. Настоящим откровением стала дружеская встреча в Минске, в национальном музее имени Якуба Коласа, где прошла презентация его поэтической книги «Белой Руси голоса». Встреча произвела неизгладимое впечатление. Без преувеличения, это было настоящее открытие большой поэзии! Валерий Хатюшин поразил эмоциональной силой своей пронзительной лиры, своего художественного взгляда, своей внутренней энергетикой, своей силой духа, дарованной Богом. Только так может быть неизбывна Россия, русский человек! Его книга «Белой Руси голоса» вызвала во мне ответный импульс, послужила основой к написанию литературно-критической статьи «Вечное сердце России», которая была опубликована к 70-летию поэта («Молодая гвардия», 2018, № 11-12). Наряду с классической ясностью, проникновенным лиризмом характерная черта поэзии Валерия Хатюшина — гражданственность.

Ничто так не впечатляет, как непосредственная встреча с самим автором. Когда выразительный голос нашего современника, русского поэта Валерия Хатюшина, зазвучал на белорусской земле, зазвучал возвышенно-лирически, поражая неожиданной образностью, то вместе с ощущением невероятного простора,

свежего дыхания свободы пришло острое желание присоединить и свой собственный голос к общему камертону голосов Беларуси и России. Наши братские народы исторически всегда были вместе, неразрывность этих связей прочно вошла в сознание славян. Валерий Хатюшин ментально раздвигает границы между Россией и Беларусью, ведь обе национальные литературы, имеющие единые славянские истоки, взаимно дополняют и обогащают друг друга.

*В прошлом уже не проснуться, / сколько мечту ни проси...
Всё же в Россию вернутся / аисты Белой Руси.
...Песней прольются родною / реки ее и леса...
...Звонко плывут надо мною / Белой Руси голоса.*

Валерий Васильевич — автор более тридцати книг поэзии и прозы. Его книга любовной лирики «Напряжена душевная струна...» (Москва, 2018) — итог многолетнего творческого труда, включающего произведения о любви, написанные им в течение пятидесяти лет. Крайне редкое явление, я бы сказала, достаточно смелое, когда жизненный опыт любви становится здесь общечеловеческим поэтическим достоянием. Причём не отдельные стихи, а целая книга, представляющая многогранную историю любви. Случай исключительный. Она создана в пору творческой зрелости поэта и отражает всю напряженность его лирико-философских и художественных исканий, очерчивает его личный путь в русле русской исповедальной традиции. Для меня эта удивительная книга явилась поводом к написанию статьи «Души живая тайна» («Молодая гвардия», 2020, №1-2), раскрывающей философию любви в лирике Валерия Хатюшина. Не секрет, что талант поэта проявляется, как правило, в трех главных темах — родины, матери и любви. По своей главной сути — любовь исповедальна, являя миру высший предел откровения, за которым просто меркнет всё остальное. И Валерий Хатюшин представляет на суд читателю подобное откровение — лирическую летопись современности, которую можно назвать книгой вне времени.

*Напряжена душевная струна.
Ты подойдешь, обычная на вид,
промолвишь слово только — и она,
как тонкий лучик, вздрогнет, зазвучит.
И вновь уйдешь. Но память красоты
меня к той встрече станет возвращать.
Так блеск давно погаснувшей звезды
нам долго будет в душу проникать...*

Сквозь толщу лет и множество созданных образов и тем, преодолевая усталость души, разочарование и боль, беря свое на-

чало в двадцатом столетье, рождалась лирическая поэзия Валерия Хатюшина, пропущенная через кропотливую детализацию времени, поэзия XXI века, вобравшая в себя самое лучшее, самое сокровенное. Мы слышим его зрелый голос, умудрённый жизнью, наполненный любовью ко всему земному, голос настоящего русского поэта-лирика. Кроме того, важной составляющей в творчестве Валерия Хатюшина стало православное слово. Так за книгу духовной лирики «Вино и хлеб» (2019) поэту вручена первая литературная Премия имени Афанасия Фета (2020). Примечательно, что эта востребованная поэтическая книга вмещает в себя творческий полёт души длиной в 50 лет — своеобразный итог поэтической деятельности автора, наглядно показывающий результаты более чем полувекового труда. Поэт в ней выразил своё национальное представление о святости, впечатляя читателя глубиной проникновения в христианский мир души русского человека. Книга вобрала в себя действительно зрелые стихи — вершина поэзии Валерия Хатюшина, обнажившая его трагический стоицизм и утвердившая незыблемость вечных ценностей Православия. Молитвенное слово автора сподвигло меня на труд души: появилась статья философской и духовно-нравственной проблематики «Тот свет, который вечен» («Молодая гвардия», 2020, №10). Как известно, горизонты конечной цели жизни любой личности — Бог. Таково и выкристаллизованное долголетним творчеством главное философско-духовное кредо, таковы мировоззренческие поиски и таков опыт внутреннего развития поэта Валерия Хатюшина, заключающий в себе весь драматизм происходящего, нечто судьбоносно-трагическое. Вот первые две строфы стихотворения «Вино и хлеб», что символично стало и одноимённым названием книги:

*Как много лет, мой друг, поверь,
в потёмках я блуждал.
Христос в мою стучался дверь,
но я не открывал.
Я оставался глух и слеп,
мне было знать смешно,
чьим телом был мой чёрный хлеб
и кровью чьей — вино.*

Творчество — это всегда поиск истины и правды в их глубинном предназначении и бессмертии. Нам сегодня как никогда необходима тесная связь русской литературы и православной веры.

Литературный дар Валерия Хатюшина имеет достаточно широкий творческий диапазон. Им издано более 50-ти книг практически во всех основных литературных жанрах — поэзии, прозы, критики, публицистики и драматургии. Он является

автором шеститомного собрания сочинений. Более 30-ти лет жизни отдано им работе в журнале «Молодая гвардия», из которых последние 12 лет Валерий Васильевич — главный редактор этого старейшего национально-патриотического издания. Литературный феномен самого поэта, прозаика, критика и редактора — это прежде всего яркий и всесторонний феномен своего времени. Впрочем, и феномен его журнала вряд ли объяснить без обращения к традициям русского критического реализма. Вот уже на протяжении многих лет «Молодая гвардия» следует классической стихотворной традиции. А течение времени лишь всё многомерней и выразительней высвечивает значимость творческого и человеческого наследия художественного слова. Отечественная традиция всегда обращена к бессрочной взыскующей совести, к преодолению забвения исторической памяти: не солгать памяти, не предать то, что завещали нам наши предки. В сущности, одна из основных задач литературы — называть неназванное. Эта непостижимая тайна в большей мере присуща именно поэзии. Причём хочется обратить внимание на подлинные россыпи поэтических драгоценностей — шедевров изящной словесности, — которые представляют в журнале самые, может быть, любопытные страницы. Пожалуй, пришло время хотя бы абрисно, в наиболее запомнившихся чертах и образах обратить внимание читающей публики, какие же именно поэты оставили свой неизгладимый след в нашей жизни, прежде всего передать только собственные ощущения и переживания. Что я и делаю.

Итак, поэтесса стремительной судьбы — **Лариса Никольская (1938—1992)**. Она родилась в Ленинграде, осталась сиротой в 5 лет, была эвакуирована из блокадного города. Кто, как не она, мог бы на такой эмоционально высокой ноте написать стихи «Песни войны», которые озвучивали всю нашу военную и послевоенную эпоху? Их пели на фронте, пели в поле и после работы, пели на праздниках. Может, потому так хотелось петь, что долгих 4 года, пока длилась страшная война, народ молчал и в тылу, и в оккупации, постоянно испытывая хронический страх. Пронзительная лиричность её поэтических строк остаётся в памяти сердца навсегда:

*Мы пели трепетно и гордо
«Бушлат», «Землянку», «Огонёк»,
Нам перехватывала горло
Нагая выстраданность строк.*

Или, напомним, её «Балладу погибшего сына», пронизывающую душу и сердце, ибо лишь «*материнскому скорбному зову / Бесконечно верны сыновья*». Нет, вовек не забыть эти обжигающие живой болью строки:

*Ты всё та же — в платочке из ситца,
Загорелые ноги в пыли.
Я к тебе припадаю частицей
Отвоёванной кровью земли.*

И вместе с тем есть у поэтессы и такие проникновенные стихи-раздумья о жизни, о любви:

*Хочется тихого берега,
Лодки на тихой волне,
Тихого, лунного дерева
В закате вешнем окне.*

Хорошо известно имя российской поэтессы **Дианы Кан**, выразительного художника эпического пера, которое как будто найдено ею в фольклорной традиции Руси. И заиграло поэтическое пространство автора новыми насыщенными красками:

*Багрец всему — и тополям и клёнам,
Калине, что пустили на вино.
И нам, столь непростительно влюблённым
Во всё, что смертно и обречено.*

А вот ещё стихотворение, удивляющее точностью буквально одной строфы, в которую поэт может вместить всю историю вселенской любви:

*Даже не важно, с кем засыпать,
А просыпаться надо с любимым...
Палец о прялку уколешь опять —
Тысячелетья проносятся мимо.*

Русская удаль и решительная сила соединились в стремительных стихах в две строфы:

*Здесь ещё чужая. Там уже чужая.
Полно!.. То потеря в жизни небольшая.
Ну-ка, ногу в стремя, в руки — удила.
Отродясь насильно милой не была.
Покури в сторонке, разлюбезный враг!
Бьёт копытом звонким звёздный аргмак.
И течёт дорога аж до самых звёзд
Вдоль реки Молога через Млечный мост.*

Русский поэт **Николай Рачков** возвращает нам прекрасные страницы истории России, её незаслуженно забытых героев, верой и правдой служивших Отечеству, крепивших его честь и славу. Это его стихи «Лужский рубеж», «Майор», «Генерал Ско-

белев», которые, безусловно, имеют реальную историческую почву.

*Знал боевой солдатский строй,
Где ни случись беседа,
Что там, где Скобелев-герой,
Там слава и победа.*

.....
*Не красовался, не играл,
Не ждал за подвиг платы.
«Вот генерал так генерал!» —
И шли в огонь солдаты.*

Автор отображает выдающиеся образы русской истории во всей многогранности, выявляя их общечеловеческие качества, видя в этом личный долг гражданина и миссию служения высшим нравственным идеалам. Его цель — разбудить наши души, заставить задуматься о человеческом подвиге. Образ Скобелева был многие десятилетия предан забвению — человек легендарный, прославленный русский полководец, герой Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Тютчев когда-то изрек пророческие слова: «Истинный защитник России — история». Люди, подобные Михаилу Скобелеву, и вершили историю России, были ее настоящими и верными защитниками. Он был человеком чрезвычайной храбрости, душевной простоты, за что заслуженно и сыскал всенародное признание и любовь. Вот самые главные этапы его службы и карьеры: восьмилетний туркестанский период, принесший Михаилу Скобелеву широкую известность по всей Средней Азии, на что обращает внимание и поэт Николай Рачков. Благодаря дальновидной стратегии генерала было сделано невероятно много прогрессивного для этих народов (хотя сегодня и забыто): Русско-турецкая война 1877—1878 гг., Плевненская эпопея, переход через Балканский хребет в тяжелейших зимних условиях, в итоге — героическое освобождение Болгарии. Генерал сочетал в себе как высокие профессиональные знания военачальника, талант тактика и стратега, не лишённого риска, отваги, холодного расчета, так и личные черты характера, крайне редко присущие военному: сердечность, искреннюю любовь к рядовому солдату, с которым мог разделить вместе тяготы армейской службы, проявляя о нем отеческую заботу. В каждой крестьянской избе рядом с иконами висел и портрет Скобелева. Ни один военачальник в нашей истории не удостоивался такого народного обожания. Действительно, военное мастерство Скобелева вызывало восхищение соратников по оружию и трепет врагов России — герой не проиграл ни одного сражения. Вся его, к сожалению, недолгая жизнь, словно блистательный полет звезды, овеяна подвигом во благо Отечества и может быть

исключительным примером служения Родине для нынешнего поколения. А вот как патриотично он писал о своей великой цели, увы, забытой и утерянной в веке нынешнем: «Мой символ краток: любовь к Отечеству, наука и славянство». Поэт попытался воссоздать его образ:

*Какая тьма со всех сторон
Нагрянет — видел это.
Был отнят у России он
Как полководец света.
Но и в незримой стороне
Не позабыт он нами:
...Летел на белом он коне,
Летел перед полками!*

Казалось бы, небольшое стихотворение, а сколько чувств и мыслей оно вызвало! История живёт в каждом из нас. Меняются акценты в современной войне, новый взгляд этой темы, совершенно неожиданный, Николай Рачков предельно обнажает в своих стихах: «Я думал: умерла война... / Она взглянула из окна / В упор глазами Донбасса. / Я думал: умерла война, / В крови солдатской утонула, / Зарылась в пепел... А она / Всего лишь только отдохнула».

Нашу донельзя обнажённую действительность, общие штрихи смутного перестроечного времени, которое даже сложно называть историей, показывает поэт **Андрей Попов**. Оказывается, чтобы выразить суть происходящего безумия, вовсе не обязательно писать роман — одарённому поэту дано сказать о многом и в коротком произведении:

*Шумный рынок снеди и одежды,
Запах кожи и шашлычный дым.
Про какие русские надежды,
Что не сбылись, снова говорим?!
Завершилась пьянка и халява,
Время братья за серьёзный труд,
За прилавок встала вся держава,
И отцы, и дети — продают.*

В этот катастрофический период потери страны, разрушения её внутреннего стержня орловский поэт **Андрей Фролов** как раз воспевае русскую деревню, российскую забытую глубинку — вековую опору Державы — и делает это отнюдь не случайно:

«Сдвинув в сторону плетень, / Бог поставил мету / Из окрестных деревень / Именно на эту... / Быт размерен, улюдей / Вкусы простоты: / Сговорясь, в апрельский день / Все белили хаты». Земля и крестьянский труд — ни в коем разе не потерять свои корни — вот те извечные ценности, которые всегда спасали русского че-

ловека. Простота жизни и простота чувств, подчас незамысловатых, но всегда ясных и понятных народу, дорогого стоят в творчестве Андрея Фролова. В простом и кроется глубочайшая истина, постигнуть которую человек стремится всю свою жизнь.

Городской он или деревенский — здесь поэту трудно определиться. Судьба, освященная Россией, жизненным светом русского человека принадлежала и замечательному поэту **Виктору Дронникову (1940—2008)**. Стихотворную подборку его произведений, опубликованную в журнале «Молодая гвардия» (2021, № 1-2), действительно можно считать событием, тем самым «долгим светом», пронизывающим всю поэзию Виктора Дронникова. С колыбели был он одарен искрой Божьей. Строки, которые Виктор Дронников посвятил в очерке 1967 года поэту Владимиру Еремину, очевидно, написаны им и о себе: «Но человек пишет стихи. Он обязательно их напишет. И они будут похожими на снег. У человека хороший учитель. Наверное, это большое счастье для ученика быть похожим на своего учителя. Но быть похожим вовсе не значит подражать. Снегу нельзя подражать, можно быть таким, как снег: чистым, удивленным, ранимым, возвышенным и нежным». Убедительное тому подтверждение — стихотворение Виктора Дронникова «Долгий свет»:

*Вслед за шумною листвою, / Открывая высоту,
Выпал снег, и всё живое / Стало видно за версту.
Чётки зимние приметы. / Вьётся в поле санный след,
И стоит за далью света / Одинокий долгий свет.*

Свое, только своё отыскивает он слово, и поставленное в строку, оно заставляет стих играть и светиться. Но эти поиски были бы безуспешны, не руководя ими чистая любовь к Родине, ко всему прекрасному на земле, политой кровью отцов. Запоминаются в его стихах удивительные пейзажи, будто сошедшие с полотен русских мастеров-живописцев: и «зеленая колыбель», и «древний свет ромашек», и «разволнованные звезды», и «ветреные рассветы».

*Вот она, Родина, как на ладони,
С горки зеленой видна.
Тихо заржали за речкою кони,
Грустно ответила им тишина.
Легкое облако встало над лугом,
Тень побежала окрест.
Вот они, вечные счастье и воля
Милых родительских мест.*

В сложные перестроечные годы Виктор Дронников пишет обжигающие строки «Старый солдат», возвращаясь к судьбам переживших войну, а также и стихотворение «Письмо», прежде

всего поражающее своим молитвенным мотивом, который слышится во многих его поэтических строках. В том, что дети войны, вдовы, вернувшиеся с фронта бойцы и солдатские матери, которые всю жизнь ждут своих погибших сыновей, хранят память о не вернувшихся с войны, Дронников видит глубокий смысл. Ведь все они испытывают боль и страдания, несут в себе вечную память о героях-защитниках Родины.

*Застигнутый вьюгой, я в дверь постучал,
Открыл, не дождавшись ответа.
Вошел и увидел — горела свеча
Пред образом тусклого света.
Молилась старуха. Замшелая тьма
Струила лампадную копоть.
Я слушал, как тайну чужого письма,
Горячий молитвенный шепот.*

.....
*Сдавило мне горло и сердце само
За эту согбенную спину.
Седая старуха молитву-письмо
Слагала погибшему сыну.
Все пишет и пишет ему на войну
Печальница Божьего света.
Но нету ответа в ее сторону,
И нет ниоткуда привета.*

.....
*Свечу задувало. Темнело в углу.
За окнами выло и выло.
Я вышел, я выбежал в снежную мглу,
И вьюга меня подхватила.
Россия, так кто же тогда не забыт,
Так что же тогда не забыто,
Коль русская мать на коленях стоит
Среди разоренного быта?*

Трудно удержаться, чтобы не привести самые пронзительные моменты этого материнского письма. Широта традиции, уходящей корнями в глубь веков, национальная духовная культура, главный источник которой — христианство и Бог, прочитываются и в его стихах «Отчизна! Родина! Россия!..»:

*Неважно — тихо или громко / Слова звучат тебе окрест.
Они твой посох и котомка, / Они твой жертвенник и крест,
Их свет не вычерпать, не вызнать... / Они от Бога на земле!
Россия, Родина, Отчизна — / Слова в единственном числе.*

Навсегда останется в истории отечественной литературы имя **Людмилы Васильевны Щипахиной (1933—2021)** — большого

поэта единой советской страны, о потере которой она переживала и сокрушалась до последней минуты своей жизни. «Не спрашивайте ни о чём. / Поэзия — необъяснима...» — да, это её неувядающие строки, ставшие крылатыми. Она была постоянным, бессменным автором журнала «Молодая гвардия» — заступница и хранительница России, её былого величия, неутомимый творец её колоссального будущего. Поэтесса призывала русского человека гордиться своей многострадальной Родиной, бороться за неё до конца: *«Не бойтесь, русские, не бойтесь. / От сна и ужаса очнитесь. / Молитесь, русские, молитесь. / И вновь — доспехи надевайте. / Вставайте, русские, вставайте!»*

Людмила Щипахина жила этой верой в русского человека. Пульс и ритм времени, дыханье эпохи окрыляют её поэзию, а спектр поэтических образов, созданных поэтессой, достоин восхищения: от лирических до эпических и драматических, до глобальных вселенских! Боль за поруганную Украину, за великую Киевскую Русь отзывалась в стихах, посвящённых Донбасу. Острое, злободневное и актуальное слово поэта звучало как набат! Её стихи «После праздника», посвящённые самому выдающемуся явлению нашей современности — Бессмертному полку, — воистину олицетворяют гражданский крестный ход, наше славянское единство по крови. Но и тревога не покидала поэта: «Прошёл Бессмертный полк... / Прошёл? Или — остался?» Грандиозное шествие, которое не кончается, будет длиться вечно: «Бессмертный мирный полк / У нас всегда в запасе!»

Не оставляет никого равнодушным очень чувственное, женственное перо **Анны Токаревой**, нежное и трепетное, оно ласкает душу своим лёгким, почти невесомым прикосновением. Захватывает её отзывчивая, добрая поэзия, наполненная любовью ко всему живому на земле. Мир лирико-поэтических образов у неё неиссякаем. Поэтесса не теряет надежды и стремления во всём дойти до сути, до просветления души. Кажется, что она никогда «не устаёт ждать» чего-то волшебного, ведь до сих пор поэтесса не утратила чистой детской веры в сказку и чудо. Светлы и проникновенны её стихи «Метелица», «Душица», «Расстегай», «Шаль», словом, их не перечить. Иногда возникает чувство, что многие из них — прелюдия к чему-то грандиозному, ещё ожидающему нас впереди. Ни на миг не умолкает в стихах Анны Токаревой музыка и песня, красочная мелодия природы и романтическая мелодия любви:

*...Не ищи меня, ветер, на ромашковом поле.
Я своё отгадала, обрывая цветы...*

*Не ищи меня, месяц, золотой непоседа,
На еловой подстилке у дымящей золы.
Нет ночных светляков, лишь жуки-короеды
В Берендеевом царстве оголяют стволы.*

Каким-то удивительным образом увидеть в зримом — незримое удаётся и поэту **Валентине Коростелёвой**. Достаточно сильно воздействие её летящей и вдохновенной строки — сразу захватывает тебя всего. Она ведёт нас к родовым, кровным истокам, туда, где истинная Россия. Недаром и одно из её стихотворений называется «Наверно, убегу..»:

*Что ни дорога, то твоя судьба,
И солнышко, и ветер — от порога...
И пусть кому-то снятся короба, —
Жила бы только русская дорога!
Не знаю, кто в нас это заложил —
Молиться на природу и дорогу,
Кто песни вековечные сложил,
Кто научил надеяться на Бога.
Что — города, что их крутёж и гул,
Мы этих джунглей вовсе не просили!
...Нет, я, наверно, всё же убегу
Туда, где всё жива ещё Россия!*

Ничего лишнего, ясность мысли, полностью проникаешься классическим стилем русского стиха. Автор традиционно обращается к древнему образу русского фольклора — дороге. Поэтесса смотрит на этот противоречивый мир, пусть не всегда к нам дружелюбный, с высоты умудрённого жизненным опытом и немало испытавшего на своём веку человека, смотрит с изрядной долей оптимизма и неиссякаемой надеждой:

*Что жизнь? Испытанье, награда?..
Но хочется, хочется жить!
Не надо, не надо, не надо
Умолкнувших бед ворошить.
Они до поры утихают,
А после измором берут.
Но нам ли судьбу свою хаять?
Есть дом, и отчизна, и труд...*

В совершенстве владеет искусством творческого озарения поэтесса **Эмма Меньшикова**. Она находит точные, попадающие прямо в цель единственно верные слова — талант её — особого, не часто встречающегося свойства.

*А я сама народ, всю жизнь — в труде,
Топила печи, гнулась в борозде,
И по воду — с ведром наперевес,
С бельём — к реке, и за дровами в лес.
Всю жизнь батрачу со всей страной,
И доли не хотела бы иной.*

.....
*Во тьме плутала, шла через дожди —
Я и сама народ, как ни ряди...
Всё тянет посмотреть, как там изба.
А никуда не денешься: судьба.*

В этом стихотворении, среди прочего, явственно отразилась мысль, что возрождение России начнётся из провинции. Так зачем же мы намеренно отказываемся от своего исконно русского, родного? Порой кажется, что философские прозрения к ней приходят свыше, настолько глубоко автор проникает в суть бытия, реального и метафизического, как в стихах «Дед», рассказывающих о судьбе человека, прошедшего войну, всего себя отдавшего Родине и не требующего взамен ничего. Таков наш русский человек. Казалось бы, четверостишие, а в нём — целая жизнь:

*«Сколько времени, дед?» — я спросила его в час вечерний.
И он, колокол словно услышав уже вечевой,
Что созванивал сбор где-то в высях небесных губерний,
Только мне и сказал: «Жить осталось всего ничего...»*

3

Самое ценное в этом нескончаемом диалоге читателей и литераторов — обмен творческой энергией. Заслуживает уважения и сам факт сотрудничества с журналом «Молодая гвардия», объединяющим событие литературное и реальное. Всё соединено в единую цепочку, и одно звено вытягивает за собой другое. И ничто не исчезает. Наш такой большой мир одновременно настолько тесен. Вот и в литературном мире сложно переоценить возможность обретения и влияния друзей-единомышленников. Журнал осуществляет своего рода запрос на высокую культуру. Благодаря подвижнической и общественной деятельности Валерия Васильевича, его энтузиазму сотрудничества как главного редактора журнала не только с российскими авторами, но и с авторами всего постсоветского пространства, в моём творческом багаже появились литературно-критические статьи о русских поэтах: Владимире Хомякове, Александре Хабарове, Наталье Егоровой, Светлане Супруновой, стихи которых публиковались в «Молодой гвардии». Поэтому фрагментарно, в главных штрихах коснусь творчества и этих авторов.

К примеру, лирическая поэзия **Владимира Хомякова** привлекла прежде всего своей принадлежностью к национально-исторической почве. Русь первозданная, седая и былинная оживает в его красочных стихах «Гуси-лебеди». «*Русь горячая, // пустынная, // несметная — // от зари к заре, // от тёпла моря к северу — // пролегла она, // хмельная // да победная, // пролегла она, // как чернь по ясну серебру. // И, роняя с поднебес // огни хрустальные, //*

/ по кремнёву большаку // железом лязгая, // Русь прошла, // храня свои // задумья тайные, // самодержная, // иконная, // крестьянская», — понятно, что без любви к своей земле так не напишешь, — словно на одном дыхании льется плавная мелодичная речь. В контексте преемственности духовных традиций Владимир Хомяков видит и свою скромную, но благородную роль не только следования им, но и привнесения нового звучания, серьезного переосмысления классики как фактора социокультурной ценностной значимости. Центральная тема, красной нитью проходящая через все творчество этого рязанского поэта, конечно же, — тема есенинская. Отсюда — невероятная музыкальность его поэзии. Пленительная красота есенинского слова, искренность и непосредственность его чистой души, ее необычайно нежная организация навсегда покорили Владимира Хомякова. Немало у него стихов, посвященных русскому песнопевцу, как он сам замечает, стихов, «навеянных обаянием есенинского творчества», его «несказанно притягательными» образами. Приведём юношеское четверостишие, впечатляющее вольной и открытой строкой.

*Моим воспоминаньям нынче тесно,
ведь с детства сберегла душа моя
заветную есенинскую песню
и древний свет Рязанского кремля.*

И вполне закономерно, что автор испытывает к непревзойденному лирику России благоговейно-молитвенное отношение: «<...> *А небесное сердце Поэта, / что в безвестном сокрыто холме, / то прорвётся порывами света, / то опять растворится во тьме...*» Наряду с моей работой, посвящённой чеховско-есенинской традиции в современном творчестве авторов Беларуси, и эта статья «Земля берёзовых кровей» о творчестве поэта Владимира Хомякова были отмечены дипломом международной литературной Премии им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами!» (2021).

Незаурядный талант природа дала и **Александру Хабарову**, на генетическом уровне впитавшему фольклор русской земли, самобытность её языка. «*И склонится к России моя голова, / Вледяные отцовские руки*», — напишет он пронзительные строки, подтверждающие прямую преемственность традиции. Поэт ушёл в полной силе, как сказала бы Цветаева, ушёл в вечность «на высоте дара и судьбы». Сегодня нас так же не отпускает невероятно притягательная сила, некий магический механизм озарения в стихах Александра Хабарова. Странно, до конца необъяснимо: человек ушёл в вечность, а книги, написанные им, продолжают жить. Одна из его самых запоминающихся книг, название которой столь же яркое, сколь и редкое, — «Жесть и золото».

*Свято место пусто не бывает,
По ночам там ветер завывает,
В полдень — ночь кемарит в уголке.
Или забредет какой прохожий,
На простого ангела похожий,
С посохом ореховым в руке.
Снимет он трех пятирублевый,
Огласит молитвою суровой
До камней разграбленный алтарь,
И придут лисица да волчица,
Чтобы той молитве научиться...
— Здравствуй, — он им скажет, —
Божья тварь...*

Знакомство с творчеством этого поэта, можно сказать, во многом новатора русского слова переросло в критическую статью, представляющую национальный образ России в поэзии Александра Хабарова, — «За жезл куполов и за крест золотой» («Молодая гвардия», 2021, №7-8).

Тесную взаимосвязь с национальной традицией, обогащённой историческим опытом предыдущих веков, уникальную способность творить историю человечества по-особенному, с чистотой листа, с присущим только ей особым вселенским взглядом можно увидеть в творчестве поэта **Нatalьи Егоровой**. Она и поражает именно этим свойством органично связывать разные эпохи, что характерно всем гениальным текстам, — их метафоричной космогонической архитектурой, когда пространство и художественное время развиваются до исторической и космической бесконечности. Возможно, постижение непостижимого помогло и Наталье Егоровой отыскать свой путь в русле поэтических традиций. *«О, прекрасен ты, мир, в переплете весны — / И сверкают твои межпланетные сны, / Как посланцы мечты — без порока. / А о том, что ты груб и безумно жесток, / Я когда-то забыла дослушать урок, / Навсегда убежавши с урока!»*

Дорога — скорость в стихах «Третья скорость», разлёт, когда нужно уловить правильную интонацию, оказаться в центре пространства и времени, тех категорий, которые единственно равны и непреложны главным законам бытия, когда жизнь и поэзия летят вместе, в одной ключевой связке. Почувствовать «смысла живую основу», чего некогда так жаждал Заболоцкий, ощутить надмирность происходящего, дающую обзорность внутри себя и вокруг — того, что зримо открывается за лобовым стеклом стремительно несущейся машины, будто в иллюминаторе космического корабля:

Но на черных разбитых дорогах,
Мчась лесами к Полярной звезде,
Ждали правды и вечного Бога,
Забывая легко о себе.

*И миры различая во мраке,
Пели песни России своей,
Наплевав на дорожные знаки
В стройном космосе встречных огней.*

Неудивительно, что суждено было появиться и моей статье, раскрывающей философию космизма в поэзии Натальи Егоровой, — «На глаголице дальних миров» («Молодая гвардия», 2021, №1-2).

Известно, подлинная поэзия требует внутренней тишины. «Прошу тишины» — так называется поэтический сборник **Светланы Супруновой**. Прошу тишины — и ты сразу понимаешь, что далеко не все слова — самое главное в жизни. «Лишь те слова, которые нужны», составляют духовные смыслы их автора. У Светланы Супруновой стихи рождаются, растут и вызревают в благословенной тишине:

*С годами видится простое, / И всё яснее каждый год.
Обиды, суета — пустое, / И правда в том, что снег идёт.*

.....

*И знаешь, что не одинока, / Что где-то высоко луна,
И чьи-то голоса далёко. / Благословенна тишина!*

Светлана Супрунова относится к художникам непостижимой простоты, к тем редким художникам слова, которые обладают ясностью и проникновенностью. В их поэзии всегда всё ново! И талант её многогранен. Кроме прочего, она — известный пародист России. В книге Светланы Супруновой «Прошу тишины» живёт сам автор, живёт скромно и неброско, но его незримое присутствие ощущается постоянно, он рядом, здесь и сейчас. Как итог проникновения в чистую русскую поэзию Светланы Супруновой — ещё одна моя литературно-критическая статья «С годами видится простое...» («Молодая гвардия», 2020, №3).

4

«Они сошлись. Волна и камень, / Стихи и проза, лед и пламень. / Не столь различны меж собой», — вспомнились пушкинские строки, прежде чем приступить к такой не менее значимой по своему философскому наполнению части журнала как проза. Всматриваясь в тенденции развития отечественной литературы, Валерий Хатюшин решительно указывает на сходство и единство традиции в поэтике и прозе. И надо отдать ему должное — как писатель и главный редактор он не увлекается жанровой литературой: фэнтези, триллером и прочими модными изысками масскультуры. Считает, что в центре повествования должен находиться — человек. Им одним, говоря всерьёз, и стоит заниматься. В этом есть определённая надёжность

и уверенность в будущем. Переноса читателя в плоскость творчества авторов-реалистов, он тем самым подчёркивает, что форма в литературе — это, по сути, содержание. У художественно-целого всегда есть определённая форма.

Продолжая тему журнальных публикаций, скажу лишь о некоторых писателях, чтобы представить общую картину современной прозы. В силу задачи по своему масштабу практически неподъёмной — да простят меня поэты и прозаики — обо всех упомянуть и написать невозможно! Путь постижения бытия — земного и небесного, реального и метафизического, исторического и сакрального, документального и мифологического — создается в журнале «Молодая гвардия» на наших глазах. Нынешний усреднённо-тривиальный стиль здесь не приветствуется. Каждое произведение — показательный пример того, что перед нами писатели устойчивой традиции и ошеломляющей новизны.

Так миниатюры о природе **Александра Сизухина** говорят о величии природы и бессмертии души человеческой, о красоте бесконечной Вселенной и неповторимости одного цветка. Это чудные зарисовки «Целомудрие в природе», «В тёплой воде», «Коростель», «Женская логика», «Слёзы земли», от самих названий которых исходит тепло и единение человека с природой. *«И ещё подумал о том, что в самом Божьем мире изначально заложено целомудрие, и интимное чувство любви доступно лишь двоим и не терпит соглядатая. Так в дикой природе, но в «цивилизованном» человечестве уже всё изменилось...»*, — к такому грустному выводу приходит автор. Мир природы, птиц и зверей, рек, озёр и лесов равнодушен к человеку, готов прийти на выручку — и это сегодня уже не метафизика, а реальность. Эссе **Ирины Прищеповой** «Мир единственный и неповторимый» — настоящее путешествие в байкальскую сказку. Полны тревоги её слова о том, что «нельзя Байкал, Святыню из Святынь, использовать в своих мелких интересах». Возобладает ли в человеке разум? Подумает ли он об экологии природы и экологии своей души, о сохранении чистых истоков? *«И в немом восторге глядя на цветущее от мороза и солнца озеро, думаю я с благодарностью: «Байкал, Байкал! Как ты расцвечиваешь для меня белёсую зиму... Синяя живая вода, белый хрусталь, россыпи брызг. Что может быть лучше, красивее?!.. Да неиссякнет никогда его животворящая сила!»* — восторженно пишет автор.

Идею любви между человеком и животными исповедовал в своём творчестве **Борис Воробьёв (1932—2018)** — писатель, историк, моряк, путешественник, охотник. Принято считать, что жизнь прозаика в отличие от поэта чаще всего скучна. Но Борис Воробьёв убеждает нас в обратном. Он много путешествовал, и жизнь его была наполнена яркими событиями и приключениями. Борис Воробьёв хорошо известен читателям по своей трагической повести «Весьегонская волчица», по сюжету кото-

рой был снят художественный фильм. Что мы знаем о животных? Способны ли они любить и ненавидеть, защищать и мстить? Об этом рассказывает его потрясающая повесть «Дик», которую однажды прочитав, запомнишь на всю жизнь. «Пойми самого себя в каждом живом существе», — говорит нам автор, описавший трогательную дружбу между человеком и животным. Но умеем ли мы любить преданно, молчаливо и самоотданно, как любят нас наши «братья меньшие»? Ведь животные не только умеют любить, они и умирают, как люди. Есть в литературе произведения, которые обязательно нужно прочесть. К подобным произведениям и относится повесть Бориса Воробьёва «Дик».

Необычайно разнообразна и разнокрасочна палитра творческих интересов **Павла Кренёва** — писателя интересного и самобытного. Это и глубокое проникновение в людские характеры и судьбы, и отображение неповторимых красок русской природы, великолепия и очарования морских пейзажей. Своими историческими зарисовками он увлекает нас в мир прошлых увлекательных событий. Как и его старшие северные собратья: Фёдор Абрамов, Василий Белов, Владимир Личутин, он продолжает русскую реалистическую традицию. Художник умеет писать о зверье и птицах как о самодостаточных участниках Божественного мироздания. Писателю бесконечно дорог Русский Север, побережье Белого моря, где прошло его детство. Люди, живущие там, — одна из главных ценностей его жизни. Автор повести «И на земли мир...» — из коренных поморов, он родился на этой земле и является её самым настоящим народным писателем. У Павла Кренёва очень светлая проза, сочный и чистый язык, неповторимый северо-русский говор. Суровая природа создала выносливые характеры. Здесь любовь, дружба, взаимовыручка были естественными. Судьба Егорки задевает за живое, так зримо и проникновенно она описана автором. Мальчишка, рано оставшийся без отца, — главный герой повествования. Физическое взросление, становление на ноги, овладение мужскими профессиями описано Павлом Кренёвым живо, со знанием дела, что читаешь и не видишь строчек, живёшь вместе с героями. Мальчишку одного отпускают в лес, чтобы он там провёл ночь. А как ребёнок Егорка рвётся к маме на дальний сенокос, тоскует без неё. Идёт и приходит. И становится в ряд со взрослыми. Таково время взросления, становления и вместе с тем первое время испытаний. Непостижимо заканчивается повесть: мальчик видит во сне ангелов, поющих славу Богу и людям: «Слава в вышних Богу и на земли мир, во человецех благоволение!» И автор не разрушает эту мирную, полную безмятежного покоя картину, он лишь по-доброму напутствует своего маленького героя и словно благословляет его в дальний путь, подавая надежду: *«Не знал он ещё тогда, что Бога и мир надо славить не только когда всё вокруг благостно и уми-*

ротворенно, когда рядом любимая мама, когда всё удаётся, и все любят тебя, а ты всех. Но и когда приходят невзгоды и трудности и опускаются испытания...»

Безошибочно определяет основной нерв своего творчества **Владимир Пронский**: любовь к отчей земле и её людям. Всё его творчество — это народная эпопея в повестях и рассказах. А их у него множество: они разноплановы, разножанровы, многослойны. Уже сами названия — самобытные, редкостные, побуждающие к чтению. Вот и в рассказах «Ветер окольных дорог» и «Стылый ноябрь» открытость и душевность привлекают с первых страниц. Здесь на первый взгляд всё достаточно просто и обыкновенно. Незамысловатые сюжеты, но они прописаны с такой правдивостью, что читатель начинает сопереживать героям, попавшим в ту или иную жизненную ситуацию. Автор вместе с ними пытается разобраться, где добро, а где зло. Таков дар писателя, вместившего в себя весь диапазон русских духовных исканий. Он как бы вживается в характеры своих литературных персонажей, отчасти его прозу можно назвать прозой воспитания. Человеческие судьбы — это извечный выбор. Вот и Александр Шурыгин, герой рассказа «Ветер окольных дорог», не найдя своё призрачное, обманное счастье возвращается к надёжному семейному очагу, к жене и сыну: *«... тотчас душа его распустилась, и он не посмел послушаться, радуясь за Павла, за себя и за тех людей, кто в этот поздний час возвращался с окольных дорог»*. Довелось пройти путем несбывшихся надежд и горьких разочарований и другому герою — Виктору Кудряшову — в рассказе «Стылый ноябрь», но несмотря ни на что не потерявшему веры в любовь. К тому же Владимир Пронский — весьма хороший психолог, тонко вникающий в перипетии человеческих отношений. Не сложившаяся семейная жизнь, отчуждение в отношениях с женой, смерть матери и многообещающая развязка в конце финала: долгое и одновременно долгожданное возвращение друг к другу — это впечатляет достоверностью чувств, искренностью поступков. *«Кудряшов не знал, как сложится дальнейшая жизнь с бывшей женой, чем ещё она удивит, но в том, что она со временем непременно станет иной, лучше — не сомневался. Ему очень хотелось этого, хотелось прежнего внимания, тепла, перед которым был бы бессилён даже ноябрьский промозглый чичер, разгулявшийся за окнами в эту ночь...»*, — хочется верить и нам, что так будет, что жизнь наладится, и герои рассказа Владимира Пронского, вопреки «стылому ноябрю», обретут своё счастье.

Трудноразрешимые вопросы сближения города и деревни поднимает в своих произведениях петербургский писатель **Михаил Зарубин (1946—2021)**. Писатель осмысливает проблемы духовно-нравственного существования личности в современном, трагически ожесточающемся, сугубо материальном мире. Чувство сопереживания вызывают взволнованные раздумья

писателя о России, которая в его представлении существует в двух ипостасях — как великая Россия с её «историей, сотканной из многих славных побед и известных имён», и его горячо любимая малая Родина. Его повесть «Потоп», главным сосредоточением смыслов которой является переселение сибирской деревни, созвучна по своей тематике с повестью Валентина Распутина «Прощание с Матёрой». Эти произведения учат любви и преданности своей малой родине. *«Нельзя предавать родину...»*, — скажет главный герой повести Михаила Зарубина. *«У каждого городка, села или деревни есть свои вековые доминанты, символы малой родины, её эпицентры, которые никогда не забываются, а вдали от них сняты по ночам, дают ощущение опоры, незабываемого основания, жизненного ориентира»*, — таким ориентиром для двух друзей Юрки Макарова и Александра Бугрова станет их Красный Яр, олицетворяющий весь деревенский мир. Но судьба поставила Александра перед нелёгким, даже страшным выбором — решать судьбу собственной деревни: переселение и строительство водохранилища: более тридцати илимских деревен с пахотными и луговыми землями должны уйти под воду, среди них и его родная деревня, с которой связаны незабываемые воспоминания детства. Чувство вины, сострадания к людям, всё отдавшим крестьянскому труду на своей земле, чувство невозвратной потери, вечного прощания с самым дорогим и кровным сковывает душу Александра: ему как ведущему специалисту землемеру поручено возглавить план работ по переселению деревни на новое место. Сложные психологические коллизии не мешают автору высветить основную идею повести — любовь к Русской земле, преданность своим истокам.

Современны и насыщены событиями рассказы **Василия Воронова**, писателя из Ростова-на-Дону, у которого написано немало произведений о донском казачестве. Его рассказ «Жар-Птица» о любви, поздней, мучительной и страстной. Вчерашний замминистра, ещё вполне импозантный пенсионер-вдовец, Игнат Ефимович Бирюлин, возвращается в родные пенаты, в провинциальный российский городок Загрязск. Казалось бы, всё у него складывается исключительно благополучно: дом — полная чаша: живи и радуйся, почёт, уважение как со стороны городских властей, так и от старых друзей, но — нет. Как-то жизнь не налаживается. И вот появляется она, молодая девушка цыганских кровей — Жар-Птица, «случайно залетевшая в его жилище». Красавица Дуся неожиданно стала для зрелого и умудрённого опытом человека открытием самого себя. Ощущение любви окрасило новыми красками мир Игната Бирюлина. Вопреки разуму он не хочет отказываться от этого чувства, которое придало его существованию совершенно иные смыслы. *«Трудно назвать, даже обозначить чувства Иената Ефимовича. Это была не влюблённость, не любовь. Это было нечто сильнее любви. Оно саднило, и лечило, и оглуляло до очумелости...»*, —

передаёт автор странные, таинственные переживания своего героя. Есть интрига, динамичный сюжет, а значит, будет непременно и желание прочесть повесть!

Отыскать спасительную правду жизни в творчестве стремится прозаик **Сергей Пылёв**. Он достаточно часто поднимает волнующую всех тему — тему «смутного времени», словно испытывающего духовную силу простого русского человека. Автор мастерски, даже виртуозно развивает сюжетную линию любого повествования. Вот и в своей повести «Фермер» он рассказывает о судьбе человека, крепко привязанного к своим корням, к земле, на долю которого выпали непростые испытания. Его главный герой Валентин Корнилов — обычный человек, крестьянин, сельский житель, со всеми его заботами, радостями и бедами. *«Крестьянин — от слова “крест”. И нести нам его через всю жизнь. А с ним на спине не забалуешь!»*, — наставлял его отец, с малолетства впитавший твёрдую трудовую закалку. Но перестройка в стране, развал государства, война на Украине — всё это сказалось и на судьбе Валентина, круто и не раз менявшего свою жизнь. Заблудившись в хаосе войны, прогрохотавшей над его родной землёй, ему был подсказан самой природой путь земли — как путь возвращения к миру и дому, успокаивающий и оберегающий семью. В конце повести мы видим цветущий сад, посаженный Валентином, которому он придумал райское название Эдем. *«Люди сами переименовали сад!!! Тресвятским!!! Так наше “парижское” село до революции называлось! И пристало! Крепче крепкого!»*, — разъясняет сын историю создания сада как рукотворной красоты человеческого труда. Не секрет, всегда сосуществуют рядом любовь и ненависть, ужас и надежда на спасение. Надо по-чеховски верить в жизнь и человека, в создание прекрасного на земле.

Многомерный мир открывается в рассказах **Дмитрия Воронина** — одном из самых сложных жанрах прозы. Это очень непросто — писать рассказы. У автора нет проходных тем. Многие его персонажи постоянно находятся в состоянии борьбы. И в рассказе «Контрабанда» мы встречаемся с таким же героем, немало повидавшим на своём веку, Тимофеичем. Его неосторожная шутка в напряжённый момент таможенного досмотра перерастает в настоящую драму. В этом реалистически остром сюжетном повествовании главное — первая и последняя фраза. Реальная ситуация границы приобретает явный оттенок и внутреннего пограничья — выбора и принятия решения. Униженный старик Тимофеич смог постоять за себя, проявив чудеса крестьянской находчивости и даже скрытой убийственной иронии. Дмитрий Воронин пишет о человеке, для того чтобы сказать ему: будь человеком! Беспокойство, активность, борение, непраздное любопытство к жизни — вот черты его прозы, учитывающей современную литературную технику стиля. Каждый должен отстоять справедливость, собственное достоинство —

иначе не выжить в нашем суровом мире. Мы утратили сострадание, милосердие, и автор учит нас сопереживать, не быть безучастными к чужому горю.

Исповедальный вектор творчества высвечивается в автобиографическом эссе **Яны Мансуровой** «Песня реки», в котором с предельной силой откровенности и доверия предстаёт не совсем обычная история жизни. Яна инвалид с детства, причём, заболевание сложное — ДЦП, но называть её инвалидом было бы не совсем правильно и по отношению к ней не совсем этично. Она настолько самодостаточна, что не нуждается в жалости, ей так же, как и всем, необходима взаимная любовь. Повествование потрясает силой жизни и верой в человеческую любовь, а судьба Яны заставляет замирать даже бестрепетное сердце. У неё своё: мысль, образ, язык. Личная история для человека как индивидуальности — самое важное. И гладко написанный текст — это ещё не литература. Литература — это то, что возникает над текстом. И возникает — с опытом. Благодаря внутренней работе души, проникая в глубину бытия, Яна Мансурова создаёт своё сокровенное эссе. Вот как исповедально и мужественно она пишет: *«Природа мудра и добра. Если ты слаб или болен, рядом с тобой должен оказаться кто-то сильный. Друзья мои по несчастью, их родители, их близкие, верьте в закон любви. Для неё нет ни старых, ни больных. И нет преград перед ней, кроме наших страхов. Для неё мы все — люди. Не бойтесь ничего на этом пути! И мечтайте, мечтайте так, как только способны ваши сердца и души. Это даёт силы идти вперёд, это иссушает слёзы и утоляет любую боль. И обязательно стремитесь воплотить эти мечты. Делайте хоть маленький шагок им навстречу. Тогда не будет счастливее вас на всём белом свете... <...> И ещё у нас родилась дочь Ярослава... Теперь и ей во сне рассказывает свои сказки ветер, и птицы поют колыбельные о новой жизни, новых просторах и безграничных возможностях. Я смотрю на неё и вспоминаю, что когда-то у меня не было ничего, даже надежды. И ведь серьёзно казалось, что ничего и не будет. Странная штука — Жизнь».* Хочется привести ещё одну авторскую цитату: *«Поверьте, нет ничего сильнее любви. Это ценнейший дар...»* — веришь героине этой почти сказочной истории. Счастье есть. Ведь преображение мира и своей души — высшая задача человека. Собственно, как и это небольшое лирическое эссе — тоже маленькое сотворение мира, подчас странного и непознаваемого. Исповедь Яны необходимо прочесть каждому: бьвают на свете вещи настоящие, боль и радость — невыдуманные.

5

Мы убеждаемся, что при выборе всех публикуемых в журнале произведений Валерий Хатюшин не покидает изначально взятой им литературно-художественной высоты: читателю пред-

лагается исключительно качественная проза. Широкому кругу вышеперечисленные имена говорят сами за себя. Всё понятно. Дешёвая беллетристика здесь не проходит. Мы все находимся в сотворчестве и сотворении, в непрерывном литературном диалоге. И должны противостоять той же антилитературе. Журналы — это тот же наркотик: открывая свежий номер, читатель просто нуждаемся в тактильных прикосновениях. Что доставляет тебе самое большое удовольствие в жизни? Ответ мой будет прост и незамысловат. Чтение. И я благодарна Валерию Васильевичу за полученные в дар журналы! Ведь они как хроно ушедшего и реального — целое событие! Литература — это будущее в прошедшем.

Должна ли литература давать ответы? В записных книжках Бахтина читаем: «Смыслами я называю ответы на вопросы». Соглашусь, но лишь отчасти. Правильно поставленный вопрос — не менее ценен. Цель литературы — выразить невыраженное. Литература — это последовательное проникновение в сферу невыразимого, овладение у неё новых пространств. У каждого из нас на земле своя миссия. И русская литература, замечу, является выражением духа народа, тем самым утверждая свою непреходящую ценность.

Следует отметить, пронзительную правду жизни содержат рубрики журнала — «Очерк и публицистика», «Уроки истории», «Символ веры», «Русский вопрос», «Русский мир», «Вызовы времени», «Литературная критика» и другие — заключающие в себе мощный культурный и интеллектуальный срез эпохи. Здесь хотелось бы напомнить литературоведческие статьи **Валерия Васильевича Хатюшина** «Без божества» и «Отрицательная литература», раскрывающие православное осмысление нашего бытия. Автор обращает внимание на то, что искусство и литература должны быть подчинены высшим религиозным задачам, а сам художник должен помнить об актуальности классики и традиции, следовать целеустремлённости писательского слова как духовного деяния человека. Особое значение Валерий Хатюшин придаёт русской художественно-философской мысли, русскому ощущению мира, трагическому и спасительному одновременно, призывает нас сохранить православную веру, историческую память и никогда не забывать, что вера в Бога всегда присутствует в нашей жизни. Помните, что правда истории должна восторжествовать! Парадигма нового века — литература и национальный идеал!

Так в своей книге «Лермонтов. Тоска небывалой весны», которая публиковалась в нескольких номерах «Молодой гвардии» (2018 г.), писатель, краевед **Нина Бойко** представила глубокое, опирающееся сугубо на факты и документальные источники исследование биографии поэта Михаила Юрьевича Лермонтова и его последней роковой дуэли. Читателю открываются новые детали и подробности, которые заставляют под другим уг-

лом взглянуть на ту давнюю и такую близкую во всех смыслах трагедию. Книга написана в увлекательном литературоведческом стиле, она читается как полноценное художественное произведение. Материал подаётся в широком историко-философском контексте. Буквально одна цитата из этого жизнеописания: «*Через много лет философ и литературный критик Василий Васильевич Розанов скажет о Лермонтове: «Он ничего не похищает, он не Пугачёв, пробирающийся к царству, а подлинный порфирородный юноша, которому осталось немного лет до коронования».* За эту книгу Нина Бойко удостоена Премии имени Михаила Лермонтова.

Образно и самобытно пишет о поэзии и судьбе Евдокима Русакова литературовед **Любовь Федунова**. Она отмечает его чисто народное мирозерцание, красоту языка, любовь к Родине, к корневой почве деревенской жизни. Сказывается крестьянская философия жизни, опора на природную силу народной речи, истоки которой берут своё начало в Древней Руси. В стихах поэта, безусловно, ощущаются есенинские традиции. В качестве выразительного примера приведу цитаты из его произведений:

Щедро соль России сыплет / На рубаху косаря.

Русь извечная, Русь избяная / Прядёт жизни волшебную нить.

Стою в полях. И в дымке синей / Я слышу здесь, сквозь ветра зов,

Как дышит сердце всей России / В волненье зреющих хлебов.

Стоит обозначить: определяющим моментом, концентрирующим главные смыслы, является в журнале «Молодая гвардия» и публицистика. Мы сейчас живём после очередного катаклизма, вызванного распадом СССР. Легко сказать: переломное время — не лучшее время для литературы. Между тем, общество с постсоветской реальностью освоилось. Незаметно промелькнули два первых десятилетия уже нового XXI века. Хотя поразил 2015 год — оглушительный рейтинг Сталина!

Неоспоримо одно: есть явный запрос и востребованность на сильную власть и утраченную мощь Державы, на былую социальную справедливость. Отсюда — противостояние в обществе, а в литературе — разделение по группам и периодическим изданиям: традиционалисты-патриоты («Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва», «Слово», «Русский Вестник») и либерал-демократы («Знамя», «Дружба народов», «Звезда», «Нева», «Новый мир»). Это идеологическое размежевание произошло еще в 80—90-е годы прошлого века. И сегодня не менее актуально читать «толстые» литературные журналы, хотя «перестройка» и «гласность» давно закончились.

Надо признать, подлинная, насыщенная драматизмом жизнь открывается в публицистическом цикле Валерия Хатюжина «Протуберанцы. Размышления и воспоминания». Заметки писателя имеют живую и свободную форму, которая подобно дневниковым записям, постоянно обновляется свежими фактами и событиями. Авторский диапазон обширен: поездки по стране, военная ситуация на Украине, общественная и историко-литературная деятельность. Чувствуется уверенная фактура письма, чёткая логика и постановка реальных вопросов, вскрывающих проблематику нашего бытия. Безусловно, его подвижническое дело служения Отчизне, его смелое публицистическое слово вызывают уважение.

Но всегда ли усваиваются уроки истории? Василий Ключевский, исследуя общественные процессы, пытался понять: «Почему история ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков? Каждое следующее поколение почему-то присваивает себе право вершить суд истории вместо внимательного изучения ее уроков». Разнообразной и многоликой видится русская история в неординарном публицистическом очерке **Андрея Башкирова** «"Отречение", которого не было». Автор разумно относится к историческим фактам, имеет собственный объективный взгляд на историю, что действительно ценно. Он критически подходит к периоду так называемого «отречения» Царя Николая II, где даёт беспристрастную оценку происходящему, оценку человека, который искренне любит Родину, переживает за свой народ. Величие истории чувствуют все. *«Сегодня, спустя четыре века после всенародного воцарения Романовых на русском престоле, можно говорить об особой значимости Дома Романовых на судьбы России и всего мира»*, — пишет Андрей Башкиров. С болью и с горечью он говорит о разрушительной роли Февральской революции 1917 года, когда Россия погрузилась в хаос. Фиксирует конкретные данные: царя предал не народ, а «каменщики» из Государственной Думы России, высший генералитет, придворные круги, приближенные к Государю. Добровольное отречения царя от власти не было, имело место насильственное свержение законного Государя — советская историография на протяжении многих лет умышленно скрывала правду. И досконально разбирается в совершённом преступлении: враги срубили Россию под самый корень вместе с монархической веткой. Революцию 1917 года оценивает однозначно — негативно. Иначе как объяснить запредельное и гибельное торжество зла, охватившее страну и души людей: Октябрьская диктатура, позорный Брестский мир, жестокая Гражданская война, красный террор? Русский философ Константин Леонтьев, категорически отвергавший все революции, высказался вполне определенно: «Господь не обещал спасения через совершенствование общественного строя, внушая человеку совсем другую идею подвижничества: общество ты можешь усовершен-

ствовать, только усовершенствовав самого себя». Человечество заблуждается, стремясь избирать наиболее легкие пути, и, не получив желаемого, лишь бессмысленно разрушает уже созданное. Автор заставляет нас задуматься: предавшие ритуальным палачам Царя достойны ли Отечества? Вся беспощадность правды, открывающей иллюзорность революционных идей, правду о предательстве Отечества, а значит, и себя лично, пронзительно выразил в стихах «Цареубийцы» участник Первой мировой войны, русский офицер, эмигрировавший в Харбин, талантливый поэт Арсений Несмелов. Говоря об этом «отречении, которого не было», пожалуй, будет уместно их напомнить: «И один ли, одно ли имя — / Жертва страшных нетопырей? / Нет, давно мы ночами злыми / Убивали своих Царей. / И над всеми легло проклятье, / Всем нам давит тревога грудь: / Замыкаешь ли, дом Ипатьев / Некий давний кровавый путь?»

Вся русская история — свидетель прошлого, пример для настоящего и предостережение грядущим поколениям. Воистину оживают эпохи, возрождаются из пепла города, поднимаются из забвения великие личности, о героическом и трагическом рассказывают судьбы и людей знаменитых, и самых обычных в патриотическом очерке протоиерея **Геннадия Беловолова** «Чем гордиться русскому человеку?» История для автора — это, прежде всего, люди, о которых он говорит образным языком, пишет честно, по правде, по совести. «... любовь к Родине. Но что же ты в ней любишь? Что для тебя Родина? Чем ты гордишься в ней и в её истории?», — как христианин ставит он прямые и животрепещущие вопросы. Его ответы — символы веры, прочно опирающиеся на наши древние корни, на традиционную уваровскую формулу: «Православие, Самодержавие, Народность» — три идеала, три столпа российской государственности. «Вера, Царь, Отечество» — как было принято говорить в народе. Империя — это мир! И включает она прежде всего: 1000-летнюю историю наших Побед, наш русский язык, нашу русскую душу, наше Православие, нашу великую русскую культуру и литературу. Автор воссоздает образ Православной России — Русской земли — как отражение образа Обетованной земли Царства Небесного. Русь — не просто государственное образование, а широколиственное русское древо. Определенный культурно-исторический контекст составляет в очерке обращение к уже незримым истокам нашей истории, её героическим свершениям. Честь и славу великой Руси завоевывали выдающиеся исторические личности. Панорамно описана в очерке Куликовская битва — Донские побоище. Полтора столетия томилась Русь под игом монголо-татар, что было расплатой за раздробленность, княжьи междоусобицы. 8 сентября 1380 года (лето 6888-го от сотворения мира) развеялся миф о непобедимости татар и ордынских войск. Во главе русского войска встал великий князь московский и владимирский Дмитрий Иванович. И вся рус-

ская земля поднялась по его призыву. Историк Василий Ключевский в своих трудах был восхищен поколением, вышедшим на Куликово поле и «не испытывавшим ужаса перед татаринном», хотя по численности войско Мамаю превосходило русское вдвое. Дмитрий Донской убедительно доказал — сила Руси в единстве. И протоиерей Геннадий Беловолов говорит о том, что несмотря на тяжелые потери, результаты Куликовской Победы были огромны, как огромно и ее историческое значение. Русская земля восприняла этот жертвенный подвиг как начало полного освобождения от ордынского ига, объединив русские силы под знаменем князя Московского. Имя народного героя канонизировано Собором Русской Православной Церкви в 1988 году: святой благоверный Дмитрий Донской является самым выдающимся русским полководцем и государственным деятелем XIV века. Мы видим, что историю Руси творили личности эпохальные и значительные. Так именно князь Владимир стал преобразователем Киевской Руси, сделал ключевой выбор — Крещение, оказавшее исключительное влияние на развитие всей православно-русской цивилизации. Золотым веком древнерусской культуры Киевской Руси, ее расцветом является время княжения Ярослава Мудрого, который возвысил положение Руси среди Европейских государств, укрепил Христианскую веру, усовершенствовал закон, образовывал народ, строил первые русские монастыри, создавал исторические летописи. Народ, впитавший такую историю, не мог не одержать и Победы в Великой Отечественной войне! Сегодня символ этой Победы — культовое шествие «Бессмертного полка» — как самый высокий смысл национальной гордости и мощи! *«Мы верим, что бы ни случилось с Россией — она всегда воскреснет со Христом. Русская душа, её вера, её святые, её язык, её слово, её песня, русская Пасха, русские цари, русская женщина — вот предмет нашей радости, восхищения и смиренной гордости. Это мы, это наше. И будут и Победы, и космос, и Крым, и святые, и на Марс ещё полетим»*, — так вдохновенно завершает свой героический очерк протоиерей Геннадий Беловолов.

Ведущую и основополагающую роль России в мировой истории рассматривает и **Виталий Даренский** в своём философско-историческом очерке «Духовный смысл русской истории». Он подчёркивает: *«Русская история уникальна тем, что главным и решающим в ней всегда был фактор духовно-нравственный, а не материальный»*. Это даёт, по мысли автора, «ключ к пониманию тех возможностей и перспектив, которые имеет и современная Россия». Говорит о пагубном влиянии глобализма, компьютеризации и цифровизации. Останется ли человек? Не придёт ли ему на смену человек глобальный, бездуховный, предсказанный романами-антиутопиями XX века, который в христианских категориях называется «человеком последних времён»? Именно об этом предостерегал человечество великий прови-

дец Ф.М. Достоевский. Дабы не уподобиться Западу, России необходима собственная национальная идея, и она должна оставаться сама собой. Философ А. Зиновьев в своём социологическом романе «Глобальный человек» также писал о западной модели общества, рождающей всё искусственное, превращающей творческую личность в индивида-биоробота. *«Русскому ни за что нельзя обратиться в европейца, оставаясь хоть сколько-нибудь русским, а коли так, то и Россия, стало быть, есть нечто совсем самостоятельное и особенное, на Европу совсем не похожее и само по себе серьезное»*, — находим этому подтверждение у Достоевского («Дневник писателя»).

Между тем, вопреки всеобщей глобализации значимость национальной культуры в мире возрастает. Литература преодолевает временное ради вечного. Поэтому всегда будет актуально вневременное — то, чем оперирует к читателю литература. Валерий Хатюшин — энтузиаст этого великого литературного труда. Благодаря изданию журнала «Молодая гвардия» его роль в современном литературном процессе и его вклад, который он вносит в развитие русской словесности, весьма значимы и ощутимы. Писатель и главный редактор легендарного журнала «Молодая гвардия» не останавливается и продолжает делать своё дело. Несмотря — и вопреки.

Верно сказал Владимир Крупин: «Для меня главный герой нашего времени — человек, принадлежащий к Богу и видящий спасение России только на путях Православия». Этот нелёгкий путь, твёрдо стоя в вере, и осуществляет Валерий Хатюшин, щедро отдавая свой талант людям и служению слову, Отечеству, его идеалам добра, гуманизма и человечности.

г. Минск